SOVREMENNIK 43

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1842.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXVII.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sovremennik_1842_27

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1842.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 – 1159

ПЕРВОЕ ПОСѢЩЕНІЕ ЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВГУСТѢЙШИМЪ ЕГО КАНЦЛЕРОМЪ.

Тридцать три года, со времени присоединенія овой Финляндіи къ Россіи, тамошній Университетъ ользуется благодѣяніями Монарховъ Русскихъ. Го-ударь Императоръ Николай Павловичь, 1816 года до вступленія Своего на престолъ, былъ анцлеромъ Университета. Съ какимъ высокимъ до-оинствомъ и вмѣстѣ съ какимъ уваженіемъ къ Уни-рситету изволилъ тогда выразиться въ Рескриптѣ овый Канцлеръ, вступая въ Свою должность! Вотъ о Онъ написалъ къ Проканцлеру и Консисторіи овѣту) Университета: «Милостивые Государи! Его Императорское Величество изволилъ ввѣрить Мнѣ должность Канцлера Абовскаго (нынѣ Александ-овскаго) Университета. Чувствую, что симъ зна-комъ Его благоволенія обязанъ Я только вашему

«единодушному и добровольному выбору, и поспѣшаю «изъявить вамъ Мою признательность. Руководимый «болѣе Моею любовію къ наукамъ, нежели убѣжде- «ніемъ въ собственныхъ силахъ Моихъ, Я принимаю «сію должность въ надеждѣ, что съ помощію вашихъ «свѣдѣній буду содѣйствовать къ благоденствію Уни- «верситета, пользующагося въ ученомъ мірѣ столь «справедливымъ уваженіемъ. Финляндія, счастливая «подъ отеческою державою Государя Императора, «счастливая своими постановленіями и успѣхами об- «разованности, всегда будетъ наслаждаться процвѣта- «ніемъ наукъ и искуствъ, доколѣ не оставитъ пути, «которому понынѣ слѣдовала. Съ Моей стороны Мнѣ «будетъ пріятно способствовать тому въ качествѣ «Представителя Университета предъ Его Импера- «торскимъ Величествомъ. Примите, Милостивые «Государи, увѣреніе въ сихъ чувствованіяхъ, коими «Я проникнутъ. Время и опытность еще укрѣпятъ «ихъ, но не усилятъ того благорасположенія, какое «Я всегда буду оказывать столь достопочтенному «учрежденію. 31 Марта, 1816. С. п. б.»

Въ 1825 году, по вступленіи на Всероссійскій престолъ, Императоръ изволилъ назначить на Свое мѣсто Канцлеромъ Университета Государя Наслѣдника съ повелѣніемъ покойному Графу Ребиндеру исправлять сію должность до времени дѣйствительнаго въ нее вступленія Его Императорскаго Высочества. Еще прежде этой эпохи, столько радост-

ныхъ надеждъ представлявшей въ будущемъ Университету, Государь Наслѣдникъ, въ 1840 году, изволилъ изъявить ученому сословію Университета живое, исполненное прекраснаго чувства участіе въ судьбахъ его. Читатели Современника конечно навсегда сохранятъ въ памяти своей Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Консисторіи Университета по случаю празднованія тамъ двухсотлѣтняго юбилея (Т. XX Современ., 22 стран., первой нумераціи). Наконецъ съ 1841 года, въ слѣдствіе Высочайшей воли Его Императорскаго Величества, Государь Наслѣдникъ принялъ въ непосредственное собственное вѣдѣніе дѣла Александровскаго Университета.

Но Университетъ, до весны нынѣшняго года, еще не имѣлъ счастія видѣть предъ собою Высокаго своего Канцлера. Мы увѣрены, что читатели наши съ истинною благодарностію примутъ описаніе событія, которое уже принадлежитъ исторіи и Университета и его Канцлера.

Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ изволилъ отсюда отправиться въ Гельсингфорсъ на пароходѣ, который прибылъ въ Свеаборгъ 15 Мая сего 1842 года въ 5-мъ часу полудни. Сильная пушечная пальба съ крѣпости возвѣстила объ этомъ вожделѣнномъ событіи жителямъ

Финляндской столицы. Многочисленная толпа мгновенно собралась у пристани для встрѣчи и привѣтствія Его Высочества. Всѣ окна ближнихъ домовъ были (какъ расказываетъ очевидецъ) облѣплены лицами; вся площадь занята народомъ. Но къ общему сожалѣнію узнали часа черезъ два, что Великій Князь, приставъ у заведенія искуственныхъ минеральныхъ водъ, инкогнито проѣхалъ по городу и уже находился въ домѣ Исправляющаго должность Генералъ-Губернатора, назначенномъ для пребыванія Его Высочеству. Вечеромъ Государь Цесаревичъ изволилъ ѣздить по городу въ коляскѣ, сопровождаемый Г. Министромъ Статсъ-Секретаремъ Финляндіи Графомъ А. Г. Армфельтомъ. При возвращеніи, толпа, тѣснившаяся у подъѣзда, встрѣтила Его Высочество громкими *ура!*

На другой день, 16 Мая, все Университетское сословіе чиновниковъ собралось въ 10 часовъ утра въ домѣ подлѣ Генералъ-Губернаторскаго, а оттуда, по объявленному соизволенію, къ Великому Князю. Члены Университета представляемы были по старшинству ихъ службы Г. Вице-Канцлеромъ Генераломъ отъ Инфантеріи А. П. Теслевымъ. Его Высочество удостоивалъ Профессоровъ вопросами объ успѣхахъ ввѣренныхъ имъ частей. Съ особеннымъ благоволеніемъ Его Высочество изволилъ распрашивать Ординарнаго Профессора Исторіи Россіи и Русской Литературы Грота, какое получили движеніе

эти обѣ части, по новому плану образованныя въ Университетѣ. По окончаніи представленія Высокій Канцлеръ объявилъ представлявшимся, что скоро увидится съ ними въ Университетѣ.

Зданіе Александровскаго Университета прелестно по своей классической простотѣ, красивости пропорцій и удобству для своего назначенія. Гельсингфорсъ этимъ украшеніемъ, гдѣ образуется почти все юношество Финляндіи, обязанъ щедротамъ Государя Императора Николая Павловича. Оно построено на правильной квадратной площади противъ Сената. Государь Наслѣдникъ изволилъ въ это же утро смотрѣть парадъ и затѣмъ посѣтить Сенатъ. Отсюда Его Высочество прибылъ въ Университетъ, котораго лѣстница и сѣни наполнены были любопытствующими. За Великимъ Княземъ, старшіе Члены Университета, имѣющіе право присутствовать въ Консисторіи, отправились въ присутствіе. Августѣйшій Канцлеръ Университета изволилъ взять въ Консисторіи мѣсто Ректора, который въ свою очередь взялъ мѣсто старшаго Члена. Съ правой стороны Его Императорскаго Высочества стоялъ Г. Министръ Статсъ-Секретарь, а съ лѣвой Г. Вице-Канцлеръ. Это конечно была одна изъ прекраснѣйшихъ минутъ въ жизни юнаго Наслѣдника Всероссійскаго престола. Въ собраніи представителей учености, которой плодамъ цѣлый край обязанъ мирными своими доблестями и чистотою нравовъ, Онъ видѣлъ Себя

Главою ихъ и предстателемъ у благодушнаго Монарха. Присутствіе открыто было чтеніемъ Всемилостивѣйшаго объявленія о пожалованіи Государемъ Императоромъ ежегодной суммы на путешествія молодыхъ людей, отличающихся въ Университетѣ успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ. Когда Графъ Армфельтъ кончилъ это чтеніе, всѣ Члены Консисторіи встали для изъявленія Его Высочеству благодарности за новое благодѣяніе отъ Престола Университету. За тѣмъ были докладываемы обыкновеннымъ порядкомъ дѣла на разрѣшеніе Канцлера. По окончаніи засѣданія Его Высочество изволилъ обратиться къ собранію съ слѣдующими словами: «Присутствіе «Мое въ вашемъ засѣданіи Я считаю для Себя особен«ною честью. О вашемъ Университетѣ со всѣхъ сто«ронъ Я слышу однѣ только похвалы — и это для «Меня тѣмъ дороже, что Родитель Мой былъ здѣсь «Канцлеромъ. Я надѣюсь видѣть въ васъ и на буду«щее время тѣхъ же сподвижниковъ, которые до «сихъ поръ исполняли свои обязанности столь добро«совѣстно и съ такимъ усердіемъ. Я надѣюсь также, «что не въ послѣдній разъ имѣю удовольствіе посреди «васъ находиться.» Передъ самымъ выходомъ Канцлера изъ Консисторіи Графъ Армфельтъ доложилъ Его Высочеству, что Профессоръ Гейтлинъ желаетъ имѣть счастіе поднести экземпляръ Русско-Шведскаго лексикона, имъ составленнаго, какъ первый опытъ въ семъ родѣ сочиненій, а Профессоръ Гротъ свое привѣтствіе, для встрѣчи Его Высочества назначав-

шееся. То и другое было принято Государемъ Великимъ Княземъ съ истиннымъ благоволеніемъ. Мы надѣемся доставить удовольствіе читателямъ, помѣщая здѣсь послѣднее.

«Ваше Императорское Высочество!

«Александровскій Университетъ наконецъ дождался вожделѣннаго счастія принять подъ кровъ свой Того, въ Комъ онъ давно съ благоговѣйною любовію чтитъ своего Августѣйшаго Предстателя. Какими же словами можемъ достойно привѣтствовать столь Высокаго Гостя? Велика наша радость, но велико и смущеніе. Но и въ самомъ смущеніи одна мысль, одно чувство сохраняетъ въ душѣ нашей всю свою силу: мы такъ живо помнимъ все, чѣмъ цвѣтущее наше учрежденіе обязано Мудрому Возстановителю своему и въ Бозѣ почіющему Брату Его; мы такъ глубоко чувствуемъ всѣ Ихъ безмѣрныя щедроты, всю Ихъ неистощимую благость, даровавшую намъ и завидный жребій быть подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества. Можемъ ли же въ сіи незабвенныя мгновенія начать съ чего либо инаго, кромѣ вѣрноподданнической благодарности, коею мы проникнуты? И мы спѣшимъ исполнить предъ лицемъ Державнаго Хранителя нашего сладостный долгъ сердца, излить нелицемѣрную, безпредѣльную признательность нашу къ Высокому Дому Его. Но чѣмъ обильнѣе источникъ ея,

тѣмъ скуднѣе слова, и наше чувство уже безмолвствуетъ.

«Время, въ которое Ваше Императорское Высочество осчастливили Финляндію Своимъ посѣщеніемъ, соединено съ важными воспоминаніями какъ для Гельсингфорса, такъ и въ особенности для нашего Университета. Въ настоящемъ году истекаетъ двухсотлѣтіе съ той поры, какъ Гельсингфорсъ стоитъ на нынѣшнемъ мѣстѣ своемъ. Основанный въ 1550 году верстахъ въ шести отсюда, онъ вскорѣ испыталъ неудобство сего положенія и въ 1642 году послѣдовало его перемѣщеніе. Черезъ сто лѣтъ послѣ того рѣшился близъ сего города жребій войны между Россіей и Швеціей. При Гельсингфорсѣ воинство Императрицы Елисаветы Петровны стяжало въ 1742 году безсмертную славу: непріятель, прижатый къ морю Генераломъ Ласси, близъ нынѣшней Абовской заставы, принужденъ былъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ положить оружіе и отдать побѣдителю всю свою артиллерію.

«Но особливо для Университета настоящіе радостные дни напоминаютъ другую незабвенную эпоху. Десять лѣтъ тому назадъ, въ Іюнѣ, совершилось освященіе зданія, въ которомъ мы удостоиваемся привѣтствовать нашего Августѣйшаго Канцлера. Какъ блистательно судьба дозволяетъ Университету праздновать окончаніе его перваго десятилѣтія! Съ какою

сугубою радостію онъ можетъ оглянуться на пройденный путь и принести Небу благодареніе за столько новыхъ благъ, имъ испытанныхъ! Самое зданіе сіе, въ своей величавой стройности, не служитъ ли краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ великодушія просвѣщеннаго Монарха? И оно уже въ 1833 году удостоилось принять своего Вѣнценоснаго Основателя: еще въ 1830 г. осчастлививъ берега сіи Своимъ присутствіемъ, Государь Императоръ, черезъ три года послѣ того, какъ чадолюбивый Отецъ, вновь благоизволилъ прибыть сюда въ сопровожденіи своей Августѣйшей Супруги. Въ 1840 году Университетъ, по Всемилостивѣйшему соизволенію Его Императорскаго Величества, совершилъ на семъ новомъ мѣстѣ празднество своего двухсотлѣтія. Начало 1841 года ознаменовано вожделѣннымъ вступленіемъ Вашего Высочества въ дѣйствительное управленіе дѣлами Александровскаго Университета: вотъ обстоятельства, придающія особенный блескъ началу его существованія. Наконецъ настоящее событіе достойно заключаетъ собою рядъ отрадныхъ явленій прошлаго десятилѣтія и, стоя на рубежѣ новаго, какъ бы озаряетъ свѣтомъ надежды даль грядущаго. Невольно переносимся мыслію за двадцать два года назадъ, и вспоминаемъ, какъ весною 1820 г. Державный Родитель Вашего Императорскаго Высочества, въ званіи Канцлера Финляндскаго Университета, изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ городъ Або и присутствіемъ

Своимъ увѣковѣчить засѣданіе Консисторіи 31 Мая 1820 года.

«Видя нынѣ продолженіе своего счастія, видя новый знакъ благоволенія Высокихъ Благотворителей своихъ, Университетъ по истинѣ съ умиленіемъ возсылаетъ къ небу пламенныя мольбы о славѣ и долгоденствіи Августѣйшихъ Виновниковъ своего счастія.»

Оставивъ залу Консисторіи, Великій Князь изволилъ осматривать прочія части Университета, какъ-то: музеумы, аудиторіи, и наконецъ вступилъ въ парадную залу, гдѣ стояли всѣ студенты по отдѣленіямъ, каждое при своемъ кураторѣ и инспекторѣ. Поговоривъ прежде частно съ нѣкоторыми, Его Высочество изволилъ стать передъ каѳедрою (замѣчательнымъ памятникомъ въ новомъ зданіи: она спасена отъ пожара въ Або и перевезена въ Гельсингфорское зданіе Университета), обратился ко всѣмъ съ трогательною Рѣчью, въ которой изъявилъ Свое удовольствіе студентамъ, желаніе, чтобы они такъ же продолжали учиться и вести себя, и благодарилъ «всѣхъ, всѣхъ» за ихъ усердіе. Въ оба раза (разсказываютъ присутствовавшіе тамъ), въ Консисторіи и въ залѣ, Великій Князь говорилъ съ такимъ искреннимъ благоволеніемъ, съ такою сердечною теплотой, что можно было, и не зная языка, на которомъ Онъ говорилъ, понимать Его Высочество. Это посѣщеніе Канцлера будетъ имѣть самое благодѣтельное

вліяніе на весь составъ Университета. Великій Князь изволилъ отправиться послѣ въ ботанической садъ, на магнитную обсерваторію и осматривалъ нѣкоторыя другія заведенія.

Въ день прибытія въ Гельсингфорсъ Его Высочества, вечеромъ городъ былъ прелестно иллюминованъ; особенно Лютеранская Николаевская церковь (еще не освященная) и Университетская обсерваторія, на одной изъ самыхъ высокихъ скалъ устроенная, унизанныя огненными полосами, чудесно сіяли на своихъ высотахъ. Передъ зданіемъ Университета пылало огромное А съ двумя щитами по обѣ стороны и огнями во всѣхъ окнахъ. Окна Ратуши составляли каждое особую букву, а всѣ вмѣстѣ имя: Alexander. Сенатъ и многіе изъ частныхъ домовъ также освѣщены были великолѣпно. На другой день, къ обѣду Его Императорскаго Высочества, имѣли счастіе получить приглашеніе всѣ почетныя особы города, въ томъ числѣ и Ректоръ Университета Профессоръ Урсинъ. Вечеромъ, въ Соціететсгусѣ, для Августѣйшаго Гостя приготовленъ былъ балъ и ужинъ. Комнаты убраны были съ необыкновенною пышностію. Его Высочество пожаловалъ въ 9 часовъ и изволилъ принимать участіе въ танцахъ, а въ половинѣ 12 часа возвратился къ Себѣ, объявивъ напередъ, что не имѣетъ привычки ужинать.

На слѣдующее утро, въ Воскресенье, Его Высочество былъ въ Русской церкви, а послѣ изволилъ смотрѣть на стрѣльбу Финскаго Стрѣлковаго баталіона. Вслѣдъ затѣмъ представлялись къ Его Высочеству депутаты отъ города съ изъявленіемъ благодарности за присутствіе на балѣ. Всѣ представители Александровскаго Университета имѣли счастіе получить отъ Августѣйшаго Канцлера драгоцѣнные подарки. Въ этотъ же день Вице-Канцлеръ Университета давалъ для Его Высочества балъ въ залѣ заведенія искуственныхъ минеральныхъ водъ. Эготъ почти сельской праздникъ долженъ былъ начаться въ 6 часовъ вечера. Зелень и цвѣты съ удивительнымъ вкусомъ украшали залу. У самаго подъѣзда Великій Князь былъ встрѣченъ дѣтьми Его Высокопревосходительства, которыя для Высокаго Гостя усыпали цвѣтами лѣстницу. Хотя Его Высочество не изволилъ танцовать, но удовольствіе и участіе въ общемъ веселіи видимо изображались на лицѣ. Онъ милостиво удостоивалъ разговорами окружавшихъ Его. Въ 9 часовъ Великій Князь изволилъ оставить залу: у подъѣзда уже коляска ожидала Его Высочество. Всѣ присутствовавшіе, даже дамы, устремились мгновенно къ выходу, чтобы еще разъ имѣть счастіе взглянуть на удалявшагося Гостя, котораго посѣщеніе конечно останется незабвенною эпохою въ лѣтописяхъ Гельсингфорса. Между тѣмъ на берегу, у морскихъ купаленъ, въ виду которыхъ стоялъ пароходъ, уже собралась густая толпа народа. На деревянной кос

помѣстились всѣ студенты. Когда Его Высочество изволилъ сѣсть въ шлюпку, въ народѣ раздалось ура! а студенты запѣли стихи, сочиненные на Финскомъ языкѣ Профессоромъ Линсеномъ. Вотъ они въ Русскомъ переводѣ Профессора Грота:

«Юный Хранитель нашъ! свѣтлой надежды
Образъ прекрасный для юныхъ сердецъ!
Чистыя радости скромный привѣтъ
Съ трепетомъ нынѣ Тебѣ мы поемъ.

«Сердце младое открыто и пылко:
Съ нашимъ не сходно ли бьется Твое?
Да! Мы читаемъ такъ ясно обѣтъ
Нашего счастья во взорѣ Твоемъ.

«О, какъ внушаетъ Твой видъ нетерпѣнье
Дѣломъ заботы Твои оправдать,
Съ цѣлью высокою выступить въ свѣтъ,
Правдѣ служить безкорыстнымъ трудомъ.»

Великій Князь два раза изволилъ вставать и благодарилъ ихъ. Во все время, пока шла шлюпка Его Высочества, голоса студентовъ не умолкали. Тутъ слышалось сперва народное наше: Боже, Царя храни!, прекрасно переведенное на Шведской языкъ, и наконецъ общее ура! Въ добродушномъ восторгѣ своемъ, студенты не только пѣли, но и махали безпрестанно шляпами своими. Возвратившійся на берегъ

отъ парохода лоцманъ расказывалъ, что и Его Императорское Высочество, взошедъ на пароходъ, махалъ имъ въ отвѣтъ фуражкою. Пѣніе студентовъ тогда только замолкло, когда пароходъ исчезъ изъ ихъ вида.

ЧИЧИКОВЪ ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ, ГОГОЛЯ.

I.

Къ вамъ, Г. Редакторъ Современника, я обращаюсь съ моими замѣчаніями о новомъ сочиненіи Гоголя и о другихъ предметахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу критики — потому къ вамъ, что сами вы не любите говорить много, и еще болѣе потому, что, кажется, не занимаетесь сужденіями другихъ журналистовъ. Слѣдовательно вы, какъ говорится, человѣкъ свѣжій.

Я прочиталъ въ Сѣверной Пчелѣ, что у Гоголя, судя по Чичикову, нѣтъ таланта, что книга написана безъ вкуса, и что даже она наполнена литературными непристойностями. Обвиненія, взведенныя на писателя, давно извѣстнаго съ хорошей стороны публикѣ, естественно заставили меня поскорѣе принять-

ся за чтеніе поэмы. По-моему выходитъ, что Гоголь едва ли не на столько же поднялся выше въ искуствѣ, сравнительно съ прежними его произведеніями, сколько онъ своимъ талантомъ вообще превосходитъ теперешнихъ Русскихъ писателей. Скажу болѣе: мнѣ кажется странно, говоря о немъ, входить въ объясненіе, чѣмъ сочиненіе его лучше той или другой книги изъ напечатанныхъ съ нимъ въ одно время. У него въ искуствѣ не видно уже авторскаго усилія приблизиться къ опредѣленной цѣли, какъ напримѣръ, навести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценою, растрогать идеальною картиною горестнаго положенія, краснвымъ описаніемъ природы приготовить воображеніе къ поразительной нечаянности, и тому подобное. Онъ самъ весь проникнутъ жизнію—и вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вмѣстилище всего внѣшняго. Вышедши изъ своего уединенія мысли на поприще явленій жизни, онъ обязанность созерцателя перемѣняетъ на ощущеніе дѣйствующихъ, и мы видимъ только рядъ поразительныхъ сценъ, не подозрѣвая, что дѣло состоитъ въ искуствѣ автора. Таково было всегда разстояніе отъ великихъ, впрочемъ столь рѣдко появляющихся художниковъ, до самыхъ умныхъ, разборчивыхъ и всякой похвалы достойныхъ ихъ учениковъ или послѣдователей. То, что говорили у васъ въ Петербургѣ объ игрѣ Листа, меня наводитъ на эту же мысль. Состояніе души его во время исполненія

музыки, и то, чѣмъ сила его чуднаго постиженія наполняетъ, проникаетъ, такъ сказать, дробящіеся у другаго звуки, и то, что онъ дѣйствительностію сочувствія съ идеею автора вноситъ въ сердце слушателей, развѣ это все усиліе искуства, а не страданіе или радость жизни? Развѣ можно при этомъ говорить о чистотѣ, вкусѣ и бѣглости игры другаго артиста, чтобы каждому отдать ему принадлежащее?

II.

Вы не подумаете конечно, что поэма Гоголя начата безъ основной идеи, что искуство ему не покоряется, и что онъ влечется за мимолетящими ощущеніями. Но дѣло въ томъ, что у писателей высшаго разряда, какъ въ самой природѣ, явленія просты, доступны постиженію всякаго, а зараждаемыя ими мысли разнообразны, обширны и толпятся въ душѣ во всѣхъ видахъ, какіе только созерцающая душа воспринимать способна. Сколько людей разсматриваетъ, наприм., захожденіе солнца. Всѣмъ знакомы явленія, его сопровождающія, между-тѣмъ какъ у каждаго изъ размышляющихъ почти всякой разъ возникаетъ новая идея при этомъ зрѣлищѣ. На книгу Гоголя нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго страстями жалкими, но неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества. Мы еще не знаемъ, куда вынесетъ его этотъ потокъ, а между-тѣмъ видимъ разви-

тіе первыхъ склонностей души и уже прожили съ героемъ періодъ замѣчательный, не по дѣйствіямъ его, но по впечатлѣніямъ. То еще впереди, что въ поэмѣ называется дѣйствіемъ: передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ, странныхъ его шаговъ. Неизвѣстный никому человѣкъ прибылъ въ губернскій городъ. Исполнивъ извѣстные обряды общежитія, онъ втирается въ тамошній кругъ. Это представляетъ ему возможность завести по-одиначкѣ съ каждымъ изъ владѣльцевъ неожиданный и неслыханный дотолѣ торгъ. Онъ видитъ уже исполнившимся намѣреніе свое. Но тайна его полуоткрыта — и онъ едва успѣваетъ убраться изъ города.

Вотъ какъ еще немного развито дѣйствія, если говорить о сочиненіи, измѣряя достоинство его тѣмъ, чѣмъ питается праздное и немыслящее любопытство. Но въ сущности искуствъ не вымыселъ важенъ, а жизнь. Ея полное и поэтическое развитіе есть прямая цѣль великихъ художниковъ. Накопленіе разнообразныхъ періодовъ жизни безъ глубокаго и вѣрнаго ихъ обозначенія во власти каждаго писателя, хотя бы онъ былъ безъ таланта и призванія. Конечно есть правило въ критикѣ: не останавливать движенія дѣйствія. Но какъ понимать его? Значитъ ли это безпрестанно прибавлять что-нибудь новое къ общему ходу исторіи? Совсѣмъ нѣтъ. Какъ въ дѣйствительной жизни наружное движеніе не доказываетъ еще внутренней дѣятельности, которая одна по справедливости назы-

вается нашею жизнію; такъ и въ произведеніи искусства развитіе дѣятельности каждаго момента есть истинно-художническое движеніе. Впрочемъ критика, на теоріи основанная, и критика, раждающаяся въ минуты созерцанія самыхъ явленій, часто не соглашаются между собою — по причинамъ, очень понятнымъ каждому опытному судьѣ. Всѣ правила сами по себѣ конечно должны быть хороши, потому-что раждаются отъ долговременныхъ наблюденій. Но примѣненіе правилъ есть опытъ, зависящій отъ силъ каждаго. Кто ихъ условія сознаетъ самъ собою, тотъ и дѣйствуетъ успѣшно; а кто ловитъ ихъ и безсознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически.

III.

Для того, что теперь напечаталъ Гоголь, онъ взялъ планъ до такой степени простой и незаманчивой, что автора можно упрекать въ отсутствіи разнообразія хода поэмы. У него одиннадцать главъ. Первая содержитъ описаніе прибытія Чичикова, а послѣдняя отъѣздъ. Средина заключаетъ сцены то у помѣщиковъ, продающихъ ему не только безполезное, но и тягостное имущество свое, то у городскихъ его знакомыхъ. Главное дѣйствующее лице пока одинъ Чичиковъ, лице, еще невысказавшееся, не герой, по старымъ понятіямъ, не идеалъ, по требованіямъ эстетики, а человѣкъ обыкновенный, съ какою то неиз-

вѣстною намъ цѣлію, немножко осторожный, впрочемъ попавшійся уже разъ въ бѣду отъ своей неосмотрительности. При немъ слуга и кучеръ — безъ всякаго отношенія къ его дѣлу. Болѣе выказавшіяся и, каждое въ своемъ мѣстѣ, болѣе дѣйствующія лица найдены авторомъ въ томъ обществѣ, посреди котораго очутился нашъ герой. Они лучше всего доказываютъ, какое неистощимое богатство характеровъ, оттѣнковъ, наблюденій, всѣхъ видимыхъ и сокровенныхъ движеній жизни хранится въ душѣ автора. Я могъ бы вамъ исчислить очень обстоятельно лица, выведенныя въ поэмѣ, и обозначить приблизительно черты каждаго изъ нихъ. Но все это не будетъ ничего доказывать. Можетъ быть, другой сочинитель еще болѣе наберетъ лицъ и представитъ ихъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыхъ тема многозначительнѣе. Но можно ли уже сказать, судя по одному плану, что произведеніе будетъ совершеннѣе? Все въ немъ зависитъ отъ совершенства исполненія. А этаго нельзя иначе почувствовать, какъ читая книгу, или, вѣрнѣе сказать, проживъ съ лицами весь періодъ, обнятый сочинителемъ.

Изображеніе цѣлаго общества, или порознь его членовъ, столько принимаетъ особенностей, что невозможно никакой на это привести классификаціи. По большой части мы замѣчаемъ тутъ особенность самаго автора. Но самыя высшія, какъ говорятъ, красоты этаго рода, уже доказываютъ неуспѣхъ. Краски и

тонъ должны выразить жизнь представляемаго, а не представляющаго. Если и замѣтно въ авторѣ стремленіе къ достиженію этой цѣли, сколько видоизмѣненій окажется въ созданіи въ соотвѣтственность чувству, уму и воображенію писателя! Изучая произведеніе, самый критикъ, безъ сочувствія, безъ равенства эстетическихъ силъ, данныхъ природою художнику, не впадетъ ли въ собственныя ошибки? Всѣ подобнаго рода соображенія надобно имѣть въ виду, когда мы желаемъ произнести или принять мнѣніе касательно всякой новой книги. а тѣмъ болѣе созданія ума высшаго и необыкновенно оригинальнаго.

IV.

Гоголь, какъ я сказалъ, возвелъ характеръ искусства въ поразительное явленіе самой жизни. Онъ, въ этомъ художническомъ отчужденіи собственнаго участія, такъ превосходитъ всѣхъ писателей, что нерѣдко перестаешь подозрѣвать его присутствіе тамъ, гдѣ онъ, какъ раскащикъ, обязанъ находиться. Онъ весь проникнутъ сферою движущагося около него общества, дѣлитъ его образъ мыслей, говоритъ его языкомъ, признаетъ за истину всякую, самую ложную его идею — и такимъ образомъ ничто васъ не потревожитъ въ очарованіи созданной имъ дѣйствительности. Послушайте, наприм: толки городскихъ жителей, прослышавшихъ, что Чичиковъ накупилъ крестьянъ навыводъ.

«Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на-выводъ крестьянъ. Изъ прѣній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета.» Конечно, говорили иные, это такъ, противъ этаго и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой.» «Это-бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степанъ Дмитріевичь, но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ, на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ, ни избы, ни двора, убѣжитъ какъ дважды-два, навостритъ такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.» «Нѣтъ, Алексѣй Ивановичь, позвольте, позвольте: я несогласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русской человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу.» «Но, Иванъ Григорьевичь, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ. Я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка, и буйнаго поведенія.» «Такъ, такъ, на это я согласенъ. Это правда: никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики

Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись въ новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было немало такихъ примѣровъ: просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже.» «Никогда, никогда, говорилъ управляющій казенными фабриками, повѣрьте, никогда, это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага: первый врагъ есть близость губерній Малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова, и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякой вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другаго, а чтобы самъ-такп лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину и подзатыльника.» «Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя. «Да, найдете управителя! все мошенники.» «Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ.» «Это правда, подхватили многіе. Знай господинъ самъ хотя сколько нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей; у него будетъ всегда хорошій управитель. Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель

сказалъ, что можно и за 3000 сыскать. Но управляющій сказалъ: гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу? Но предсѣдатель сказалъ: «нѣтъ не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно Петръ Петровичь Самойловъ; вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова.» Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такаго огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала. Стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника; что капитанъ-исправникъ самъ хоть и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли неизлишнею; были однако же и такія, которыя дышали кротостію. Почмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность; что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцемъ, по его выраженію: ввести даже въ благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

«Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побѣждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію, и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.»

Приведенный мною отрывокъ есть общій очеркъ значительной части общества, посреди котораго находится Чичиковъ. Я предпочелъ это спокойное изложеніе сужденій рѣзкимъ явленіямъ какаго нибудь частнаго случая, именно потому, что оно менѣе представляетъ успѣха обыкновенному писателю. Въ усиліи набросать, при заготовленной сценѣ, карикатурный или даже высокой характеръ, не мудрено попасть на удачу и сорвать дань улыбки или похвалу читателя; но это я называю искуствомъ, чтобъ не сказать вѣрнѣе ремесломъ. Оно говоритъ много въ пользу труда, и ничего можетъ недоказывать въ истинѣ таланта. Но отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ

въ авторѣ, повидимому безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ.

V.

Вы найдете во многихъ сочиненіяхъ сцены или по крайней мѣрѣ отрывки, со всею вѣрностію перенесенные изъ жизни въ область искуства. Между тѣмъ отъ нихъ ни сколько не выигрываетъ книга, точно такъ, какъ она остается безъ малѣйшаго достоинства, удовлетворивши всѣмъ требованіямъ теоріи. Какъ владѣть предметомъ: ожидать ли полнаго его развитія въ самой жизни, возводить ли его въ идеальное состояніе, ограничиваться ли въ его бытіи лучшими моментами, подчиниться ли слѣпо его собственной натурѣ? это все вопросы, ежедневно раждающіеся, когда дѣло доходитъ до критики; но вопросы, которыхъ ни судьи, ни подсудимые удовлетворительно разрѣшить не могутъ. Противъ каждаго приговора можно поставить множество явленій, которыя торжественно будутъ доказывать то односторонность, то полное заблужденіе судей. Въ душѣ человѣка, одареннаго талантомъ, неизъяснимо, можетъ быть и безотчетно, но вѣрно и могущественно дѣйствуетъ это чувство, этотъ вкусъ, этотъ тактъ, сколько, гдѣ и когда надобно воплощать природу, а равнымъ образомъ сколько, гдѣ и когда недовѣрять ей и образовать собственное цѣлое, лишь бы оно въ согласіи было съ ея законами.

Если бы успѣхъ искуства постоянно зависѣлъ отъ устраненія безполезныхъ усилій производящей способности души, много бы у насъ сочиненій достигло того совершенства, которое поражаетъ меня въ Гоголѣ. И такъ несомнѣнно тутъ сокрыта высочайшая дѣятельность таланта въ соединеніи съ этимъ непостижимымъ, какъ я сказалъ, тактомъ, или съ этою врожденною воспріемлемостію однѣхъ художническихъ красотъ всякаго предмета. Отъ чего, напримѣръ, столько неожиданныхъ перерывовъ въ частяхъ, повидимому требовавшихъ равной отдѣлки? Есть рѣчи, которыя льются нескончаемо, а другія едва начаты и прерваны. Есть характеры, которые развиты и снова пополняются, а много едва намѣченныхъ. Подобныхъ вопросовъ много. Но явленія не случайны. Они постигнуты сочувствіемъ поэта съ таинствомъ не книжной, а его собственной внутренной эстетики, которая, будь она приведена имъ въ науку, привела бы другаго къ заблужденіямъ и ошибкамъ, столько разъ повторявшимся отъ теорій.

VI.

Въ произведеніяхъ искуствъ, называемыхъ изящными, первое достоинство заключается въ независимости созданія. Она составляетъ самый несомнѣнный признакъ, что художникъ творитъ по призванію природы, и слѣдовательно законно вступаетъ на свое поприще. Независимость не отстраняетъ другихъ со-

вершенствъ, заключающихся въ самой идеѣ всякаго изящнаго произведенія, которое не отходитъ ни въ чемъ отъ общихъ законовъ природы, то есть, истины. Но исполненіе послѣднихъ еще не доказываетъ самобытности таланта, который долженъ всему въ твореніи сообщить собственное содержаніе, объемъ, части, характеръ, форму, краски и выраженіе. Все это поразительно чувствуешь, читая *Мертвыя души*. И прежде Гоголя были писатели съ настроеніемъ чисто комическимъ. И прежде него провинція давала богатый матеріалъ талантамъ. И прежде него смѣсь Европейскихъ нравовъ съ невѣжествомъ и безвкусіемъ рѣзко отражалась то въ романахъ, то въ комедіяхъ, то въ повѣстяхъ. И прежде Гоголя простонародный языкъ игралъ веселую роль на устахъ героевъ, подмѣченныхъ авторами въ глуши, на облучкѣ саней, въ людской избѣ, или даже въ нашей вентѣ. Мы всѣ читали это съ удовольствіемъ, начавъ съ Фонвизина и кончивъ М. Н. Загоскинымъ. Но вслушайтесь повнимательнѣе въ какой угодно разговоръ, помѣщенный въ Чичиковѣ Гоголемъ. Напримѣръ, вотъ старая помѣщица Коробочка. Чичиковъ попалъ къ ней изъ-дороги ночью. Они сошлись утромъ у самовара.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера: въ темномъ платьѣ, и

уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все также было что-то навязано.

«Хорошо, хорошо! говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

«Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки; такъ вотъ и ломитъ.

«Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлѣбнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

«Не дурно, матушка; хлѣбнемъ и фруктовой.» Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, не смотря на ласковый видъ, говорилъ однако же съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ, или Нѣ-

мецъ вѣкъ не смѣкнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій. Онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашемъ, хотя конечно въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ: хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки — — — и проч., и проч.

«У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго восемдесятъ, сказала хозяйка, да бѣда: времена плохи; вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни!

«Однако жъ мужички на-видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу? Я такъ разсѣялся. . . пріѣхалъ въ ночное время. . .

— Коробочка, коллежская секретарша.

«Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

«Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица. Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

«Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ Чичиковъ усмѣхнувшись. Чай не засѣдатель, а такъ ѣздилъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А! такъ вы покупщикъ? какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ, такъ дешево; а вотъ ты бы, мой отецъ, у меня вѣрно его купилъ.

«А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вотъ и пеньки у меня теперь маловато: полпуда всего.

«Нѣтъ, матушка, другаго рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осмнадцать человѣкъ! сказала старуха вздохнувши. И умеръ такой все славный

народъ, все работники. Послѣ того правда народилось, да что въ нихъ — все такая мелюзга; а засѣдатель подъѣхалъ: подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

«Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды, пожаръ бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ-чуръ выпилъ, только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ какъ уголь, а такой былъ преискусный кузнецъ! и теперь мнѣ выѣхать не на чемъ, некому лошадей подковать.

«На все воля Божья, матушка! сказалъ Чичиковъ вздохнувши—противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

«Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

«Да такъ просто. Или пожалуй продайте, я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? я право въ толкъ-то не возму. Нечто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко, и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ, сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

«Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя?

«Да кто же говоритъ, что онѣ живыя! Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите; а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа Понимаете! да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, произнесла хозяйка съ разстановкой. Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

«Еще бы! это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этаго-то я не думаю. Что жъ въ нихъ за прокъ? проку никакаго нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

Ну, баба, кажется крѣпколобая! подумалъ про себя Чичиковъ. «Послушайте, матушка! да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать какъ за живаго...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! подхватила помѣщица. Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста. Да засѣдателя подмаслила.

«Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому-что теперь я плачу за нихъ: я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности. Я совершу даже крѣпость на свои деньги; понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, это дѣло точно какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ по-

купщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

«Такъ что жъ, матушка, по-рукамъ что ли? говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила, вотъ и третьяго года протопопу двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую, и очень благодарилъ — такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

«Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а онѣ того... онѣ больше какъ-нибудь стоятъ.

«Послушайте, матушка... эхъ какія вы! чтожъ онѣ могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это просто прахъ. Вы возмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя.

«Экъ ее дубинно-головая какая! сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. Поди ты, сладь съ нею! въ-потъ бросила проклятая старуха. Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. Вы, матушка, сказалъ онъ, или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями. Понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, по-чемъ продали медъ?

— По двенадцати рублей пудъ.

«Хватили немножко грѣха на душу, матушка: по двенадцати не продали.

— Ей Богу, продала.

Ну, видите ль? Такъ за то это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души

дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакаго не прилагали старанья ; на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двенадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старушка наконецъ подастся.

— Право, отвѣчала помѣщица, мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маненько повременю: авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

«Страмъ, страмъ, матушка! просто страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ-случай понадобится... возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

«Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватила? Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ что ли?

— Съ нами крестная сила! какія ты страсти говоришь! проворчала старуха крестясь.

«Куда же еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да впрочемъ вѣдь кости и могилы все вамъ остается; переводъ только на бумагѣ: Ну, такъ что же? какъ же? Отвѣчайте по крайней мѣрѣ!

Старуха вновь задумалась.

«О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть. Лучше я вамъ пеньку продамъ.

«Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете. Пенька пенькою; въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ-сердцахъ стуломъ объ-полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! вскрикнула

она, вся поблѣднѣвъ. Еще третьягодня всю ночь мнѣ снился окаянный, вздумала-было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да видно въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкой привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

«Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ однаго христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... да пропади и околѣй со всей вашей деревней...

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

«Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая нибудь, не говоря дурнаго слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ-было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому-что я и казенные подряды то же веду... Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: да что жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

Есть изъ чего сердиться! Дѣло яица выѣденнаго не стоитъ: а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только смотри, отецъ мой, на счетъ подрядовъ-то, если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ пожалуста не обидь меня.

«Нѣтъ, матушка, не обижу, говорилъ онъ, а между-тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ распросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какаго-нибудь повѣреннаго, или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ?

— Какъ же: Протопопа, отца Кирила, сынъ служитъ въ палатѣ, сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо, и чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.»

Сцена еще не оканчивается здѣсь. Угощеніе, послѣдовавшее за совершившимся торгомъ, изображено столько же оригинально, какъ и живо. Но мы ограничимся выписанными мѣстами. Они достаточно могутъ показать, въ чемъ состоитъ независимость таланта Гоголя. Развитіе идей въ обоихъ лицахъ, настойчивость съ одной стороны, трусливость и корыстолюбіе

съ другой, хитро-сплетенныя доказательства обман-
щика и простодушныя опроверженія глупой старухи,
ихъ рѣчи, то сжатыя, то многословныя, но все-
гда вѣрныя духу нашего неистощимо-разнообразнаго
языка, вѣрныя рѣзкимъ особенностямъ народнаго
мышленія — все является въ какомъ-то чудномъ,
поразительномъ образѣ, проникнутомъ и новостію, и
истиною, безъ малѣйшихъ излишествъ, безъ преувели-
ченій, въ естественномъ движеніи, въ полнотѣ и
въ завидномъ спокойствіи, которое одно сообщаетъ
сценѣ высокое значеніе въ художественномъ отношеніи.
Я изъяснилъ уже прежде, почему характеры, дѣй-
ствія и положенія лицъ не въ усиленномъ состояніи,
въ состояніи жизни безыскуственной, предпочитаю
всѣмъ вымысламъ разительнымъ, часто призываемымъ
въ художества за недостаткомъ естественнаго могу-
щества красоты. По этой самой причинѣ я здѣсь
привелъ примѣръ, которой свидѣтельствуетъ, сколько
внутренней силы, независящей отъ условныхъ до-
стоинствъ труда, вложила природа въ душу худож-
ника. Его собственный, проницательный, вѣрный
взглядъ возводитъ въ эстетическую сферу такія об-
стоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель
не извлекъ бы ничего, кромѣ натянутыхъ остротъ и
скучныхъ шуточекъ. У Гоголя, напротивъ, никто
не смѣшонъ, потому что въ жизни и дѣйствіяхъ каж-
даго есть истина, убѣждающая читателя. Перейдешь
по всѣмъ отдѣленіямъ вещей и лицъ, не только на-
чиная отъ Селифана, но и отъ самаго Чубараго, до

легковоздушной Институтки и ея отца, и ни въ чемъ не откроешь тѣни подложнаго или сомнительнаго: все возникаетъ изъ закона внутренней жизни, слѣдовательно все появляется не для потѣхи, не отъ умыслу на забаву, а по назначенію, по призванію природы: и такъ все серьёзно, все важно, все внушаетъ естественное участіе.

VII.

Вы конечно не удивитесь, что книгу, которая можетъ служить источникомъ и образцемъ комической красоты, я нахожу серьёзною. Въ противоположность серьёзному я представляю все, что говорится или дѣлается съ видимымъ сознаніемъ не-истины, шутки, и т. п. Въ Чичиковѣ, какъ можно было замѣтить по многимъ мѣстамъ первой моей выписки, не только дѣйствующія лица, но и самъ авторъ такъ проникнуты сочувствіемъ съ малѣйшимъ обстоятельствомъ описываемыхъ предпріятій и жизни, что нерѣдко и читатель перестаетъ быть постороннимъ лицомъ, нечувствительно увлекаясь въ окружающую его сферу. Нѣтъ сомнѣнія, что все это слѣдствіе искуства; но въ томъ и торжество таланта, что онъ изъ него умѣлъ создать дѣйствительность. По моему вкусу, тѣ только черты выбиваются изъ этой волшебной комедіи, которыя рѣзко наводятъ на умышленную эффектность, какъ наприм., нѣсколько словъ въ устахъ Манилова и нѣсколько поступковъ въ жизни Плюшкина. Пер-

вое лице, идеалъ приторной вѣжливости, можетъ быть, и подмѣчено авторомъ въ натурѣ, но по своей рѣдкости отзывается *сочиненіемъ*. Плюшкинъ упадаетъ нѣсколько въ толпу подобныхъ себѣ скрягъ, уже выведенныхъ столько разъ на сцену. Вѣроятно, самые недостатки его художественности, т. е. все переувеличенное въ его поступкахъ, и заслужатъ ему похвалы отъ людей, которые неспособны ничѣмъ быть тронуты, кромѣ переувеличенія.

Между-тѣмъ въ этомъ же изображеніи Плюшкина находится расказъ, погружающій читателя въ тѣ невольныя, глубокія думы, которыя возникаютъ въ душѣ каждый разъ, когда ее поражаютъ печальныя, но несомнѣнныя истины. Это описаніе постепенности паденія человѣка.

«А вѣдь было время, когда Плюшкинъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мѣльницы, валильны, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ во все входилъ зоркій взглядъ хозяина, и, какъ трудолюбивой паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ,

опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на-встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, объ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цаловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или нерадъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя Француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яица, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому-что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сертукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешли къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе, и какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ потому, что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть, какаго кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу

проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость: сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель Французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ Палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ, и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе, и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его

домъ; наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между-тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по-прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ; такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба; столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха—все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала

раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако же ее простилъ, и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличь къ чаю и новый халатъ, потому-что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ—одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое—покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ, куличь и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.»

Дополнивъ это развитіе характера сценами, авторъ, какъ бы въ негодованіи на своего актёра, восклицаетъ:

«И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду: все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юно-

шескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ; не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея; на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.»

Вы чувствуете, что тотъ же самый Плюшкинъ, надъ которымъ за минуту нельзя было не смѣяться, довелъ васъ до созерцанія красоты высокой. Такъ все во власти великаго таланта.

VIII.

Ежели характеры Манилова, который отъ всякаго слова улыбается и въ сладостномъ умиленіи почти зажмуриваетъ глаза, и Плюшкина, одѣтаго такъ, что вы не узнаете издали, кто передъ вами: мужикъ или баба, ежели эти характеры мнѣ кажутся сочиненными, я это говорю не потому, чтобы авторъ въ ихъ бытъ не довольно внесъ жизни и ея частностей — ихъ столько, что для обыкновеннаго писателя довольно было бы на порядочную книгу — но мнѣ кажется, что въ поэмѣ, которая такъ ярко отражаетъ все народное, предпочитать надобно и самыя особенности или даже странности болѣе свойственныя націи, нежели просто обще-человѣческія. Народная поэ-

ма есть исторія въ лицахъ, между которыми, естественно, избираются выставляющіяся чаще и ярче. Вотъ что противъ изображенія Плюшкина сказалъ самъ Гоголь.

«И такъ, вотъ какаго рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ. Должно сказать, что *подобное явленіе рѣдко попадается на Руси*, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же въ сосѣдствѣ подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину Русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный Принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы; всю ночь сіятъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени а вверху темнѣе и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ

вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.»

Мы живемъ въ эпоху, въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ ближайшаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнію и произведеніемъ искуства. Если поэтъ и вздумаетъ въ своемъ созданіи возобновить дѣйствіе другой націи или давно прошедшаго времени, тѣмъ не менѣе отъ него мы требуемъ полнаго изученія избраннаго имъ предмета и самаго неподдѣльнаго сочувствія съ жизнію прошлою. Теперь странно вносить въ художества неопредѣленныя идеи, вѣрныя по изученію сердца человѣческаго вообще, но не схваченныя на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Такаго рода художественныя задачи забыты въ старыхъ книгахъ и отяжелѣвшихъ школахъ. Поэма Гоголя во всѣхъ прочихъ частяхъ можетъ служить образцемъ соотношенія между жизнію и искуствомъ. Я могъ бы указать на каждый изъ выведенныхъ имъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями Русской жизни. Но меня особенно поражаетъ доконченность въ объемѣ всякаго изъ нихъ. Указать на извѣстныя черты какаго-нибудь лица можно и не бывши великимъ поэтомъ. У кого есть нѣсколько наблюдательности, памяти и соображенія, то и достигнетъ до описанія удачнаго. Но исчерпать всю глубину недѣлимаго; постигнуть его во всѣхъ обстоятельствахъ; разобрать

самыя противоположности его дѣйствій и привести ихъ къ одному началу—вотъ труднѣйшая задача, которую рѣшили одни геніальные писатели. Укажу вамъ на характеристику Ноздрева. Не говоря уже о томъ, какъ въ каждомъ его движеніи разыгрывается сцена типической жизни, наблюдайте его во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ только авторъ встрѣчается съ нимъ — вы изумлены будете пепстощимостію его оттѣнковъ, всегда новыхъ, всегда поэтическихъ, всегда истинныхъ, всегда однородныхъ при самыхъ противорѣчащихъ по наружности дѣйствіяхъ. Подлѣ нашего Ноздрева Итальянецъ Яго покажется очеркомъ, не болѣе: такъ широко провелъ Гоголь по картинѣ своею мастерскою кистью.

IX.

При всѣхъ достоинствахъ, которыя завпсѣли единственно отъ таланта художника, поэма конечно поразитъ каждаго недостаткомъ важнымъ. Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни — серьёзнаго общественнаго питереса. Я не умѣлъ придумать другаго названія тому качеству нашихъ разговоровъ, мыслей и поступковъ, которое, не отнимая у нихъ особенностей національности, придаетъ имъ цѣнность общую и вводитъ ихъ съ соприкосновеніе съ питересами другихъ народовъ. Самыя поразптельныя мѣста, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ,

откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Въ первой моей выпискѣ, гдѣ на сценѣ цѣлое общество, разговоръ живъ, разнообразенъ; въ немъ исчерпано все комическое, прямо относящееся къ тому случаю, о которомъ идетъ рѣчь—но онъ прекрасенъ только относительно, когда читатель какъ-нибудь сближенъ съ понятіями общества. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художническаго мастерства автора, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Это все ни сколько не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его. Авторъ безъ такту, привыкнувшій обманываться въ своихъ ощущеніяхъ, легко подымающійся на ходули, когда не на чемъ болѣе показаться высокимъ, обыкновенно поддѣлывается подъ какой-нибудь извѣстный ему тонъ — и такимъ образомъ все рисуетъ ложно. Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само. Исключенія встрѣчаются или въ другомъ разрядѣ людей, или, проглядывая даже здѣсь, не входятъ еще въ жизнь какъ черты рѣзкія. Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя наша общежительность хранитъ въ своей исторіи любопытныя доказательства въ оправданіе того, что и у всѣхъ, самыхъ великихъ писателей Русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ.

Я не смѣшиваю этаго достоинства съ развитіемъ происшествія въ поэмѣ или романѣ. Тутъ снова требованіе обращается къ автору. Если въ вышедшемъ томѣ поэмы Гоголя мы не удовлетворены съ этой стороны, обвинять его никто не въ-правѣ. Онъ самъ объявилъ, что теперь напечаталъ одно вступленіе, слѣдственно поэма, въ собственномъ смыслѣ, еще впереди. О ней заключеніе надобно поберечь до выхода обѣщанныхъ двухъ томовъ.

X.

Въ языкѣ поэмы есть недосмотры. Гоголь воображеніемъ своимъ такъ сливается съ образомъ вещей и лицъ, о которыхъ разсказываетъ, или которыя заставляетъ дѣйствовать, что удобство или красоту размѣщенія словъ совсѣмъ опускаетъ изъ виду, лишь бы не ослабить силы представленія. Грамматическая критика, навѣрное, возметъ за то свой полушечный оброкъ съ автора. Я думаю, что дурной языкъ нигдѣ такъ не господствуетъ, какъ въ сочиненіяхъ безталантныхъ писателей, которые, ничего сильно не чувствуя, не обнимая вполнѣ идей, не умѣя войти въ оттѣнки частностей, обо всемъ говорятъ безъ отчету, безъ мѣры, вяло или съ переувеличеніемъ, словомъ, каждою фразою портятъ языкъ, если только находятъ вѣрующихъ себѣ читателей. У Гоголя, въ замѣнъ ничтожныхъ недосмотровъ, пропущенныхъ безъ сомнѣнія отъ поспѣшности изданія

книги, есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у геніальныхъ писателей: сжатость выраженій, мѣткость и точность словъ и неразъединяемость ихъ отъ понятій. Вы лучше всего можете объ этомъ судить по моимъ выпискамъ. Въ дополненіе привожу еще одно описаніе — образецъ краснорѣчиваго языка и картиннаго представленія предметовъ.

«Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи: зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый, колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и

начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее какъ темная пасть; оно было все окпнуто тѣнью—и чуть-чуть мелкали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый, дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленыя лапы-листья, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя воронья гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, *все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединяются вмѣстѣ: когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцемъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ*

нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.»

Послѣднюю мысль отмѣтилъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы, остановившись на ней, вошли въ духъ писателя, который мимоходомъ, но съ изумительною отчетливостію, изложилъ въ этихъ краткихъ словахъ всю свою теорію изящнаго — и тѣмъ самъ приготовилъ отвѣтъ критикамъ на всѣ замѣчанія о его вкусѣ, родѣ сочиненія, слогѣ, украшеніяхъ и даже, какъ выражаются они, неотдѣлкѣ языка. Его книга точно этотъ садъ. Кому не понравится зрѣлище, здѣсь имъ представленное, это волшебное вмѣстилище свѣжести, зелени, благоуханія, прохлады, дикости, красоты и безмолвія, тотъ конечно не пойметъ ни меня, ни автора. Но что сказать тѣмъ, которые будутъ недовольны языкомъ его? Не лучше ли отослать ихъ къ тощимъ писателямъ, которые вмѣсто краснорѣчія сердца и воображенія поднесутъ имъ строчки, выпрямленныя по линѣйкѣ грамматики? Мы точно не привыкли къ языку дѣйствительнаго чувства, къ языку поэтовъ-живописцевъ, къ языку страстныхъ поклонниковъ и знатоковъ природы. Кромѣ Жуковскаго, я не помню, кто у насъ рисовалъ словомъ, увлекаемый прелестію природы и постигая искуство словесной живописи. Между-тѣмъ, языкъ, это мощное орудіе ума, чувства и воображенія, только и созидается вдохновеніемъ.

Послѣ всего этаго предоставляю судить вамъ, хорошъ ли языкъ у Гоголя.

Я писалъ подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Мнѣ не удалось сообщить замѣчаніямъ моимъ формы правильной и легкой. Но я убѣжденъ, что истина во всякомъ видѣ полезна.

С. Ш

19 *Іюня*, 1842
Житомиръ.

УЧЕНОЕ ФИНЛЯНДСКОЕ ОБЩЕСТВО

За четыре года передъ симъ, въ Гельсингфорсѣ нѣсколько лицъ изъ Ученыхъ Финляндцевъ образовали особое Общество, чтобы своими трудами способствовать успѣхамъ наукъ и распространенію пользы отъ нихъ въ отечествѣ. Они убѣждены были, что соединенными силами вѣрнѣе можно достигнуть этой благородной цѣли, нежели отдѣльными усиліями каждаго, сколько бы у него ни было любви къ наукамъ и постоянства въ занятіяхъ. Наиболѣе побуждали ихъ къ тому сознаваемые всѣми успѣхи другихъ Обществъ въ Финляндіи же, учрежденныхъ для достиженья цѣлей, преимущественно спеціальныхъ: такъ Финская Литература обработывается особымъ Обществомъ ученыхъ людей; Естественная Исторія и даже Сельское хозяйство — равнымъ образомъ.

Предметы постоянныхъ занятій своихъ они раздѣлили на три класса: I. Науки Математическія и Физическія; II. Науки, составляющія Естественную Исторію; III. Политическая Исторія и Филологія.

Сближеніе разнородныхъ наукъ въ сосредоточенной дѣятельности лицъ, дружелюбно соединяющихся для одной всѣмъ общей цѣли, вездѣ полезно, потому-что ни одна ученая часть не можетъ обойтися безъ помощи другой; а въ Финляндіи это необходимѣе, нежели гдѣ-нибудь. Тамъ процвѣтаетъ старинный Университетъ, третье столѣтіе существующій. Ученое его сословіе должно безпрерывно стремиться къ совершенствованію всѣхъ отраслей учености. Общество, обработывая разныя вѣтви той или другой науки, будетъ заготовлять матеріалы, которые удобно вносить въ систему для ея пополненія новыми истинами. Сверхъ того Финляндія, естественнымъ положеніемъ своимъ отстраненная отъ прочихъ земель Европы, гдѣ всѣ сношенія такъ близки и удобны, по необходимости должна въ нѣдрѣ своемъ искать замѣны этихъ выгодъ сообщенія, которыя содѣйствуютъ успѣхамъ наукъ въ прочихъ государствахъ.

Общество, предположивъ дѣйствовать на избранномъ поприщѣ неослабно и стремиться къ цѣли по прямому пути, послѣ нѣсколькихъ собраній своихъ приготовило для себя проектъ Устава, который все-

подданнѣйше повергнуло на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора Николая Павловича. Его Величество, Высочайше утвердивъ въ $\frac{14}{26}$ день Апрѣля 1838 года существованіе *Ученаго Финляндскаго Общества*, въ слѣдующій же мѣсяцъ соизволилъ изъявить согласіе на всѣ статьи самаго Устава. Августѣйшій Покровитель наукъ и всѣхъ общеполезныхъ знаній въ Отечествѣ, удостоилъ войти вниманіемъ Своимъ въ дальнѣйшія нужды Общества. По докладу Г. Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндіи, Государь Императоръ изволилъ разрѣшить, чтобы изъ запасныхъ суммъ Великаго Княжества ежегодно отпускаемо было Обществу по 1500 р. ас. на покрытіе издержекъ при печатаніи Трудовъ его.

Первое собраніе Ученаго Финляндскаго Общества, послѣ Высочайшаго утвержденія его Устава, было $\frac{16}{28}$ Мая 1838 года. Съ этой эпохи Общество ежегодно, по Всемилостивѣйшему соизволенію Его Императорскаго Величества, $\frac{17}{29}$ Апрѣля, въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича, празднуетъ свое основаніе. Въ торжественномъ его собраніи читается между прочимъ годичный Отчетъ о представленныхъ Обществу сочиненіяхъ, какъ его Членами, такъ и постороннимп лицами. Въ продолженіе всего времени существованія Общества, оно

получило уже *сто три* статьи, изъ которыхъ опредѣлено напечатать въ собраніи Трудовъ его *пятдесятъ пять*.

Въ Іюлѣ 1840 года вышелъ изъ печати первый выпускъ статей, подъ общимъ названіемъ: *Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Tomi primi fasciculus I.* In 4-to; p. XXIV — 192. Второй выпускъ, подъ тѣмъ же названіемъ, напечатанъ въ Октябрѣ 1841 года, и содержитъ 283 стран. Третій, въ которомъ заключается 335 стран., явился въ свѣтъ въ Апрѣлѣ 1842. Въ числѣ сорока напечатанныхъ статей, *девятнадцать* писаны на *Французскомъ* языкѣ (между ними: 1. Высочайшій Рескриптъ по случаю основанія Общества. 2. Уставъ его. 3. Другой Рескриптъ о назначеніи ему ежегодной суммы), *двенадцать* на *Шведскомъ*, и *девять* на *Латинскомъ*.

Профессоръ Физики въ Александровскомъ Университетѣ, Докторъ Философіи и Богословія, *Густавъ-Гавріилъ Гельстремъ* (Hällström) есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Членовъ Общества, равно какъ и самый извѣстный изъ Финляндскихъ Ученыхъ въ Европѣ, обогатившій Физику важными открытіями. Въ первый годъ по основаніи Общества, онъ былъ его Предсѣдателемъ. Статьи его, которыхъ напечатано *девять*, писаны на Латинскомъ и Шведскомъ языкахъ. Другой замѣчательнѣйшій изъ Членовъ Общества по дѣятельности своей и основательнымъ знаніямъ

предмета — Профессоръ Математики въ томъ же Университетѣ, Докторъ Философіи, *Наѳанаилъ-Герардъ Шультенъ* (de Schultén), Непремѣнный Секретарь Общества. Онъ въ Трудахъ его помѣстилъ также *девять* статей всѣ на Французскомъ языкѣ. Нынѣшній Предсѣдатель, *Николай Норденшельдъ* (Nordenskiöld), Докторъ Философіи, главный начальникъ горныхъ дѣлъ въ Финляндіи, напечаталъ на Французскомъ и Шведскомъ языкахъ *шесть* статей по части Минералогіи. Предсѣдатель Общества въ продолженіе втораго года, бывшій Профессоръ Зоологіи и Ботаники въ Александровскомъ Университетѣ и оставившій нынѣ каѳедру съ званіемъ *Заслуженаго*, *Карлъ-Рено Сальбергъ* (Sahlberg), Докторъ Философіи и Медицины, помѣстилъ *шесть* статей о разныхъ предметахъ Естественной Исторіи. Онѣ писаны на Латинскомъ и Шведскомъ языкахъ.

Всѣхъ Дѣйствительныхъ Членовъ Общества теперь *двадцать четыре* : изъ нихъ *семь* въ Отдѣленіи Физико-математическомъ, *восемь* по части Естественной Исторіи, *девять* въ Отдѣленіи Политической Исторіи и Филологіи. Въ изданныхъ Трудахъ Общества участвовали еще слѣдующія лица. Изъ перваго Отдѣленія: *Иванъ-Яковъ Нервандеръ* (Nervander), Докторъ Философіи, Экстраординарный Профессоръ, Директоръ магнитной обсерваторіи и Адъюнктъ-Профессоръ Математики и Физики въ Александровскомъ Университетѣ; *Генрихъ-Густавъ Боренiусъ* (Borenius),

Докторъ Философіи, Лекторъ Нѣмецкаго языка и преподаватель Математики въ томъ же Университетѣ; *Карлъ-Густавъ Тавастшерна* (Tavaststjerna), Главный Директоръ межевой части въ Финляндіи. Изъ втораго Отдѣленія: *Эммануэль Ильмони* (Ilmoni), Докторъ Философіи и Медицины, Профессоръ медицины въ Александровскомъ Университетѣ и Ассессоръ въ медицинской коллегіи; *Графъ Карлъ-Густавъ Маннергеймъ* (Mannerheim), Докторъ Философіи и Правъ, Предсѣдатель верхняго суда Юстиціи въ Выборгѣ. Изъ Третьяго Отдѣленія: *Фредерикъ-Вильгельмъ Пиппингъ*, Докторъ Философіи, Членъ Финляндскаго Сената, библіотекарь и бывшій Профессоръ Исторіи Литературы въ Александровскомъ Университетѣ.

Не смотря на кратковременное существованіе, Общество уже лишилось однаго изъ ревностнѣйшихъ и достойнѣйшихъ своихъ Членовъ, Профессора Химіи въ тамошнемъ Университетѣ *Боисдорфа* (von Bonsdorff). Онъ принадлежалъ къ числу первоначально избранныхъ и умеръ $\frac{30\text{ Декабря, }1838}{11\text{ Генваря, }1839}$ года. Въ третьемъ выпускѣ трудовъ Общества напечатано Похвальное Слово, написанное въ честь ему на Шведскомъ языкѣ Профессоромъ Нервандеромъ. Читатели нашего журнала безъ сомнѣнія приведутъ себѣ на память прекрасныя строки, посвященныя воспоминанію о немъ Я. К. Гротомъ въ статьѣ: *Гельсингфорсъ* (Т. XVIII Соврем.; 20—24 стран., *первой нумераціи*).

Мы почли обязанностію своею обратить вниманіе Русскихъ Ученыхъ на Общество, подвизающееся добросовѣстно, ревностно и съ видимымъ успѣхомъ. Усилія благомыслящихъ людей не должны оставаться безъ участія со стороны тѣхъ, которые съ ними одинаково думаютъ и однаго желаютъ. Нѣкоторые изъ Гельсингфорскихъ Ученыхъ, поименованныхъ нами, находятъ время участвовать своими сочиненіями въ Трудахъ нашей Императорской Академіи Наукъ (Смотр: Bull. Scient., publ. p l'Acad. T. IX. № 9). Можно не безъ основанія надѣяться, что сношенія этаго рода скоро сдѣлаются взаимными между Учеными Россіи и Финляндіи, тѣмъ болѣе, что въ Трудахъ Общества, о которомъ мы пишемъ, статьи печатаются на всякомъ языкѣ, на какомъ только сочинителю удобнѣе изъясняться. Такъ мы встрѣтили тамъ сочиненіе и на Нѣмецкомъ языкѣ, который въ Финляндіи гораздо менѣе употребителенъ, нежели Русскій. Науки составляютъ достояніе всеобщее. Изъ нихъ нѣкоторыя обработывались болѣе въ одномъ государствѣ, нѣкоторыя въ другомъ. Естественно, что и писать по какой-нибудь части пріятнѣе и удобнѣе на томъ языкѣ, на которомъ она, такъ сказать, воспитана, хотя это обстоятельство не препятствуетъ и на другомъ хорошо выразиться о томъ же самомъ. Но есть предметы, о которомъ уже и нельзя почти говорить иначе, какъ на одномъ языкѣ. Въ противномъ случаѣ всѣ усилія выразить въ точности мысль и показать рѣзко ея оттѣнки

останутся тщетными. Мы разумѣемъ здѣсь все собственно *народное*, образовавшееся безъ посторонняго участія въ соотвѣтственность духу народа. Все, что воспитано религіею, законодательствомъ, правительствомъ, обычаями, нравами, бытомъ, языкомъ одного народа, подъ вліяніемъ опредѣленной мѣстности и извѣстной эпохи, все это и передавать лучше на языкѣ того же народа, особенно раскрывая предметъ въ первый разъ для Ученаго Свѣта. Здѣсь уже никакіе расчеты ученаго космополитизма не должны посягать на самый малоупотребительный языкъ. Иначе истина будетъ или потемнена или совершенно обезображена. Пусть предварительно, хотя для небольшаго круга читателей, она явится въ своемъ естественномъ видѣ. Это останется типомъ ея дѣйствительнаго существованія для потомства и исторіи. Переводчики, ослабивъ или исказивъ ее въ угожденіе обширнѣйшему кругу хладнокровныхъ читателей, не умертвятъ первообраза, который сохранится въ душѣ властныхъ и достойныхъ наслаждаться его совершенствами. Таковъ, по-видимому, образъ мыслей и таково убѣжденіе Ученаго Финляндскаго Общества, выразившееся съ полною несомнѣнностію въ Трудахъ, нынѣ имъ изданныхъ. Мы совершенно раздѣляемъ съ нимъ это убѣжденіе, тѣмъ болѣе, что мало извѣстный иностранцамъ нашъ отечественный языкъ, при всей занимательности, при всемъ богатствѣ предметовъ, которые на немъ только и могутъ быть вполнѣ цѣнны для знатоковъ, не нашелъ бы правъ

гражданства во многихъ Ученыхъ Изданіяхъ, если бы въ нихъ вздумали держаться противнаго сему мнѣнія. Но теперь никакой нѣтъ причины собственно Русскимъ, для пользы наукъ, не вступить въ сношенія съ Обществомъ Финляндскимъ, когда тамъ цѣнятъ единственно истину.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива, *съ присовокупленіемъ списковъ со многихъ хранящихся въ ономъ любопытныхъ документовъ, составленное* Петромъ Ивановымъ. *Въ* 8; *XVII,* 447 *и* 29 *стран.*

Книга дѣлится на двѣ части: *въ первой* содержится описаніе Разряднаго Архива, или исчисленіе находящихся въ немъ документовъ, каковы: боярскія книги, боярскіе списки, десятенные списки, смотрѣнные списки, осмотры раненнымъ и престарѣлымъ, десятенные о раздачѣ наградъ, жилецкіе списки и списки о состояніи городовъ. Эта часть представляетъ занимательнѣйшіе матеріалы для обработанія нѣкоторыхъ отраслей древней Статистики Россіи. Во *второй* помѣщены выписки изъ архивныхъ документовъ:

о разрядахъ службы въ древней Россіи, о вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, о церковныхъ церемоніяхъ, о дѣлахъ по мѣстничеству—и наконецъ образцы донесеній Государямъ, рѣчей, имъ говоренныхъ, и челобитень на разные случаи. Все это обогащаетъ Исторію такими сокровищами, сообщаетъ ей столько красокъ и прагматизму, что нельзя не признать труда г. Иванова самымъ полезнымъ, а его книги драгоцѣннымъ подаркомъ Русской Литературѣ.

2. Историческій бытъ Россіи, *или повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ въ Русской землѣ и о дѣяніяхъ ея православныхъ Государей. Книга для народнаго чтенія, составленная* Михаиломъ Максимовымъ. *Въ* 12; 72 *стран.*

Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя издаются для провинціаловъ, вѣрующихъ въ пышныя заглавія и громкія публикаціи. Но осторожный и благоразумный человѣкъ можетъ сообразить, сколько въ маленькой книжкѣ умѣстится обѣщаннаго въ заглавіи, если бы авторъ былъ и дѣйствительно мастерской писатель: а онъ даже и не помышлялъ о литературномъ мастерствѣ, хотя и *мастеръ на заглавія.*

3. Спасо-Андроніковъ. *Сочиненіе* Н. Иванчина-Писарева. *Въ* 8; 130 *стран.*

Въ разрядѣ сочиненій, касающихся достопамятностей мѣстъ, замѣчательныхъ древностію или красотою, и эта книжка не останется безъ читателей. Все, что даетъ свѣдѣнія фактическія или положительныя, предпочтительнѣе произвольныхъ теорій. Г. Иванчинъ-Писаревъ давно уже извѣстенъ какъ любитель отечественныхъ достопримѣчательностей.

*

4. Общій Отчетъ, *представленный* Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія *за* 1841 *годъ*. *Въ* 8; 141 *стран*.

Уже *девять* лѣтъ, какъ нынѣшній Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія ежегодно обогащаетъ Статистику нашу самыми вѣрными *данными* въ отношеніи къ многозначительнѣйшему и любопытнѣйшему изъ предметовъ государственной дѣятельности. Въ началѣ нынѣшняго Отчета онъ говоритъ въ своемъ обращеніи къ Его Императорскому Величеству: «Постепенное совершенствованіе учебнаго и нравственнаго образованія, коимъ сопровождалось попеченіе Вашего Императорскаго Величества о просвѣщеніи народномъ въ обширной, Богомъ врученной Вамъ Державѣ, смѣю сказать, очевидно. Не взирая однако на совокупность благотворныхъ послѣдствій неослабнаго вниманія Вашего

къ этой части государственнаго управленія, всякой годъ служитъ новымъ доказательствомъ, сколь близко сердцу Вашего Величества благоденствіе вѣрноподданныхъ, и какъ тѣсно соединено оно, въ Вашемъ, Всемилостивѣйшій Государь, понятіи съ образованіемъ, основаннымъ на твердыхъ началахъ Вѣры и согласнымъ съ духомъ учрежденій отечественныхъ. Всѣ представленные мною доселѣ отчеты суть не что иное, какъ скромные отголоски сей непреложной истины.» Такимъ образомъ прежде исчисленія всѣхъ предметовъ и частей ихъ, около которыхъ обращалась дѣятельность Министерства, г. Министръ опредѣляетъ степень участія Его Императорскаго Величества въ судьбахъ просвѣщенія и самый характеръ, который по Монаршей волѣ приняло въ Россіи народное образованіе. Постигая во всей обширности и важности вліяніе истиннаго просвѣщенія на всѣ вѣтви государственной службы, видя благотворныя его явленія въ общественной и частной жизни, каждый конечно изъяснитъ, по какимъ сильнымъ побужденіямъ дѣйствуетъ Правительство наше, такъ непзмѣнно и равномѣрно двигая впередъ эту часть своей мудрой попечительности. Въ государствѣ все является какъ плодъ умственныхъ усилій. Ограниченный или ложный взглядъ на вещи влечетъ за собою зло, часто неисправимое. Одинъ человѣкъ, вѣрно и дальновидно распоряжающійся въ своемъ кругу, становится благотворителемъ нѣсколькихъ тысячъ согражданъ на долгіе годы. Но для

успѣховъ несомнѣнныхъ и прочныхъ на этомъ поприщѣ нужны начала, не произвольныя, не вымышленныя, не всеобщія, а извлеченныя изъ существа націи, изъ ея нравственнаго и религіознаго характера, изъ ея состоянія политическаго и физическаго. И вотъ почему избранный Правительствомъ нашимъ путь народнаго образованія такъ утвержденъ на твердыхъ началахъ Вѣры и духѣ учрежденій отечественныхъ. Исторія всѣхъ государствъ и нынѣшнее состояніе ихъ краснорѣчиво убѣждаютъ, что отступленіе отъ сихъ правилъ, вмѣсто истиннаго блага, влечетъ одни безпорядки и часто гибель неизбѣжную.

Разсматривая Отчетъ, съ изумленіемъ останавливаешься на нѣкоторыхъ частяхъ его, и чувствуешь, какаго вниманія требуетъ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1841 году, однихъ обучающихся въ его вѣдомствѣ было 101,054 человѣка. Изъ этаго числа состоитъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Университетахъ, Академіяхъ, Лицеяхъ и Главн. Педагог. Институтѣ) 3,564 челов. Преподающихъ и другихъ должностныхъ тамъ лицъ: 623. Среднія заведенія (Гимназіи и Училища), за исключеніемъ Царства Польскаго, содержатъ 97,490 человѣкъ; преподающихъ и должностныхъ: 5,962 чел. Въ Царствѣ Польскомъ обучающихся въ публичныхъ и частныхъ заведеніяхъ находится 60,865 человѣкъ. Преподающихъ и надзирающихъ тамъ: 2361 чел. Въ Русскихъ Университетахъ и Академіяхъ въ тече-

ніе 1841 года, возведено въ разныя ученыя степени: 845 человѣкъ. Состояніе библіотекъ, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, равнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе. Въ 1841 году, въ Императорской Публичной Библіотекѣ было 434,567 томовъ; въ Академіи Наукъ 100,475. Три Университета (Московскій, Дерптскій и Св. Владиміра) равно и Варшавская казенная Библіотека содержали отъ 70 до 60 тысячь томовъ; прочіе три Университета (С. Петербургскій, Казанскій и Харьковскій) отъ 40 до 30 тысячь томовъ. Есть Гимназіи, которыхъ библіотеки замѣчательны богатствомъ сокровищъ своихъ: въ Митавской Гимназіи 25,334 тома, въ Витебской 13,367. Еще любопытнѣе свѣдѣнія о состояніи публичныхъ Библіотекъ, находящихся въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, этомъ новомъ способѣ повсемѣстнаго распространенія образованности. Въ 1841 году число всѣхъ томовъ, имъ доставленныхъ, восходитъ до 90 тысячь. Уже болѣе 40 губерній воспользовались этимъ источникомъ просвѣщенія и завели у себя библіотеки. Изъ нихъ самая богатая въ Тамбовѣ, гдѣ собрано 12,503 тома.

Все Министерство Народнаго Просвѣщенія главнѣйше дѣлится на 24 завѣдыванія, между которыми девять учебныхъ округовъ и на особомъ положеніи два управленія училищами въ Сибири и за Кавказомъ. Стройность и процвѣтаніе всѣхъ сихъ частей, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе изумляющія наблюдате-

ля, сообщаютъ Отчету всю занимательность исторической книги высшаго значенія.

5. *Краткое обозрѣніе преподаванія учебныхъ предметовъ въ* Военноучебныхъ Заведеніяхъ. *Въ 4; 12 стран.*

6. Программы *Военноучебныхъ заведеній.* I (младшій) классъ. *Въ 4; 91 стран.*

7. Программы *Военноучебныхъ заведеній.* II (высшій) классъ. *Въ 4; 92 стран.*

Въ вѣдѣніи Главнаго Начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ Кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка состоятъ учебныя заведенія, которыхъ цѣль — приготовленіе молодыхъ дворянъ для всѣхъ родовъ военной службы. Заведенія сіи, въ нынѣшнее время, попечительностію Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича, доведены до блистательнаго состоянія. Чтобы судить, сколько вниманія обращено въ нихъ на успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ, довольно разсмотрѣть означенныя нами Программы. Курсъ ученія продолжается тамъ восемь лѣтъ и раздѣляется на приготовительный, общій и высшій. Первый соотвѣтствуетъ дѣтскому возрасту до 12 лѣтъ и не заключаетъ въ себѣ никакаго теоретическаго ученія. Вторый заключаетъ знанія общія, необходимыя для каждаго образованнаго че-

ловѣка и служащія основаніемъ къ пріобрѣтенію познаній и въ другихъ высшихъ наукахъ. Онъ соотвѣтствуетъ возрасту отроческому отъ 12 до 16 лѣтъ и раздѣляется на четыре класса. Третій Курсъ, для молодыхъ людей отъ 16 до 18 лѣтъ, служитъ къ приготовленію ихъ собственно къ военной службѣ и къ довершенію полнаго общаго образованія. Оно заключаетъ въ себѣ окончаніе предметовъ, вошедшихъ въ составъ курса общаго, и собственно военныя науки. Онъ продолжается два года и раздѣляется на два класса.

По соображеніи предварительныхъ мѣръ, такъ отчетливо и справедливо принятыхъ Начальствомъ для образованія юношества, съ истиннымъ удовольствіемъ разсматриваешь всѣ эти программы, какъ ясное разложеніе благородныхъ трудовъ на соотвѣтствующія имъ нравственныя силы. Тутъ не остается уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ помощію водвореннаго въ сихъ училищахъ единства въ числѣ, объемѣ и въ самомъ настроеніи учебныхъ предметовъ, все и повсюду идетъ въ нихъ стройно, благопоспѣшно и достигаетъ блистательной своей цѣли. Чтобы читатели наши могли войти въ сужденіе болѣе обстоятельное о какомъ-нибудь періодѣ этаго примѣрнаго образованія, мы для нихъ выписываемъ здѣсь Оглавленіе предметовъ, преподаваемыхъ въ послѣдній годъ въ высшемъ курсѣ. Вотъ они: *I.* Языки: a) Исторія Русской Словесности, b) Французскій языкъ и Словесность, c) Нѣмецкій языкъ и Словесность; II Науки политическія: a)

Новая Исторія, b) Статистика Россійской Имперіи, c) Законовѣдѣніе; III Науки физико-математическія: a) Механика, b) Химія; IV. Науки Военныя: a) Тактика, b) Артиллерія, c) Фортификація. Мы сожалѣемъ, что изложеніе каждой науки, такъ обстоятельно приведенное въ Программѣ, объемомъ своимъ лишаетъ насъ возможности внести его въ общія замѣчанія наши.

8. Списокъ высшимъ Чинамъ *Государственнаго, Губернскаго и Епархіальнаго Управленія. Въ* 8; 120 *стран.*

По этой книжкѣ, какъ по адресъ-календарю, вы можете справиться о каждомъ значущемъ чиновникѣ, какъ его зовутъ, какой его чинъ и гдѣ онъ числится на службѣ. Хотя не долговременны услуги такаго сочиненія, но въ случаяхъ сильной надобности очень уважительны.

9. Московскій Адресъ-Календарь, *для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ* К. Нистремомъ. *Два Тома. Въ первомъ:* Путеводитель Москвы; *во второмъ:* Лица оффиціальныя. *Въ* 8; 117 *и* 318 *стран.*

Въ предпріятіяхъ подобнаго рода, чѣмъ больше предметовъ, о которыхъ пожелаетъ авторъ сообщить вамъ свѣдѣнія, тѣмъ труднѣе ему не попасть въ

ошибки. Такъ случилось и съ Г. Нистремомъ. Можетъ быть, это произошло и отъ постороннихъ причинъ, но отвѣтственность теперь лежитъ на немъ. Мы совѣтовали бы ему не смѣшивать въ одномъ сочиненіи предметовъ, не подверженныхъ скорой перемѣнѣ, съ предметами, чаще, нежели ежегодно, утрачивающими свои особенности.

10. Галлерея магазиновъ Князя Голицына въ Москвѣ, *описанная* Ѳедотомъ Кузмичевымъ. *Съ приложеніемъ внутренняго вида галлереи. Въ* 16; 60 *стран.*

Москва получила новое, блестящее украшеніе отъ Галлереи магазиновъ. Градоначальникъ древней столицы нашей пріобрѣлъ новыя права на признательность ея жителей. Но бѣдная Литература... Чѣмъ она виновна, что въ ея области, при такомъ торжественномъ событіи, воздвигаютъ безобразный памятникъ!

*

11. Гапсаль, *древній разрушенный замокъ въ Эстляндіи, и при ономъ того жъ имени уѣздный городъ, гдѣ пользуются морскими ваннами, съ видомъ замка.* Н. С. *Въ* 8; 85 *стран.*

Въ исторіи древнихъ замковъ часто заключается занимательнѣйшая часть исторіи городовъ, а иногда

самаго народа, посреди котораго дѣйствовали вла-
ѣтели замковъ. Смотря на предметъ съ этой точки
ѣнія, авторъ воспользовался своимъ пребываніемъ
ь Гапсалѣ и составилъ его исторію, начавъ ее съ
снованія замка, т. е. съ 1228 года, и обогативъ со-
иненіе свое переводомъ древнихъ актовъ, относя-
ихся къ тому же предмету. Все это доставило его
нижкѣ интересъ, а читателю доставитъ пользу.

2. Трое сутокъ въ Новгородѣ. И. Н. *Въ* 8; 82 *стран.*

Здѣсь старина еще любопытнѣе для насъ, поту-
у-что касается отечественной исторіи.

*

3. *Извлеченіе изъ протоколовъ первыхъ засѣданій* Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. *Въ* 4; 56 *стран.*

Бывшая Императорская Россійская Академія,
ь продолженіе *пятидесяти-осьми-лѣтняго* существо-
анія своего, отдѣльно дѣйствуя на образованіе и со-
ершенствованіе отечественнаго языка, успѣла уже
овести ученыя и литературныя изслѣдованія свои
о того предѣла, съ котораго имъ необходимо итти,
ля пріобрѣтенія бо́льшой твердости и глубины, со-
окупно съ прочими знаніями, составляющими бли-

стательный кругъ занятій Императорской Акаде
міи Наукъ. Его Императорскому Величеств
благоугодно было соединить эти первенствующія в
Россіи Ученыя Общества, по единой мысли и дл
единой цѣли нѣкогда основанныя—одно Петромъ I
а другое Екатериною II. Россійская Академія, в
общемъ составѣ Академіи Наукъ, получила названі
Втораго ея *Отдѣленія*, какъ надежное звено межд
физико-математическимъ и историко-филологическим
Отдѣленіями, составляя въ то же время для все
Россіи внятный органъ умственной дѣятельности Ака
деміи. Положеніе о преобразованіи семъ Высочайш
утверждено 19 Октября, 1841 года, а открытіе Отдѣ
ленія послѣдовало 23 Декабря. Изданное нынѣ *Извле
ченіе изъ протоколовъ первыхъ засѣданій* Отдѣлені
содержитъ въ себѣ слѣдующія шесть статей: 1. Со
ставъ Втораго Отдѣленія Императорской Акаде
міи Наукъ; 2. Рѣчь, произнесенная Г. Предсѣдатель
ствующимъ (Е. С. Княземъ П. А. Ширинскимъ
Шихматовымъ); 3. Мнѣніе Г. Предсѣдательствую
щаго о планѣ занятій Отдѣленія; 4. Разсуждені
и заключенія Отдѣленія о планѣ предлежащихъ ем
занятій; 5. Заключеніе Общаго Собранія Импе
раторской Академіи Наукъ о планѣ занятія Отдѣ
ленія; 6. Таблица сокращеній, предполагаемыхъ в
Русскомъ словарѣ.

14. Денница Ново-Болгарскаго образованія
Сочиненіе Василія Априлова, *изданное имъ н*

своемъ изданіи въ пользу Габровскаго Училища. Часть первая. *Въ* 8; 146 *и* XXII *стран.*

Авторъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, говоритъ: «Цѣль сочиненія, предлагаемаго мною благосклонному взору читателя, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстными начало и развитіе вновь возникающей Ново-Болгарской образованности и познакомить Русскихъ съ тѣмъ изъ племенъ Славянскихъ, которое еще издревле было съ ними въ ближайшемъ родствѣ, и которое теперь, говоря вообще, стало мало имъ извѣстно. Доселѣ вниманіе Русскихъ Ученыхъ обращено было преимущественно на Славянъ Западныхъ, потому, можетъ быть, что, живя средп образованнѣйшихъ племенъ Европы, племена эти выказывались наблюдателю сами собою, какъ бы протпвъ его собственной воли. Не то было съ Болгарами, народомъ, живущимъ въ отдаленіи отъ Европейской цивилизаціи, у подошвъ обѣихъ сторонъ Балкана, въ странѣ, лишь недавно озаренной отблесками Русскихъ штыковъ, народомъ, который страждетъ подъ всей тяжестью варварства, но который не менѣе всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ имѣетъ право на извѣстность. Русскіе лишь мало по малу узнавали Болгаръ, еще болѣе потому, что сіи послѣдніе, по необразованности своей, не умѣли дать имъ должнаго понятія о себѣ. Съ другой стороны общежитіе ихъ съ народомъ Христіанскимъ, столь же злополучнымъ и угнетеннымъ, не могло

дать имъ ни малѣйшаго понятія о ихъ самобытности. Греки, если и успѣли въ чемъ-либо, если и получали возможность образовывать себя, то сіе дѣлалось собственно для нихъ самихъ. Они домогались національности. Сдѣлать что-либо для Болгаръ они не могли, а, можетъ быть, и не хотѣли. Притомъ противоположность языка, нравовъ, обычаевъ и видовъ отдѣляла одинъ народъ отъ другаго. Напротивъ сами Болгаре, по природному чувству, склонны были простирать руку къ своимъ братьямъ, Славянамъ. Святая Вѣра укрѣпляла ихъ въ сей надеждѣ на единокровныхъ, но отчасти сами они не умѣли воспользоваться симъ средствомъ, отчасти и сами единовѣрцы къ сожалѣнію мало обращали на нихъ вниманія. Впрочемъ если разсмотрѣть внимательно историческія обстоятельства, то увидимъ, что ни того, ни другаго быть не могло. Молодому Ученому Русскому, *Венелину*, предоставлено было вывесть на сцену неизвѣстное Задунайское племя Славянъ, и познакомить съ нимъ единовѣрныхъ братьевъ. *Венелинымъ* сдѣланъ первый шагъ, обѣщающій многое: но завѣтъ продолжать начатое болѣе всего лежитъ на сердцѣ самихъ Болгаръ. Они-то должны первѣе всего вытти на это поприще; хотя къ сожалѣнію должно сказать, что они спятъ крѣпкимъ сномъ. Если кое-гдѣ и покажется образованный Болгаринъ, то онъ, получивъ воспитаніе между Греками, и напитавшись духомъ Эллинизма, отступаетъ отъ своего рода, и хочетъ слыть Грекомъ, скрывая свое происхожденіе. Ихъ-то примѣру

слѣдуютъ и разбогатѣвшіе купцы. Образованность и богатство, два пособія, могущія щедрою рукою питать народность, отъемлются нечувствительнымъ образомъ у народа, который, оставаясь въ темнотѣ и нищетѣ, томится въ невѣжествѣ, переходящемъ изъ рода въ родъ. Такимъ образомъ изъ самихъ же Болгаръ люди жалкіе, почитая за стыдъ именовать себя Болгарами или Славянами, были причиною того, что народность не развилась. Должно побѣдить сей предразсудокъ и искоренить зло. Да позволено же мнѣ будетъ дать тому первый примѣръ. Счастливъ буду я, если мои соотечественники поймутъ меня и возлюбятъ родное, національное. Тогда увидимъ мы Славянъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ Географами и Статистиками, по ошибкѣ и по невѣдѣнію Болгаръ, показаны жители другихъ племенъ. Сколь склонны Болгаре къ призванію образованности, покажетъ эта книга, описывающая слабымъ перомъ ихъ порывъ къ просвѣщенію національному. Желаніе мое не выказывать свою ученость и прослыть писателемъ — я не жажду сей славы. Желаніе мое, моя цѣль состоятъ въ томъ, чтобъ быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ, сдѣлать добро, поощрить ихъ на пути къ образованію. Скажу просто: Quid potui feci, faciant meliora potentes Изъ этой книги Русскіе узнаютъ стремленіе Болгаръ къ образованію, а Болгаре воспослѣдуютъ примѣру прочихъ своихъ братьевъ, примѣру, столь похвальному и столь лестному для ихъ будущности.» Все, что ни обѣщалъ авторъ въ Предисловіи, наи-

лучшимъ образомъ исполнено имъ въ самой книгѣ. Ея текстъ размѣщенъ въ двухъ Отдѣленіяхъ. Въ первомъ излагается хотя кратко, но удовлетворительно для связи съ главнымъ предметомъ, политическая Исторія народа Болгарскаго. Самая любопытная часть въ этомъ отдѣленіи содержитъ ученыя разысканія автора касательно происхожденія первыхъ переводчиковъ Библіи на Славянскій языкъ, а равно и догадки его о томъ нарѣчіи, на которое она была переведена. Для Славянскихъ Филологовъ тутъ много открывается новыхъ соображеній. Второе отдѣленіе, начинающееся изображеніемъ состоянія Болгаріи со временъ владычества въ ней Турокъ, преимущественно посвящено подробностямъ о распространеніи просвѣщенія въ Болгаріи. Эти подробности такъ занимательны, такъ отчетисты и представляютъ такія черты благодушія и искренности, чтобъ безъ сердечнаго участія нельзя читать ихъ. Вообще видно, что авторъ, исполненный патріотизма, остается вездѣ вѣренъ истинѣ. Въ доказательство приведемъ его слова о покойномъ Султанѣ Махмудѣ II. «Посредствомъ промысловъ и торговли съ Россіею, Австріею, Валахіею, Молдавіею, Анатоліею и Константинополемъ, торгующіе Болгаре получали разныя свѣдѣнія и образовали себя по возможности. Русская кампанія съ Турціею въ 1812 году придала имъ еще болѣе желанія къ образованію, а война 1829 года, усмиривъ духъ *Османовъ*, служила къ свободному развитію ихъ духовныхъ способностей. Но при всемъ томъ фанатическая

ненависть Турковъ къ Христіанамъ не уменьшилась бы, если бы покойный Султанъ Махмудъ II не принялъ другой политики, и не истребилъ бы неспокойныхъ и яростныхъ Янычаръ. Хотя сей памятный и много сдѣлавшій для своихъ подданныхъ Государь и не уравнилъ формальнымъ манифестомъ состояніе всѣхъ сословій, и завѣщалъ такой подвигъ своему сыну и преемнику, нынѣ царствующему *Абдулъ-Меджиду*, но, по истребленіи Янычаръ, онъ вводилъ уже Европейскую цивилизацію и при всякомъ случаѣ изъяснялся, что никакой разницы не полагаетъ между своими Османскими и другихъ исповѣданій подданными. Въ путешествіи своемъ, въ 1827 году, чрезъ Болгарію и Румелію, Султанъ вездѣ принималъ Турецкихъ и Христіанскихъ Депутатовъ съ равною снисходительностію. Онъ прямо объявлялъ имъ чрезъ своего переводчика, что всѣхъ считаетъ равно своими дѣтьми и не полагаетъ никакаго различія между ними. Онъ позволялъ народонаселенію выходить къ нему на-встрѣчу и привѣтствовать его рѣчами. Бывшій при проѣздѣ Султана (8 Мая 1827) чрезъ *Габрово*, тогдашній учитель *Габровской* школы, *Хажи Захарій Петровъ*, вывелъ всѣхъ учениковъ предъ Султаномъ, и самъ произнесъ ему слѣдующую рѣчь: «*О, сколько мы блаженны сегодня, провидѣвши нашего превеликаго и премилостиваго Государя! Присоединитесь всѣ помолиться съ усердіемъ нашему Создателю, Богу, чтобы живъ былъ на многія лѣта нашъ пречестнѣйшій Царь, Султанъ Махмудъ! чтобы Богъ умножилъ*

его царство, превратилъ бы каждый день его жизни
тысячу дней, и чтобы Онъ во вѣки вѣковъ не утерялс
ибо отцы наши не видывали такаго покоя, ни даж
не слыхали, а мы, яко чада любезныя нашего честнѣ
шаго Царя, живемъ спокойно. Такъ и нашъ честнѣ
шій Царь, какъ солнце, сіяетъ по цѣлому свѣту,
есть отецъ каждому племени. Для того мы, всѣ тво
подданные, молимся Богу, да даруетъ тебѣ живот
побольше, и умножитъ царство твое, чтобы тебя от
непріятелей освободить. Воистину, никто другой
кромѣ Вашего Превеличества, не можетъ принять
правленія сего свѣта въ свою руку, чтобы управлять
царствомъ. По симъ причинамъ мы много благодаря
Вашему Величеству за пришествіе ваше въ наше вре
къ намъ, чтобы насъ, подобно отцу усмотрѣть. Да
отъемлетъ Богъ десницу свою отъ васъ, но да препр
водитъ васъ спокойно до самой вашей столицы. Но
Величество Ваше да не отъемлетъ свою десницу от
Вашихъ вѣрноподданныхъ. Аминь. « Рѣчь сія выслушан
была Султаномъ благосклонно. Жители всѣхъ мѣст
явно чувствовали измѣненіе въ прежнемъ поряд
дѣлъ. Всѣ издержки путешествія были уплачиваем
изъ Султанской казны, а при отъѣздѣ изъ *Габро*
онъ оставилъ бѣднымъ милостыню въ 3,000 левовъ
Авторъ издалъ свою книгу въ пользу Габровска
Училища. Основаніе этаго заведенія, которое и по
держивается отчасти ежегодными взносами автор
топографія мѣстечка *Габрова*, и множество други
подробностей о предметахъ, еще такъ мало извѣс

ныхъ въ Литературѣ и даже въ Исторіи, до такой степени любопытны, что чтеніе Деннницы всякому благомыслящему человѣку должно доставить большое удовольствіе. За текстомъ книги (историческою частію) слѣдуютъ примѣчанія, т. е. подробнѣйшіе расказы о нѣкоторыхъ предметахъ, названныхъ въ текстѣ. Но какъ, по новости содержанія книги, самыя примѣчанія требовали новыхъ объясненій, указаній, цитатъ, и проч.; то авторъ присоединилъ къ примѣчаніямъ еще и на нихъ примѣчанія. При концѣ книги находится очень полезная статья: *Указатель лицъ, географическихъ именъ и замѣчательныхъ предметовъ.*

15. *Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или* Очеркъ послѣдняго полугодія Русской Литературы *съ Октября* 1841 *по Апрѣль* 1842. Л. Бранта. *Изданіе книгопродавца* Ю. Юнгмейстера. *Въ* 8; 72 *стран.*

Издатель этой брошюры, книгопродавецъ *Ю. Юнгмейстеръ*, напечатавъ Очеркъ г. Бранта, оказалъ услугу нуждающимся въ руководствѣ при выборѣ новыхъ книгъ. Такъ нѣкогда, печатавъ на своемъ иждивеніи Библіотеку для чтенія, книгопродавецъ *Смирдинъ* поручалъ ея редакціи передавать читающей публикѣ разборы книгъ, которыя преимущественно продаются въ его лавкѣ. Заграничные книгопродавцы давно подобнымъ образомъ ведутъ свою торговлю: у всякаго изъ нихъ есть опытный рецен-

зентъ для пользы общей и вмѣстѣ частной. Впрочемъ въ самомъ похвальномъ предпріятіи иногда невозможно избѣжать *неудобствъ*, по крайней мѣрѣ *наружныхъ*. Напримѣръ, и здѣсь. Библіографическіе отзывы, когда ихъ издаютъ сами книгопродавцы, теряютъ равновѣсіе между собою къ ущербу литературной гармоніи; потому-что авторъ естественно увлекается въ подробности о сочиненіяхъ, которыя поступили въ преимущественное владѣніе его книгопродавца. Это у г. редактора Библіотеки для чтенія было замѣтно при объявленіяхъ о романахъ г. Зотова, хотя всѣ чувствовали, что въ нихъ не болѣе красотъ, какъ и въ романахъ прочихъ современныхъ повѣствователей. Другое неудобство то, что въ книжкѣ, на которой крупными буквами въ заглавіи выпечатано: *изданной*, на прим., *г. Юнгмейстеромъ*, или *г. Смирдинымъ*, читатель встрѣчаетъ непремѣнно фразы въ родѣ слѣдующихъ: «(Опытъ библ. обозрѣн. стран: 13.) *Молодой книгопродавецъ нашъ, Ю. А. Юнгмейстеръ, въ продолженіе одного года снискавшій себѣ довѣріе и расположеніе публики, оказалъ ей большую услугу. — — — Прибавьте къ этому неимовѣрно дешевую цѣну, назначенную издателемъ, и вы согласитесь съ нами, что полезное предпріятіе г. Юнгмейстера заслуживаетъ особенной благодарности; какъ Русскій Нѣмецъ, онъ ничего лучшаго не могъ придумать для своего книгопродавческаго дебюта.*» Надобно еще принять въ соображеніе, что г. Брантъ, не такъ давно начавъ заниматься разборомъ книгъ, не пріобрѣлъ

столько навыка и развязности въ этомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ рецензентъ Библіотеки для чтенія. И потому въ Библіотекѣ для чтенія еще замѣтнѣе было для читателей опытное краснорѣчіе въ пользу ея издателя. Но такъ какъ всѣ эти неудобства чувствительны только для небольшаго числа въ публикѣ, то можно ихъ и допустить, если они выкупаются пользою рецензій для остальной части читателей. Дѣйствительно: Опытъ библіографическаго обозрѣнія, если гг. Брантъ и Юнгмейстеръ постоянно будутъ продолжать его, распространитъ по Россіи не менѣе свѣдѣній о новыхъ книгахъ, какъ распространила и Библіотека для чтенія.

16. *Нѣсколько словъ о* ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ РУССКИХЪ. *Въ* 8; *XI стран.*

Здѣсь авторъ *Опыта библіографическаго обозрѣнія* помѣстилъ свои замѣчанія о разныхъ журналахъ нашихъ, преимущественно литературныхъ — и такъ можно сказать, что эта брошюра есть дополненіе къ вышеозначенному Опыту. Общее заключеніе статьи состоитъ въ томъ, что всѣ наши журналы *«очень и очень хороши»* (стран. 1). Мнѣніе свое авторъ подтверждаетъ слѣдующимъ силлогизмомъ: «Всякая «статья, назначаемая для печатанія въ журналѣ, «подвергается предварительно строгому суду редак«тора, а иногда передѣлкѣ, или, по крайней мѣрѣ,

«обработкѣ; а какъ почти всѣ гг. редакторы періоди-«ческихъ изданій нашихъ люди умные, многосвѣду-«щіе, болѣе или менѣе, но замѣчательно даровитые: «слѣдовательно и проч. (Тамъ же).» Столь серьёзный отзывъ г. Бранта о журналахъ не помѣшалъ ему украсить частныхъ его рецензій самыми веселыми и граціозными шутками касательно разныхъ предметовъ, что впрочемъ не противорѣчитъ его главному мнѣнію о журналахъ, а только оживляетъ сужденіе о нихъ. Вотъ образцы. *Игривал неправда* есть одно изъ отличительныхъ качествъ *Библіотеки для чтенія* (стран. III.). *Антаръ* (повѣсть, сочиненія г. Сенковскаго, заимствованная у какаго-то восточнаго писателя, какъ многіе подозрѣваютъ, по словамъ г. Бранта) *и Сенковскій никогда не являются воображенію отдѣльно* (стран. IV.). Хотя гг. критики, помѣщающіе свои разборы въ *Отечественныхъ Запискахъ* отличаются несомнѣнными дарованіями, большою начитанностію, разнообразными свѣдѣніями и любовію къ высшей истинѣ; но они, въ забаву черни, острятся надъ своими собратами, и такимъ образомъ унижаютъ всѣхъ пишущихъ, слѣдовательно и самихъ себя: а потому имъ совѣтуется оставить дурной тонъ и неприличное обращеніе съ авторами (стран. IV и V). *И. И. Панаевъ*, печатающій свои Повѣсти въ Отечественныхъ Запискахъ, названъ «*злымъ и мѣткимъ сатирикомъ современнаго Русскаго общества въ* НУЛЕВЫХЪ *его представителяхъ* (Тамъ же). Разсматривая журналъ: *Сынъ Отечества*, авторъ, между прочими хорошими его

качествами, замѣчаетъ въ немъ много правды и *здраваго смысла* (стран. VI). Послѣ чего г. Брантъ вноситъ въ Исторію литературы слѣдующій фактъ: «Вообще должно замѣтить, что года два уже большая часть журналовъ нашихъ сильно заговорили о добросовѣстности критики. Позволимъ себѣ намекнуть здѣсь, что этотъ благодѣтельный говоръ начался *именно* съ изданія вашимъ покорнѣйшимъ слугою брошюры: *Петербургскіе критики и Русскіе писатели* и проч. (Тамъ же). О *Русскомъ Вѣстникѣ* полагается, что онъ *долженъ* быть хорошъ; въ біографію же г. Полеваго прибавлена черта, упущенная и самимъ сочинителемъ *Исторіи Русскаго народа*, когда онъ, по случаю изданія старыхъ критикъ своихъ, припечаталъ тамъ и свое жизнеописаніе. Эту черту подмѣтилъ г. Брантъ. Вотъ она: *П. А. Полевой держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ всю Русскую Литературу* (стран. VI). Теперь остается нерѣшеннымъ, по какой причинѣ пересталъ онъ ее держать въ своихъ рукавицахъ: физическая или умственная невозможность воспрепятствовала? Про *Маякъ* сказано, что это журналъ исключительно *отечественный* (стран. VII). По нашему мнѣнію, *Отечественныя* Записки и Сынъ *Отечества* отечественнѣе Маяка. Разборъ *Москвитянина*, который признанъ *благонамѣреннымъ*, представилъ случай рецензенту замѣтить въ назиданіе г. Шевыреву, что Баронъ Брамбеусъ не подражаетъ Марлинскому, будучи опытомъ, разнообразными классическими познаніями и *талантомъ старѣе* его (стран. IX). Наконецъ

похвалена газета гг. *Греча* и *Булгарина: Сѣверная Пчела*, которую г. Брантъ не въ осужденіе ея сравнилъ съ *ключницей* (стран. X.).

*

17. Похожденія Чичикова, *или Мертвыя души. Поэма* Н. Гоголя. *Въ б.* 8; 475 *стран.*

Въ нынѣшнемъ *№* Современника мы помѣстили довольно подробный разборъ этой книги (стран. 19, *перв. нумерац.*). Во многомъ соглашаясь съ замѣчаніями нашего корреспондента, мы не находимъ надобности снова разбирать здѣсь это сочиненіе.

18. Альфъ и Альдона. *Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе* Н. Кукольника. *Въ* 12; 267, 286, 235 *и* 280 *стран.*

Если бы сочинитель въ первый разъ явился въ публику съ романомъ этаго рода, мы были бы обязаны предложить здѣсь изъясненіе, отъ чего Литература мало выигрываетъ отъ подобныхъ сочиненій, въ которыхъ нѣтъ ни исторической вѣрности эпохи, ни занимательности жизни частныхъ лицъ, ни художнической вообще истины, этаго перваго основанія всѣхъ поэтическихъ произведеній. Но какъ авторъ многочисленными опытами своихъ созданій доказалъ уже несомнѣнно, что онъ другаго взгляда на искуство

не признаетъ, или невластенъ побѣдить направленія, принятаго имъ однажды: то намъ и остается только разсматривать новое сочиненіе его съ его собственной точки зрѣнія. Какъ повѣствованіе, произвольно составленное сочинителемъ, книга его могла бы служить пріятнымъ препровожденіемъ времени, если бы не была обременена излишними описаніями, утомительно тянущимися разговорами и безполезными перерывами главной нити расказа. Въ безконечномъ ряду событій нѣтъ перспективы, которая бы давала чувствовать различіе между главными и побочными явленіями. Ни на одномъ характерѣ нѣтъ и подобія той дѣйствительности, которая возбуждаетъ участіе къ положенію лицъ даже вымышленныхъ. Языкъ, не тотъ разнообразный, который оттѣнками своими обозначаетъ различіе состояній, страстей и другихъ признаковъ недѣлимости, но какой-то выдуманный, двусторонній, то падающій въ искуственное просторѣчіе, то подымающійся до старопечатной велерѣчивости. И всѣ эти странныя ошибки въ художествѣ художникъ могъ бы устранить только сближеніемъ созданія съ внутреннею жизнію человѣка, которую *исторія* точно также можетъ обнаружить, какъ и *современность*.

19. Солнечный лучь. *Происшествіе изъ временъ Екатерины II. Романъ въ пяти частяхъ. Сочиненіе* И. Штевена. *Въ* 12; 270, 260, 288, 258 и 242 *стран.*

20. Мать и дочь. *Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе* Михайла Чернявскаго. *Въ* 12; 167 и 167 *стран.*

Оба эти романа не выходятъ изъ круга раскасовъ, назначаемыхъ для препровожденія времени. Всегда довольно читателей на нихъ. Художественныхъ сторонъ никто въ нихъ не отыскиваетъ. Происшествія завязываются, развязываются; эпизоды мелькаютъ и уносятся. Авторъ и читатели достигаютъ своей цѣли. Чего жъ болѣе и желать?

*

21. Сумерки. *Сочиненіе* Евгенія Баратынскаго. *Въ* 12; 88 и II *стран.*

Въ Литературѣ есть имена, есть таланты, есть сочиненія, которые появленіемъ своимъ каждый разъ вносятъ въ душу читателя особый міръ идей, образовъ, ощущеній, и хотя на мгновеніе облекаютъ жизнь легкою, свѣтлою радостью. Это тѣ *немногіе* изъ художниковъ, которые, постигнувъ свое призваніе, ему одному оставались всегда вѣрны, любили искуство, потому-что въ его только сферѣ чувствуешь дыханіе чистой красоты и высокой истины, не измѣняли вѣчнымъ законамъ творчества и, уклонившись въ обитель созерцательности и гармоніи, не узнали о существованіи измѣнчивыхъ приговоровъ толпы. При

неожиданной встрѣчѣ съ собою, долго невиденный, каждый изъ этихъ *немногихъ* вызываетъ на уста вашп привѣтствіе Поэта:

«Приди, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній!
Минувшею мнѣ жизнію повѣй!
Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

Къ числу поэтовъ, такъ дѣйствующихъ на образованнаго читателя, безспорно принадлежитъ *Евгеній Баратынскій*, писатель, въ которомъ глубокая истина идеи всегда равна простотѣ и точности выраженія, писатель, столько же открывшій новыхъ воззрѣній на жизнь, новыхъ картинъ, незамѣченныхъ до него оттѣнковъ въ краскахъ элегическаго рода, сколько Крыловъ въ области аполога. Прочитайте въ *Запискахъ Пушкина*, что онъ говоритъ о Баратынскомъ. Это приговоръ самаго безпристрастнаго, самаго свѣдущаго и самаго законнаго судьи. Давно мы разстались съ поэтомъ. Онъ не могъ разлучиться съ поэзіею, которая живетъ въ душѣ его; но онъ не издавалъ ничего, кромѣ рѣдко попадавшихся въ Современникѣ небольшихъ стихотвореній. Теперь онъ собралъ свои поэтическія замѣтки минутныхъ ощущеній и думъ— и напечаталъ ихъ особою книжкою, назвавъ ее Сумерки. Всѣхъ стихотвореній *двадцать шесть*. Чтобы читателямъ нашимъ доставить возможность повѣрить замѣчанія наши о Баратынскомъ, приводимъ здѣсь нѣсколько строфъ изъ его Элегіи: *Осень*.

VI.

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля!
И предъ тобой во благостынѣ дней
Является земная доля,
Когда тебѣ житейскія бразды,
Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты!

VII.

Ты такъ же ли какъ земледѣлъ богатъ?
И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ наградъ
Свои позлащенные лелѣялъ . . .
Любуйся же, гордись возставшимъ имъ!
Считай свои пріобрѣтенья:
Увы, къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

VIII.

Твой день взошелъ—и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;

Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь—и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ... съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушенъ.

IX.

Но если бы негодованья крикъ,
Но если бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями бы среди своихъ забавъ
Содрогласъ вѣтреная младость;
Играющій младенецъ, зарыдавъ,
Игрушку бъ выронилъ, и радость
Покинула бъ чело его навѣкъ,
И заживо бъ въ немъ умеръ человѣкъ.

X.

Зови жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ!.. но вкусъ одинъ во всѣхъ,
И, какъ могила, людямъ страшенъ:

Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

XI.

Какое же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье —
Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ
Умъ безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ,
И примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

XII.

Иль, отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Цвѣтущій брегъ за мглою черной,
Возмездій край благовѣстящимъ снамъ,
Довѣрясь чувствамъ обновленнымъ,
И бытія мятежнымъ голосамъ,
Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній не понятъ былъ тобой,

XIII.

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,

Съ надеждою, невидящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ:
Знай, внутренней своей вовѣки ты
Не передашь земному звуку,
И легкихъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку;
Знай, горняя, иль дольная, она
Намъ на землѣ не для земли дана.

22. Часы выздоровленія. *Стихотворенія* Александра Полежаева. *Въ* 12; 67 *стран.*

Немного истинно-поэтическихъ пьесъ находится и въ прежнемъ Собраніи сочиненій г. Полежаева, по крайней мѣрѣ конченныхъ такъ же, какъ они начаты. Онъ могъ бы сдѣлаться поэтомъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ искуство; онъ могъ бы живыя, оригинальныя и рѣзкія идеи выражать крѣпкимъ, точнымъ и пропорціональнымъ стихомъ: но для такаго художническаго успѣха необходимъ былъ и художнической трудъ, о которомъ авторъ и не помышлялъ, привыкнувъ смотрѣть на поэзію какъ на забаву или даже разгулье. Собранныя нынѣ изъ его прежде-забытыхъ стихотвореній еще менѣе занимательны во всѣхъ отношеніяхъ.

23. Русскій Патріотъ. *Отечественное пѣснопѣніе.* *Въ* 8; 24 *стран.*

Очень обыкновенное стихотвореніе, безъ теплоты и движенія.

24. Мечта. *Расказъ въ стихахъ. Въ* 16; 32 *стран.*

Нравоучительная аллегорическая повѣсть, довольно холодная какъ всѣ аллегоріи, и очень обыкновеннаго достоинства какъ все, написанное безъ одушевленія.

25. Месть за месть (*Древнее Русское народное преданіе). Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе* К. Е. *Съ картинкою. Въ* 16; 108 *стран.*

26. Роландъ и Шарлотта, *романъ въ стихахъ. Сочиненіе* И. Ф. Д. . ча . . ва. *Въ* 12; 18 *стран.*

И повѣсть и романъ одинаго совершенства: пробѣжишь нѣсколько стиховъ — да и закроешь.

27. Гайдамаки. *Поэма* Т. Шевченка. *Въ* 8; 131 *стран.*

Сочиненіе написано по-Малороссійски. Для содержанія, заимствованнаго изъ преданій Малороссіи, хорошо писать на тамошнемъ провинціальномъ нарѣчіи. Но для Литературы вообще отъ этаго нѣтъ никакой выгоды. Если бы это сочиненіе выдано было какъ исторической памятникъ народа, нѣкогда существо-

вавшаго самобытно, оно принесло бы пользу Исторіи его. Въ нынѣшнее же время оно отзывается болѣе шуткою, нежели художественнымъ произведеніемъ.

*

28. Еще купцы 3-ей гильдіи, *оригинальный водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе* 1: *Женихъ съ Апраксина двора. Дѣйствіе* 2: *Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Соч. актера* Петра Григорьева 2-го.

Для сцены, гдѣ все зависитъ отъ исполненія ролей актерами, водевиль этотъ можетъ назваться очень забавнымъ; но въ чтеніи онъ не производитъ того дѣйствія.

29. Нищій, *драма съ прологомъ. Въ* 8; 116 *стран.*

О драмѣ сей нельзя сказать и того, что мы сказали выше о водевилѣ. Она и на сценѣ такъ же должна быть скучна, какъ скучна и въ чтеніи.

30. Найденышь, *или Тѣнь, требующая отмщенія. Волшебная мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ.* Н. Г. *Въ* 8; 56 *стран.*

Все великолѣпіе этаго спектакля заключается въ огненныхъ словахъ, на которыя показываетъ окровавленная рука. Впрочемъ отъ волшебнаго представленія и требовать нельзя ни правдоподобія, ни человѣчески-занимательнаго содержанія.

31. Мужъ въ бѣдѣ, *или безъ вины виноватъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* И. Соколова. *Въ* 12; 106 *стран.*

Кажется, драматическія сочиненія прошедшихъ трехъ мѣсяцевъ всѣ родились подъ вліяніемъ одной бѣдоносной звѣзды. Какъ авторы ни разнообразны слогомъ, тономъ, характерами и родомъ сочиненій — а дѣйствіе отъ нихъ одно: скука и сожалѣніе. Это впрочемъ давно замѣчается при разборѣ отдѣленія театральныхъ произведеній.

*

32. Русскіе простонародные расказы. *Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе* Ѳедора Русанова. *Въ* 12; 105 *стран.*

Опытъ неудачный. Многое надобно сообразить, чтобы приготовить дѣйствительно полезную книгу для народнаго чтенія. Не говоря уже о соразмѣрности и потребности идей съ воспріемлемостію ума,

для котораго онъ назначаютъ, самая метода изложенія ихъ должна быть вполнѣ соотвѣтственна классу простонародія. О подобныхъ соображеніяхъ авторъ, кажется, не позаботился.

33. Начатки. *Собраніе разнородныхъ статей въ прозѣ.* А. Т. *Въ* 8; 88 *стран.*

Автору вздумалось безъ всякой цѣли напечатать нѣсколько маленькихъ сочиненій, не извѣстно по какому поводу написанныхъ. Занимательности въ нихъ нѣтъ ни въ какомъ отношеніи. О литературномъ достоинствѣ нечего и говорить.

34. Звѣздочка. *Разныя сочиненія* Ивана Ваненко. *Двѣ части. Въ* 12; 246 *и* 208 *стран.*

35. Комары. *Всякая всячина.* Ѳаддея Булгарина. *Рой первый. Въ* 12; 259 *стран.*

Не только у начинающихъ писать, но и у писателей, многое печатавшихъ, есть у насъ обыкновеніе, или, лучше сказать, родъ болѣзни, для которой не вдругъ пріищешь и имя. Это не то, что называютъ подражаніемъ, а какое-то видоизмѣненіе счастливой идеи другаго автора. Оно съ нѣкотораго времени сдѣлалось единственнымъ вдохновеніемъ нашихъ многихъ писателей. Разсматриваемыя здѣсь двѣ книги служатъ тому доказательствомъ.

Въ С. Петербургѣ, съ начала нынѣшняго года издается журналъ: *Звѣздочка*. Всѣмъ уже извѣстно, съ какимъ восхищеніемъ публика принимаетъ одну книжку за другою этаго прекраснаго изданія. Вотъ г. Ваненко, въ Москвѣ, собралъ разныя свои сочиненія да и выдалъ ихъ подъ тѣмъ же названіемъ. Тутъ есть и стихи и проза. Но все это ни сколько не блеститъ подобно Звѣздочкѣ. Въ Парижѣ издаются сатирическія статейки и называются: *Осы* (Les Guêpes). Г. Булгаринъ, въ С. Петербургѣ, придумалъ напечатать свою, какъ откровенно признается самъ, *всякую всячину*, и назвалъ ее: *Комары*, а конецъ изъ всякой всячины: *Комарики* и *Комарьи Вѣсти*. Остроты въ этихъ сатирическихъ игрушкахъ до такой степени смягчены, что одинъ шутливый рецензентъ называетъ *Комаровъ* г. Булгарина *барашками*.

36. Дагеротипъ. *Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній. Первая и вторая тетради. Въ* 8; 35 *и* 39 *стран.*

Издатели, по-видимому, рѣшились образовать въ литературѣ новый родъ сочиненій, которыя бы являлись безъ красокъ, безъ участія таланта, безъ содѣйствія чувства и мысли. Это и будетъ собраніе литературно-дагеротипное. Небольшой опытъ этаго новаго рода публика получила въ двухъ тетрадяхъ. Мы представляемъ заглавія столь любопытныхъ ста-

тей и имена авторовъ, подъ нѣкоторыми изъ нихъ выставленныя. Тетрадь первая: 1. Дагеротипъ (Вступленіе, въ прозѣ), 2. Стихотвореніе г. Губера, 3. О Листѣ, г. Ноткина, 4. Три, бамбоччіада г. Кукольника, 5. О собраніи оригинальныхъ эскизовъ первѣйшихъ мастеровъ, бывшемъ у покойнаго Кн. А. И. Долгорукаго, 6. Сентъ-Медаръ (Анекдотъ) и 7. Астраханскія письма (Письмо первое). Тетрадь вторая: 1. Дагеротипъ (новое Вступленіе), 2. Мудрецъ Платонъ и ученикъ его Ктезиппъ, легенда Гёте, переводъ г. Струговщикова, 3. Семенъ Семеновичь Огурчиковъ, сочиненіе г. Полеваго, 4 и 5 Двѣ статьи о музыкѣ, г. Ноткина, и 6. Астраханскія письма. Мы полагаемъ, что все это собраніе гораздо справедливѣе и точнѣе можно бы назвать такъ же, какъ г. Булгаринъ назвалъ своихъ Комаровъ, т. е. *всякая всячина*.

*

37. Созерцатель человѣческихъ знаній, *или Энциклопедія наукъ, художествъ, искусствъ, промышленности, постановленій и проч.* Михаила Павлова. *Въ* 8; 107 *стран.*

У автора этой книги намѣреніе прекрасное. Онъ желаетъ помѣстить постепенно въ своемъ изданіи изъясненіе самаго необходимаго, что долженъ знать всякой человѣкъ, ищущій образованія, и часто по

недостаточности лишенный къ тому способовъ. Въ напечатанной теперь книгѣ содержится *Космографія*. Въ слѣдующей за нею будетъ разсмотрѣнъ *человѣкъ* въ отношеніи къ міру и подобнымъ себѣ, въ отношеніи къ гражданскимъ постановленіямъ и проч. Далѣе будутъ излагаемы всѣ отрасли знаній человѣческихъ, какъ плоды дѣятельности человѣка, предназначеннаго жить въ обществѣ. Соглашаясь съ авторомъ въ необходимости подобнаго сочиненія, особенно для бѣдныхъ людей, мы несогласны только въ томъ, чтобы подобную книгу можно было писать коё-какъ, не облегчая развитія истинъ точностію, правильностію и ясностію языка. Напротивъ: въ этой книгѣ, которая должна заступить объясненіе преподавателей, все должно быть доведено до высочайшей степени простоты и истины. Но въ изданномъ томѣ языкъ ни сколько не обработанъ, а предметы разсматриваются часто невѣрно. Мы совѣтуемъ автору каждую его статью предварительно причитывать съ опытными и знающими это дѣло людьми.

38. Семейныя бесѣды, *или Собраніе повѣстей для дѣтей. Въ* 16; 176 *стран.*

Книжка не совсѣмъ безполезная. Для дѣтскаго чтенія назначаемыя книги рѣдки попадаются и отрицательно хорошія, т. е. которыя бы не портили вкуса и не вредили бы грамматикѣ. Здѣсь то и другое устранено.

*

39. Руководство къ изученію Всеобщей Исторіи. *Тетрадь для перваго года. Составилъ адъюнктъ профессора Всеобщей Исторіи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ* Андрей Смирновъ. *Въ* 8; 143 *стран.*

Сочиненіе написано по методѣ, какую приняли въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ для преподаванія Исторіи молодымъ людямъ съ перваго ихъ введенія въ науку и до ея окончанія. Тамъ предполагается, до прагматическаго изложенія Исторіи Профессоромъ, въ шесть лѣтъ начинать ее и оканчивать шесть разъ, разширяя каждый годъ кругъ и развитіе предметовъ. Въ изданной теперь тетради, въ противность принятому плану, недостаетъ необходимыхъ, предварительныхъ свѣдѣній о земляхъ, которыхъ историческія событія начались послѣ Р. Х. Прочія части сочиненія прекрасно приготовлены для перваго годичнаго курса.

40. Сравнительная политическая картина государствъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, или *Ключь къ изученію всемірныхъ событій въ современной связи. Тетрадь первая. Сочиненіе* Р. Орлова. *Въ листъ*; 10 *листовъ.*

Сочинитель составилъ *Синхронистическій Атласъ* Исторіи и Сравнительной Географіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Онъ представляетъ въ немъ

всѣ событія исторіи человѣчества въ двенадцати періодахъ. Это прекрасное пособіе въ наукѣ, столько же трудной, сколько и важной, можно назвать неоцѣненнымъ. Изданіе Атласа многосложнаго, и у насъ въ такомъ видѣ и объемѣ перваго, требуетъ необыкновенныхъ трудовъ и издержекъ. Вотъ почему авторъ и рѣшился напередъ представить публикѣ извлеченіе изъ главнаго и полнаго своего сочиненія, чтобы она, ознакомясь съ его полезнымъ предпріятіемъ и оцѣнивъ важность этаго пособія, доставила ему средства скорѣе приступить къ изданію всего, что онъ приготовилъ. Мы увѣрены, что общественныя и частныя учебныя заведенія пріобрѣтутъ всѣ историческія таблицы г. Орлова. Онѣ облегчаютъ повтореніе уроковъ и представляютъ средство къ совершенствованію разсказа происшествій.

41. Таблица Греческой Исторіи, *отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до обращенія ея въ Римскую провинцію. Изд.* И. Эйнерлингъ. *Одинъ листъ.*

42. Таблица Римской Исторіи, *отъ древнѣйшихъ временъ до раздѣленія имперіи. Составленная по хронологическимъ таблицамъ* Лангле, Дюфренза, Гельвеція, Гохерта. *Изд.* Ив. Эйнерлингъ. *Одинъ листъ.*

Всѣ изданія г. Эйнерлинга разныхъ сочиненій, относящихся къ педагогической литературѣ, заслу-

живаютъ полное вниманіе воспитателей юношества. Посвятивши самъ многіе годы образованію и воспитанію дѣтей здѣсь въ столицѣ, г. Эйнерлингъ лучше другихъ чувствуетъ, какія нужны пособія при изученіи наукъ. Вотъ почему онъ въ выборѣ своихъ изданій всегда былъ такъ осмотрителенъ и счастливъ.

43. Метрика Греческаго языка, *составленная* Иваномъ Синайскимъ. *Въ* 8; 110 *стран.*

Достаточное руководство къ изученію правилъ, на которыхъ основано Греческое стихосложеніе.

44. Уроки Русской Грамматики А. Охотина. *Въ* 8; 75 *стран.*

Подобныхъ грамматикъ у насъ слишкомъ много. Онѣ всѣ между собою сходны въ томъ, что повторяютъ одна другую и не рѣшатъ важнѣйшихъ вопросовъ въ наукѣ языка относительно Русскихъ глаголовъ.

45. Пробирное искуство. *Учебное руководство для воспитанниковъ школы Горно-Заводскихъ Наукъ Гр. С. В. Строгановой. Въ* 8; IV *и* 80 *стран.*

Мы желали бы, чтобы поболѣе *являлось у* насъ учебныхъ книгъ, такъ удовлетворительно составленныхъ и изданныхъ, какъ этотъ учебникъ. Онъ пред-

ставляетъ всѣ совершенства книги, назначенной для руководства: планъ естественный, языкъ ясный, науку въ нынѣшнемъ ея состояніи.

*

46. Архитектурныя фантазіи. К. Шрейдера. *Выпускъ 1-й.* Въ-листъ; 5 листовъ.

Въ первомъ выпускѣ Архитектурныхъ фантазій находится пять рисунковъ фасада строеній, при чемъ приложены и подробные планы внутренняго расположенія. Тутъ есть по образцу строенія и Греческой, и Русской, и Готической, и Восточной архитектуры. Всѣхъ предположено издать четыре выпуска. При послѣднемъ напечатается объяснительный текстъ и особо заглавный листъ къ изданію. Нельзя не отдать справедливости вкусу и таланту художника, которому публика обязана этимъ прекраснымъ предпріятіемъ.

47. Картины Русской живописи. *Гравюры съ извѣстнѣйшихъ картинъ Русской живописи; исполнены* Робинсономъ, Гисомъ *и другими лучшими Лондонскими граверами. Выпускъ первый. Гравюра: Благовѣщеніе, съ картины* Боровиковскаго. *Въ* 8; 32 *стран.*

Давно всѣ чувствовали недостатокъ въ изданіи гравюръ, которыхъ бы содержаніемъ была исключи-

тельно Русская живопись. Начало къ собранію этихъ произведеній талантовъ, которыми гордится Отечество, наконецъ сдѣлано. Планъ изданія слѣдующій: 1) Предположено сперва ограничиться гравюрами картинъ религіознаго содержанія, каковы, кромѣ изданной нынѣ гравюры съ картины *Боровиковскаго* Благовѣщеніе: истязаніе Спасителя, *Егорова*; явленіе Христа Магдалинѣ, *Иванова*; Причащеніе умирающей, *Венеціанова*; Іерусалимъ, *Воробьева*; Св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, *Бруни*; Св. Василій Великій, *Шебуева*; взятіе Богоматери на небо, *Брюлова*; Гробъ Господень, *Воробьева*: Пещера, *его же*; Св. Семейство, *Егорова*; Тайная Вечеря, *Шебуева*. 2) Всѣхъ выпусковъ будетъ двенадцать. 3) Они выйдутъ въ продолженіе нынѣшняго 1842 года. 4) Каждый выпускъ будетъ содержать одну гравюру и два печатные листа тексту. 5) Съ послѣднимъ выпускомъ дана будетъ еще гравированная на сталп виньетка съ общимъ заглавнымъ листомъ. Мы только желаемъ, чтобы слѣдующіе выпуски совершенствомъ своимъ во всѣхъ отношеніяхъ были равны первому. Еще не можемъ не пожелать, чтобы успѣхъ этаго предпріятія доставилъ издателямъ возможность продолжать гравированіе и въ другихъ родахъ картинъ Русской живописи. Это представило бы вполнѣ намъ и иностранцамъ, какіе таланты въ Россіи.

8. Сцены изъ частной жизни. *Разнохарактерный divertissement. Двенадцать картинокъ.*

Онѣ представляютъ разныя лица изъ Русскаго быта. Есть физіономіи и положенія выбранныя счастливо.

*

49. *Описаніе* упрощеннаго ленчика *для офицеровъ армейской кавалеріи. Въ 8; 14 стран. Съ рисунками.*

Здѣсь представлена замѣна обыкновеннаго сѣдла упрощеннымъ ленчикомъ. Выгоды перемѣны состоятъ въ прочности устройства, простотѣ и, что всего важнѣе, дешевизнѣ.

*

50. *Пояснительные чертежи для посѣщающихъ публичныя лекціи* Технической Химіи, *преподаваемой въ Москвѣ. Планъ Химической лабораторіи Императорскаго Московскаго Университета.* Родіономъ Гейманомъ, *Профессоромъ Химіи, и проч. Литографировалъ А. Рудневъ. Въ-листъ.*

Всѣ предметы, здѣсь изображенные, только въ частномъ отношеніи полезны, а именно, для особъ, посѣщающихъ лекціи г. Профессора. Въ этомъ вѣроятно предположеніи издатель приложилъ къ чертежамъ, касающимся до его науки, и планъ лабораторіи, гдѣ онъ показываетъ свои опыты.

51. О скелетѣ дятловъ, *въ отношеніи къ мѣсту, занимаемому этимъ родомъ въ классѣ птицъ. Разсужденіе. Написано для полученія степени Доктора Философіи Императорскаго С. Петербургскаго Университета Магистромъ* К. Кесслеромъ. *Въ* 8; 48 *стран.*

52. О происхожде́ніи зародыша *и теоріяхъ произрожденія растеній. Разсужденіе, написанное для полученія степени Доктора Философіи Магистромъ* Н. Желѣзновымъ. *Въ* 8; 37 *стран.*

9 Іюня, нынѣшняго 1842 года, въ С. Петербургскомъ Университетѣ происходило публичное защищеніе тезисовъ разсужденій сихъ, написанныхъ молодыми учеными. Любители просвѣщенія были свидѣтелями, какъ превосходно рѣшены были всѣ возраженія, которыя факультетомъ и посторонними лицами предлагались возводимымъ въ Докторскую степень. Для занимающихся наукою Естествоиспытанія разсматриваемыя нами разсужденія представляютъ чтеніе въ полной мѣрѣ удовлетворительное и отрадное. Видно, что образованіе Университетское произвело свое дѣйствіе на умъ обоихъ молодыхъ людей. Они полюбили каждый свою часть и первые плоды успѣшныхъ занятій своихъ представляютъ нынѣ ученой публикѣ.

*

53. Практическія замѣчанія вообще о кори, *и въ особенности о кори, свирѣпствовавшей съ Апрѣля по Май мѣсяцъ* 1841 *года въ городѣ Брестъ-Литовскомъ. Сочиненіе штабъ-лекаря* П. Шюца. *Въ* 8; 40 *стран*

Сколь ни частно содержаніе этой книжки, но читатели конечно съ большою пользою пробѣгутъ ее. Она представляетъ отчетъ, написанный необыкновенно удовлетворительно, ясно и прекраснымъ языкомъ.

54. Леченіе молокомъ, *или изложеніе врачебныхъ качествъ молока, сыворотки, пахтанья, и проч., съ наставленіями, какъ употреблять ихъ въ разныхъ болѣзняхъ. Составилъ* А. С—въ. *Въ* 16; 71 *стран.*

Сочинитель этой книжки собралъ все, что удалось ему прочитать и самому узнать о врачебныхъ дѣйствіяхъ молока въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ.

55. Дополненіе къ объясненіямъ аптекарскихъ сигнатуръ *для правильнаго употребленія лекарствъ, иногороднымъ и крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ. Изданное* Васильемъ Воробьевскимъ *и проч. Въ* 12; 30 *стран.*

Аптекари должны прилагать это *Дополненіе* къ отпускаемымъ ими лекарствамъ, въ томъ предполо-

женіи, чтобы простые люди, забывая изустныя наставленія, могли справляться, какъ употреблять лекарства. Въ книжкѣ объяснено, какъ надобно пользоваться разными спиртами, мазями, каплями, женевскимъ бальзамомъ и наборомъ для кровочистительнаго отвара.

56. *Существуютъ ли въ медицинѣ, для* ЛЕЧЕНІЯ ВОСПАЛИТЕЛЬНЫХЪ И ЛИХОРАДОЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ, *основанія, прочные тѣхъ, какими наполнены иностранные писатели настоящаго времени? Въ* 12; 71 *стран.*

Авторъ, вмѣсто отвѣта на свой вопросъ, очень дѣльно разсматриваетъ, до какой степени появленіе лихорадки и горячки зависитъ отъ пищи и состоянія желудка.

*

57. *Обозрѣніе свеклосахарнаго производства. Отдѣленіе* 1. О ВОЗДѢЛЫВАНІИ СВЕКЛОВИЦЫ. *Въ* 8; 55 *стран. Съ чертежемъ.*

58. *Описаніе усовершенствованнаго способа* ГОРЯЧЕЙ ВЫМОЧКИ СВЕКЛОВИЦЫ. Н. Шишковымъ. *Въ* 8; 39 *стран.*

59. *Опытъ* УЧЕТА РАБОТЪ ПРИ СВЕКЛОСАХАРНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ. Николая Шишкова, *члена Мо-*

сковскаго Комитета гг. сахароваровъ. Въ 8; 65 *стран.*

Записки Московскаго Комитета гг. сахароваровъ содержатъ многія статьи, ближе прочихъ относящіяся къ цѣли его занятій. Посему Члены Комитета желали особаго изданія каждой статьи, которая будетъ содержать замѣчанія, примѣняемыя въ ихъ промышленности. Г. Шишковъ вызвался удовлетворить желанію гг. Сочленовъ того комитета, къ которому и онъ принадлежитъ. Этому обстоятельству мы обязаны теперь, и вѣроятно будемъ обязаны и въ будущемъ времени, появленіемъ очень полезныхъ статей о свеклосахарномъ производствѣ.

60. *Обозрѣніе успѣховъ науки* Сельскаго Хозяйства въ Россіи *въ послѣднее трехлѣтіе. Соч.* К. Веселовскаго. *Въ* 8; 164 *стран.*

На сочиненіе г. *Веселовскаго* надобно смотрѣть какъ на отчетъ, въ которомъ указаны всѣ покушенія частныхъ лицъ и правительственныхъ мѣстъ къ совершенствованію науки, такъ много споспѣшествующей народному благосостоянію. До сихъ поръ намъ не случалось видѣть въ Литературѣ книги, которая бы обнимала эту часть. И такъ нельзя было автору, при первомъ опытѣ, не пропустить какихъ-нибудь и замѣчательныхъ явленій. Но онъ выбралъ столь хорошій планъ и обнялъ такъ много предметовъ, что

всѣ пропуски вознаграждаются пользою, какую его книга уже принесла теперь и какую она еще послѣ принесетъ, служа образцемъ для подобныхъ ей сочиненій и облегчая совокупленіе подробностей, обыкновенно разбрасываемыхъ по разнымъ сочиненіямъ.

*

61. Деревенская забавная старушка, *по вечерамъ расказывающая простонародныя веселыя сказочки и разныя старинныя небылицы. Въ* 8; 274 *стран.*

62. Сказка *о трефовомъ королѣ Фанъ-Фанѣ, о приключеніи принца Факъ-Стана и о принцессѣ Эфери. Въ* 12; 54 *стран.*

63. Сказка *о славномъ витязѣ и могучемъ богатырѣ Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ, о прекрасной царевнѣ Свѣтловидѣ и о косолапомъ другѣ медвѣдѣ. Въ* 12; 70 *стран.*

*

64. Фортуна, *новая коммерческая игра въ карты, и правила, по которымъ она разыгрывается, съ приложеніемъ таблицъ о платѣ за игры и преміи. Въ* 16; 48 *стран.*

65. Игра въ Преферансъ. *Собраніе правилъ и постановленій, употребляемыхъ во всѣхъ родахъ этой игры; и проч., и проч.* Въ 16; 123 *стран.*

66. Правила игры въ Преферансъ, *или вѣрное руководство для желающихъ научиться играть въ Преферансъ, и проч., и проч.* Въ 16; 47 *стран.*

67. О косметическихъ средствахъ, *или наставленіе къ ихъ выбору, приготовленію и употребленію, для поддержанія и возвышенія красоты. Сочиненіе* Г. Въ 12; *VIII и* 228 *стран.*

II.

Расмотрѣнныя уже сочиненія, которыхъ послѣдующія части явились въ теченіе трехъ прошедшихъ мѣсяцевъ.

68. Исторія Петра Великаго. *Съ* 500 *оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ.* Выпуски: 6 и 7. Въ 8; *отъ* 161 *до* 224 *стран.*

69. О Нагайцахъ, *кочующихъ по Кизлярской степи.* Второе отдѣленіе (Первое же отдѣленіе этой книги названо не частнымъ именемъ, а общимъ: Объ Азіатскихъ народахъ, *обитающихъ въ*

Южной Россіи). Сочиненіе путешествовавшаго по Россіи съ 1824 *по* 1835 *годъ*. Андрея Павлова. *Въ* 8; 47 *стран.*

70. О Индійцахъ, *водворившихся въ Астрахани* Пятое отдѣленіе (И эта книжка не что иное, какъ вышеозначенная: Объ Азіатскихъ народахъ, *обитающихъ въ Южной Россіи.* Авторъ назвалъ нынѣшній выпускъ пятымъ: это вышло или по ошибкѣ, или по предположенію два пропущенные выпуска, третій и четвертый, напечатать когда-нибудь послѣ). *Въ* 8; 15 *стран.*

71. Описаніе Санктпетербургской губерніи. Часть четвертая. Ивана Пушкарева. *Въ* 8; 193 *стран.*

72. *Начальственныя распоряженія по* Казанскому Учебному Округу, *издаваемыя при Канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа.* Томъ V. *Книжки I и II. Въ* 8; 16, 15, 3, 60 *и* 9 *стран. Съ тремя таблицами.*

73. Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи, *издаваемые съ* Высочайшаго *соизволенія при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,* Вторая книга. *Въ* 8; 382, 45 205, 144 *и V стран.*

74. Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени. *Изданныя* И. Боричевскимъ. Часть вторая. *Въ* 12; 192 *стран.*

75. Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ, *издаваемая* Н. Улитинымъ. Выпускъ третій. *Томы*: 1, 2, 3, 4, 5, 6 *и* 7. *Въ* 8; 138, 124, 126, 88, 124, 265, 288, 289 *и* 272 *стран.*

76. Очерки Россіи, *издаваемые* Владиміромъ Пассекомъ. Книга V. *Въ* 8; 234 *стран.*

77. *Руководство къ преподаванію* Ариѳметики малолѣтнымъ дѣтямъ. *Составлено* Петромъ Гурьевымъ. Часть вторая. *Въ* 8, *IX и* 221 *стран.*

78. Юридическая библіотека. *Изданіе* Ѳедора Наливкина. Тетрадь VI и VII. *Въ* 8; 34 *и* 40 *стран.*

79. Курсъ опытнаго Русскаго сельскаго хозяйства. Д. Шелехова. Чтеніе пятое и шестое. *Въ* 8; *съ* 251 *по* 388 *стран.*

80. Атласъ музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества. *Томъ I, тетради*: осьмая, девятая и десятая. *Въ* 8; 21 *стран. Съ чертежами.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. Исторія похода 1815 года. *Сочиненіе Прусской службы маіора* Фонъ Дамица. *Съ примѣчаніями дивизіоннаго генерала старой арміи Французской. Перевелъ съ Французскаго Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ* Хатовъ I. *Томъ первый, въ 2-хъ частяхъ. Съ тремя планами и картою театра военныхъ дѣйствій въ Нидерландахъ въ* 1815 *году. Въ* 8; 519 *стран.*

Русская Литература много обязана трудамъ переводчика названной здѣсь книги. Особенно для читателей книгъ, касающихся военной части, его переводы незабвенны. Новый нынѣшній трудъ г. *Хатова*

принадлежитъ также къ числу самыхъ полезныхъ и счастливыхъ предпріятій. Эпоха историческаго расказа *Фонъ Дамица* такъ связана съ исторіею нашего Отечества и любопытнѣйшими событіями во всей Европѣ, что чтеніе этой книги безъ сомнѣнія займетъ каждаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что переводъ исполненъ съ отлично хорошимъ успѣхомъ.

2. Кесари. *Сочиненіе* Ф. де-Шампаньи. *Въ* 8; 223 *стран.*

Историческія сочиненія писателей съ истиннымъ талантомъ, въ числѣ которыхъ никто не усомнится поставить *де-Шампаньи*, важны въ Литературѣ вообще, даже безъ прямаго отношенія къ современности. Эти сочиненія вносятъ идеи новыя и во всякое время полезныя. Такимъ образомъ нельзя безъ благодарности принять перевода и этой книги, пользующейся столь завидною извѣстностію. Переводомъ, какъ должно заключить по успѣху, занимался литераторъ знающій свое дѣло и владѣющій языкомъ.

3. *Политическій балансъ земнаго шара*, или Опытъ всеобщей Статистики, *и проч., и проч. Составленный* г. Бальби, *переведенный съ Франц.* Ив. Эйнерлингомъ. *На двухъ листахъ съ объяснительною книжкой.*

Мы упомянули выше, какъ полезны всѣ учебники и другія классныя пособія, издаваемыя г. Эйнерлингомъ. Новый этотъ трудъ его подтверждаетъ наше мнѣніе.

4. Жизнь и поэзія Вильяма Шекспира. *Романъ* Кёнига. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Четыре части. Въ* 12; 105, 234, 204 *и* 152 *стран.*

Уже многіе изъ Русскихъ, знающіе по-Нѣмецки, уважаютъ Кёнига. Онъ, можетъ быть, первый иностранецъ, основательно изучившій Литературу нашу и ея исторію. Германія съ благодарностію приняла книгу его: *Русскіе Литературные Очерки* (Litterarische Bilder aus Russland). Сочиненіе, о которомъ теперь мы должны говорить по случаю перевода его на Русскій языкъ, свидѣтельствуетъ, что Кёнигъ глубоко изучаетъ всѣ предметы, за которые принимается какъ авторъ. Это и было причиною, что его *Русскіе Литературные Очерки* такъ изумили нашихъ читателей отчетливостію въ изслѣдованіи и вѣрностію обрисовки. Эта книга не только въ Германіи сдѣлалась руководствомъ для сужденій о Литературѣ, у нихъ еще для многихъ новой, но и переведена была на другіе Европейскіе языки, о чемъ въ Современникѣ упоминаемо уже было (Соврем. Т. VIII, стран. 314). Новое сочиненіе Кёнига названо у него: Williams Dichten und Trachten. На Нѣмецкомъ оно издано въ двухъ томахъ. Русской переводчикъ, для удобства чтенія, раздѣлилъ его на

четыре части. Этотъ романъ созданъ для живописнаго и вмѣстѣ драматическаго представленія эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ великій Шекспиръ. Слѣдовательно автору надобно было подробно и близко ознакомиться со всѣми тогдашними историческими лицами Англіи, съ ея политическими и религіозными партіями, съ господствующими въ то время интересами народа и правителей, съ привычками частныхъ лицъ и ихъ обыкновеніями, съ городомъ и его правами, однимъ словомъ: надобно было самому автору прожить нѣсколько лѣтъ какъ современнику Шекспира, чтобы наконецъ показать его нынѣшнимъ своимъ современникамъ. Кёнигъ точно такъ и сдѣлалъ. Его книга вводитъ васъ во всѣ любопытнѣйшія отношенія жителей тогдашняго Лондона и многихъ другихъ мѣстъ. Такъ надобно приготовляться къ сочиненію Историческаго романа. Въ такомъ сочиненіи романъ самъ по себѣ уступаетъ уже преимущество жизни общей, жизни всего, что придаетъ краски исторіи, блескъ и силу поэзіи. Къ-счастію эта прекрасная книга нашла себѣ и переводчика отлично-хорошаго. Такимъ образомъ можно сказать, что Кёнигъ теперь усвоенъ Русской Литературѣ вдвойнѣ: во 1-хъ тѣмъ, что онъ написалъ о ней по-Нѣмецки, во 2-хъ тѣмъ, что переведено изъ него по-Русски.

5. **Маранны**, *Историческая повѣсть* **Людвига Филипсона**. *Перевелъ съ Нѣмецкаго* **Бернардъ Бертензонъ**. *Въ* 12; 269 *стран.*

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи при Фердинандѣ-Католикѣ. Событіе касается Евреевъ, по принужденію перемѣнившихъ вѣру свою и втайнѣ ее исповѣдующихъ. Хотя и *Филипсона* повѣсть историческая, но она ничтожна, потому что нѣтъ въ ней этаго отраженія тогдашней жизни. Переводъ впрочемъ хорошъ, и слѣдовательно никакой вины не падаетъ на г. Бертензона, кромѣ неудачнаго выбора.

6. Петръ Великій, *историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ, передѣланная съ Нѣмецкаго* П. Ободовскимъ, *и положенная на музыку* Л. Фуксомъ.

Это либретто, отъ которыхъ и требовать нельзя поэзіи во всемъ ея совершенствѣ. Здѣсь писатель подчиненъ волѣ, а часто и прихоти музыканта.

7. Робинзонъ Крузе. *Романъ для дѣтей. Сочиненіе* Кампе. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Съ картинками, рисованными* г. Тиммомъ, *и вырѣзанными на деревѣ* Барономъ Нетгельворстомъ. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 12; 175 *и* 259 *стран.*

И выборъ сочиненія и переводъ книги равно достойны похвалы. Нельзя не порадоваться, что для чтенія дѣтямъ это произведеніе знаменитаго Кампе явилось въ хорошемъ Русскомъ переводѣ. Безъ сомнѣнія эта книга поступитъ въ ту маленькую библіотеку,

какую для дѣтей едва можно составить у насъ, по причинѣ непростительнаго равнодушія хорошихъ писателей къ этому роду Литературы. Мы дожили до того, что въ языкѣ нашемъ едва не образовались новые синонимы: *дѣтской* и *ребяческой* — такъ много худыхъ книгъ издано для дѣтей.

8. Ариѳметика, Геометрія и Землемѣріе, *для первоначальнаго обученія, народныхъ школъ и сельскихъ жителей, съ* 135 *фигурами. Соч.* Буасси, *Профессора Математики. Переводъ съ Французскаго. Три части. Въ* 12; 92, 70 *и* 48 *стран.*

Мы увѣрены, что и эта книга, подобно предыдущей, заботливыми воспитателями пріобрѣтена будетъ охотно, какъ хорошее пособіе въ дѣлѣ образованія юношества. Учебныя книги, составленныя добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, не менѣе приносятъ пользы, какъ и произведеніе таланта, обратившаго свои силы на удовлетвореніе потребностямъ дѣтскаго возраста.

9. *Практическія упражненія въ* Физикѣ, *или Собраніе вопросовъ и задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями* Піерра, *Профессора Математики и Физики. Переводъ съ Французскаго.* А. Н. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 8; *VI и* 298 *стран. Съ чертежами.*

Заглавіе книги вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Независимо отъ теоретическихъ изслѣдованій, авторъ разсматриваетъ столько любопытныхъ и часто встрѣчающихся случаевъ, которые надобно умѣть разрѣшить на дѣлѣ — и ихъ-то преимущественно онъ представляетъ учащемуся. Такимъ образомъ его книга не лишняя при самыхъ лучшихъ учебникахъ, у насъ уже изданныхъ.

10. Древесная Флора, *или Описаніе деревъ и кустарниковъ, въ Россійскомъ государствѣ растущихъ. Съ таблицами воспитываемыхъ въ Россіи Сѣверо-Американскихъ деревъ и кустарниковъ, и проч. Извлечено изъ Нѣмецкаго сочиненія* Ивана Цпгры И. Р... ф...ромъ. *Двѣ части. Въ* 8; *XII*, 180 *и* 98 *стран.*

Хорошо собранные матеріалы для изученія Россіи въ отношеніи къ предмету, которымъ ограничился авторъ. Переводъ и изданіе можно бы сдѣлать тщательнѣе и съ бо́льшимъ вниманіемъ къ разнымъ частямъ труда.

11. *Краткое извлеченіе изъ руководства* водопотоваго леченія, *и проч. по методѣ* Приснитца, *изданной докторомъ* Бижелемъ *въ* 1840 *году. Переведено съ Французскаго* Васильемъ Воробьевскимъ, *и проч.*

Книжечка эта ничего не заключаетъ новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже столько разъ было сказано и на Русскомъ языкѣ о водопотовомъ леченіи.

12. Домашняя аптека, *или описаніе дѣйствія и употребленія лекарственныхъ средствъ, и проч. Переведена съ Нѣмецкаго* И. К. *Въ 8; 84 стран.*

Между людьми, прибѣгающими къ медицинскимъ пособіямъ, переводчикъ едва ли найдетъ охотниковъ до его домашней аптеки. Надобно очень слегка быть больнымъ, чтобы изъ нея употребить лекарство — да и тогда безъ него какъ-то безопаснѣе; а въ дѣлѣ серьёзномъ всякой врачь отвергнетъ эту аптеку.

13. *Энциклопедія* домоводства и сельскаго хозяйства, *и проч., переведенная съ извѣстнаго сочиненія, составленнаго экономическимъ обществомъ и изданнаго* Ф. Кирхгофомъ, и проч. Тетрадь I. О наземахъ. *Въ 8; IV и 48 стран.*

Въ книгѣ сей сведены одни указанія безъ объясненій, для которыхъ требуются предварительныя знанія ученыя. Домоводцы и хозяева могутъ заимствовать отсюда способы и повѣрять ихъ собственными опытами.

II.

14. Сочиненія Платона, *переведенныя съ Греческаго и объясненныя Профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи* Карповымъ. Часть 2. *Въ* 8; 385 *стран.*

15. Тысяча и одна ночь, *Арабскія сказки.* Части 6, 7, 8, 9 и 10. *Въ* 12; 239, 240, 239, 239 и 238 *стран.*

16. *Библіотека* романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ, *издаваемая* Н. Улитинымъ. Выпускъ третій. Томы 4, 5, 6 и 7. *Переводъ съ Франц. Четыре части. Въ* 12; *XX*, 263, 288, 289, 272 *и XX стран.*

17. Сочиненія Гёте. Выпускъ 2. *Въ* 8; 133 *стран.*

18. Шекспиръ. *Переводъ съ Англійскаго* Н. Кетчера. Выпускъ седьмой, осьмой и девятый. Генрихъ VI. *Часть II и III.* Ричардъ III. *Въ* 12; 131, 134 и 155 *стран.*

19. Натуральная Исторія для юношества, *и проч. Переводъ съ 7-го Франц. изданія.* Часть вторая. *Въ* 8; 156 *стран.*

20. Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. *Учебная книга для руководства при преподаваніи и для собственнаго обученія врачей, вступающихъ въ практику. Сочиненіе* Юнкена. *Переводъ съ Нѣм. Изданъ* И. Гильтебрандтомъ. *Часть II. Въ* 8; 423 *стран.*

21. Частная фармакологія, *или Наука о лекарствахъ, составленная Докторомъ* І. Фр. Зобернгеймомъ *для академическаго и практическаго употребленія. Съ Нѣмецкаго перевелъ* Михаилъ Вейсбергъ. *Часть I.* Тетрадь вторая. *Въ* 8; 384 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. Исторія малой Россіи. *Сочиненіе* Н. Бантышъ-Каменскаго. *Съ портретами, картами и рисунками.* Изданіе третіе. *Три части. Въ* 8; 318, 202, 51, 239 и 99 *стран.*

2. *Картинки Русскихъ нравовъ.* Салопница и Корнетъ. *Книжки* 1 *и* 2. *Въ* 16; 51 *и* 50 *стран.*

3. Козелъ бунтовщикъ *или Машина свадьба. Новѣйшая повѣсть.* Изданіе второе. *Въ* 8; 81 *стран.*

4. Гуакъ, *или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть.* Изданіе второе. *Двѣ части. Въ* 12; 115 *и* 101 *стран.*

5. Рококо, *или выборъ изъ* 333 *повѣстей, и проч. Изд.* А. Волковымъ. *Книжка первая.* Изданіе второе. *Въ* 12; 83 *стран.*

6. Ѳеофилъ, *духовная повѣсть. Соч.* Е. Алипанова. Изданіе второе. *Въ* 16; 62 *стран.*

7. Военныя пѣсни. *Соч.* Е. Алипанова. Изданіе второе. *Въ* 16; 60 *стран.*

8. Досуги для дѣтей. *Соч.* Е. Алипанова. Изданіе второе. *Въ* 16; 60 *стран.*

9. Купеческая дочка и Чиновникъ 14-го класса. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* Н. Соколова. Изданіе третіе. *Въ* 12; 108 *стран.*

10. Книга для чтенія, *въ пользу начинающихъ учиться Франц. языку, и проч.* Третіе изданіе. *Въ* 8; 124 *стран.*

11. Хрестоматія, *извлеченная изъ лучшихъ Франц. писателей.* Второе изданіе. *Составлена* Н. Нувелемъ. *Въ* 8; 125 и 86 *стран.*

12. Ариѳметика, *и проч.* Петромъ Кумпинскимъ. Изданіе тринадцатое. *Безъ перемѣнъ. Въ* 12; 187 *стран.*

13. *Краткое начертаніе* Всеобщей исторіи, *сочиненное* Иваномъ Кайдановымъ. Десятое изданіе. *Въ* 8; 112 *стран.*

14. Латинская Грамматика, *изданная* А. Лейбрехтомъ, *и проч.* Изданіе четвертое. *Въ* 8; 278 *стран.*

15. *Учебная книга Всеобщей Исторіи.* Древняя Исторія. *Сочиненіе* И. Кайданова. Изданіе четвертое. *Въ* 8; 332 *стран.*

16. Учебная книга Нѣмецкаго языка, *составленная по методѣ* Зейденштикера. *Первый курсъ.* Изданіе второе. *Въ* 12; 96 *стран.*

17. *Практическое руководство къ устройству усовершенствованныхъ* веревчатыхъ приводовъ, *и проч. Составилъ* Р. Риго. Изданіе Второе. *Въ* 8; *VIII и* 36 *стран. Съ чертежами.*

18. Карманный пѣсенникъ, *и проч.* Изданіе 2-ое *Въ* 16; 144 *стран.*

19. БАЛАКИРЕВА *полное собраніе анекдотовъ, и проч.* ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. *Въ пяти частяхъ. Въ* 12; 33, 23, 16, 12 *и* 36 *стран.*

20. СКАЗКА *о Мельникѣ колдунѣ, о хлопотливой старухѣ, о Жидкахъ и батракахъ. Соч.* Е. АЛИПАНОВА. ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. *Въ* 32; 59 *стран.*

ТРИ ПОСЛѢДНІЯ ГЛАВЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ГВЕРИЛЬЯСОВЪ.

I.

Война Гверильясовъ къ рѣдкому колодцу не примѣшала крови, въ рѣдкую подполицу венты не набросала человѣческихъ костей; безыменнымъ ручьямъ, одинокимъ деревьямъ надавала именъ, большею частію означающихъ бѣдствія; утучнила трупами такіе пустыри, куда убійца не занашивалъ трупа для тайныхъ похоронъ. Явленія войны Гверильясовъ смѣнялись быстрѣе декорацій волшебныхъ оперъ; были такъ разнообразны, какъ будто война переносилась изъ одной части міра въ другую. Въ нижней Каталоніи, въ виду Средиземнаго моря, гора, покрытая примкнутыми штыками, казалась горой Арабскихъ сказокъ, вылитой изъ металла и шатающейся отъ заклинаній чародѣя; лошади сражающихся осыпали трупы миртъ и розъ искрами, выбитыми изъ приморъ-

скихъ утесовъ; распухнувшіе трупы прибѣгали съ
морскими волнами биться о Балеарскіе острова. На
вершинахъ Пиренеи, гдѣ уже нѣтъ добычь для
времени, туманъ былъ подъ ногами сражающихся,
облако касалось ихъ головъ. Генералъ Рейль, вспомня
любовь своего императора къ Оссіану, назвалъ въ
своемъ донесеніи одно изъ такихъ сраженій Оссіа-
новскимъ. На Сіерра-Невадѣ лѣсъ изъ пихтъ и
елей, и снѣгъ, въ оттепель таявшій подъ ногами,
напоминали Гогенлинденское сраженіе, а въ морозный
день крутящійся снѣгъ билъ, какъ при Прейсишъ-
Эйлау, въ лица воиновъ; лошади, пробившія ледя
горнаго потока и остановившіяся въ немъ, какъ въ
западнѣ, повторяли явленіе изъ Аустерлицкаго сра-
женія. Въ сухихъ каменистыхъ пустыняхъ Кастиліи
пули стучали о поле сраженія, какъ пули, ударив
шіяся о металлъ пушки; часто побѣдители скла
дывали груды изъ труповъ, чтобъ подъ ихъ тѣнью
укрыться отъ зноя, подобно Бедуинамъ, не взявшимъ
палатокъ въ свой набѣгъ на враждебное племя; част
пустыни загарались отъ сраженія, какъ степи Колум
біи отъ Боливаровыхъ сраженій, и пламя разгоняло
нападающихъ и обороняющихся. Въ Андалузіи изъ
ближней Сіерры приносился на поля сраженій запах
благовонный, какъ дыханіе молодой женщины, согрѣ
тое сладострастіемъ; деревья фиговыя и гранатовыя,
по прихоти вѣтра, то купая въ потокѣ свои плоды,
то поднимая ихъ, качали на своихъ вѣтвяхъ уби
тыхъ тиральеровъ, покрытыхъ блестящей пѣной; въ

теръ, внезапно прилетавшій изъ Африки съ пылью и зноемъ ея степей, покрывалъ сѣрымъ цвѣтомъ Андалузію и войска, а облака пыли затрудняли движенія войскъ, какъ Бранденбургскіе пески, поднятые конницей въ Ютербокское сраженіе.

Какъ въ древности, когда все отечество одного изъ Греческихъ племенъ смотрѣло съ ближнихъ высотъ на подвиги своего войска, Испанцы съ колоколень, съ кровель, чаще съ горныхъ вершинъ, смотрѣли на подвиги Гверпльясовъ, перебирая зерна своихъ четокъ то медленно, то скоро, смотря по ходу сраженія. Одни изъ зрителей пѣли патріотическія пѣсни, полныя ругательствъ и сопровождаемыя припѣвомъ, подражавшимъ крику пѣтуха — эмблеммѣ Французовъ. Другіе криками и воплями выражали свои чувства, подобно Римлянамъ на ступеняхъ Колизея, возбуждавшимъ ярость льва, осмѣивавшимъ гладіатора, не умѣющаго умереть. Пожилыя женщины, удалясь отъ толпы и вѣря въ сердечной простотѣ, что Мать скорѣе услышитъ молитву матери, пѣли Stabat Mater—гимнъ материнской горести, котораго силу понимаютъ женщины лучше насъ, потому-что лучше насъ понимаютъ горесть Матери у ногъ Распятаго Сына. «Дайте ему дорогу!» кричалъ Порлье своимъ сражающимся Гверпльясамъ, указывая имъ на молодаго Астурійца, который съ быстротою труса бѣжалъ изъ сраженія на ближній холмъ, гдѣ въ толпѣ зрителей были малолѣтные братья и сестры

молодаго Астурійца, а тяжело раненый отецъ поручилъ ему передать имъ послѣднее благословеніе, и добрый сынъ уходилъ изъ сраженія отъ боязни быть убитымъ прежде исполненія отцовскаго порученія. Воина, убитаго внѣ отечества, обыкновенно безъ обрядовъ вѣры бросаютъ въ вырытую наскоро яму, чаще же предаютъ на жертву стихіямъ и плотоядпымъ животнымъ; но воинъ, убитый на войнѣ народной или междоусобной, нерѣдко предается землѣ съ тѣми же слезами, какія были бы на немъ, умершемъ своею смертію. Испанцы 1808 года, вѣруя, что погребеніе съ обрядами вѣры необходимо для вѣчнаго блаженства, хотѣли, чтобы святое муро приготовило тѣла убитыхъ къ смѣшенію съ землею. Испанки съ своими заботами около трупа казались сестрами милосердія, ухаживающими за больнымъ; клали трупъ въ могилу такъ бережно, какъ мать кладетъ успувшаго младенца въ колыбель. Черезъ много времени послѣ погребенія, люди, приходившіе на могилы, еще находили слова, возбуждавшія сожалѣніе, часто двѣ впадины, оставленныя на могилѣ склоненными колѣнами, замѣняли ей холмъ, и, можетъ быть, любовь или дружба была слишкомъ бѣдна для того, чтобы чѣмъ другимъ отличить могилу. Если время или каменный грунтъ не позволяли Гверильясамъ похоронить своихъ убитыхъ; то они, уходя, оставляли возлѣ труповъ тарелку для того, чтобъ прохожіе набросали въ тарелку денегъ, а монахъ, взявши ихъ, отслужилъ мшу по убитымъ. Высокими крестами изъ крѣпкаго дерева Гверильясы

отличали могилу убитаго начальника, и какъ часто все, оставленное на землѣ храбрымъ воиномъ, заключалось въ его могильномъ крестѣ, иногда стоящемъ среди степи, или въ горномъ ущельѣ, гдѣ не-кому было возобновить похвальной надпись, смытой съ креста дождями, или стертой отдыхающими подъ нимъ звѣрями. У этаго могильнаго памятника одинъ жребій съ памятникомъ изъ близполюснаго снѣга, сложеннымъ товарищами капитана Росса: не-кому въ вѣчной пустынѣ полюбопытствовать, когда и кѣмъ сложенъ этотъ памятникъ; въ первый выпавшій снѣгъ на вѣки пропадетъ дорога къ нему; онъ разлетится отъ бури, которой свиста не услышитъ ни звѣрь, ни человѣкъ.

Тщетно Наполеонъ, грозя сбросить Испанцевъ съ полуострова въ море, передвигалъ черезъ Пиренеи цѣлыя арміи, изъ которыхъ каждой было достаточно для завоеванія второстепеннаго государства; тщетно Французскіе полководцы истощали свое искуство, а солдаты свое мужество на такой войнѣ, гдѣ главнѣйшая опасность угрожала внѣ сраженій и внѣ осадъ, гдѣ должно было побѣдить не государство, а мнѣнія и страсти; но Французы съ уничтоженіемъ Испанской арміи не уничтожили народныхъ страстей, съ покореніемъ Испанскихъ крѣпостей не покорили народнаго мнѣнія. Тщетно Французы искушали золотомъ Испанцевъ, пріобрѣвшихъ власть или вліяніе; они, за исключеніемъ немногихъ, остались

недоступными; а побѣда надъ искушеніями золота едвали легче побѣды воина надъ любовью къ жизни. Истребленіе сильнѣйшей партіи Гверильясовъ значило не больше, какъ потеря одного воина, котораго мѣсто въ то же мгновеніе занято другимъ. Гверильясы походили на тѣ растенія, которыя, будучи срѣзаны желѣзомъ плуга, пускаютъ новыя отрасли. Французы замѣтили, что Испанецъ, вылечившійся отъ ранъ, съ большею злобою брался за оружіе, подобно змѣѣ, которая, сбросивши старую кожу, смѣлѣе хватаетъ зубами съ накопившимся ядомъ. Чѣмъ сильнѣе было пораженіе, претерпѣнное Гверильясами, тѣмъ съ большею самонадѣянностію они повторяли свое гордое: non importo! * Это слово имѣло на общее мнѣніе Испанцевъ такое же сильное вліяніе, какое въ началѣ Французской революціи имѣло перенятое у Франклина са ira. Упорствомъ своего сопротивленія Испанцы доказали, что ихъ гордое non-importo выражало внутреннее убѣжденіе въ томъ, что Испанцевъ можно побѣдить, но не покорить. Самые успѣхи Французовъ, приведшіе ихъ къ стѣнамъ Кадикса, казались Испанцамъ вѣрнымъ признакомъ освобожденія, признакомъ, которой ихъ воображеніе видѣло въ сходствѣ положенія сподвижниковъ Дона Пелаіо, загнанныхъ Маврами въ Астурію, съ положеніемъ Испаніи въ 1810 году, ибо ея послѣднія регулярныя войска, отступившія въ Кадиксъ,

* Это ничего не значитъ.

сражались на концѣ государства, какъ нѣкогда на его противоположномъ концѣ сражались сподвижники Дона Пелаіо. Истинный Испанецъ 1808 года вѣровалъ, что Богъ не попуститъ покорить Испанію; ибо, говорилъ онъ, въ какихъ королевствахъ больше драгоцѣнныхъ каменьевъ на поясахъ и на діадемахъ Его Матери, въ какихъ королевствахъ больше молебновъ служатъ его угодникамъ? Въ доказательство своего вѣрованія Испанецъ 1808 года разсказывалъ, что «было въ Толедѣ не-христіанское зданіе съ же«лѣзными воротами и мѣднымъ засовомъ, не усту«павшимъ ни силѣ великана, ни молитвѣ архіеписко«па; но когда Богу стало угодно предать Испанію «Маврамъ, то онъ допустилъ короля Родриго сдви«нуть мѣдный засовъ съ воротъ не-христіанскаго «зданія; вмѣсто ожидаемыхъ сокровищъ король уви«дѣлъ гробъ, исписанный изображеніями людей съ «не-нашими лицами и въ невиданныхъ одеждахъ; «надпись надъ головами этихъ людей означала, что «они будущіе покорители Испаніи; въ наше же время «ни на небесахъ, ни на землѣ не было знаменія, «возвѣщавшаго, что Испанія будетъ покорена Фран«цузами.» Фердинандъ VII приносилъ Наполеону письменныя поздравленія съ его побѣдами на Дунаѣ; отецъ и мать Фердинанда VII ѣздили въ Парижъ поздравить Наполеона съ рожденіемъ сына; одинъ изъ Бурбоновъ, остававшійся въ Испаніи, предлагалъ свои услуги королю Іосифу въ выраженіяхъ вѣрноподданнической преданности. Но Гверильясы иначе

не называли императора Французовъ, какъ Малипартъ, или Напаладронъ. * Привыкши въ разговорахъ употреблять выраженіе Jesus — Maria — Joseph, они, произнеся два первыя слова, избѣгали послѣдняго для того, чтобъ съ именами Бога и Его Матери не произносить имени лже-короля. Кортецы осмѣлились унизить Фердинанда VII до степени великаго могола, котораго именемъ и титулами начинаются всѣ повелѣнія Англійскаго правительства въ Остъ-Индіи, но который среди мраморныхъ развалинъ своего дворца не что иное, какъ лишняя развалина, утѣшенная въ потерѣ свободы наслажденіями сераля и въ потерѣ власти придворнымъ этикетомъ. Но Гверильясы, умирая отъ ранъ, повторяли такъ много разъ имя своего короля, какъ будто оно облегчало ихъ боль отъ ранъ, повторяли съ тѣми глубокими звуками, съ которыми Американскій дикарь призываетъ предметъ своего суевѣрнаго обожанія. Англичане ввезли въ Испанію множество матерій, шарфовъ, платковъ съ портретами Фердинанда VII, ибо Гверильясъ не жалѣлъ денегъ, чтобъ повязать черезъ плечо такой шарфъ, хранить для перевязки ранъ такой платокъ, вырѣзавши изъ куска матеріи королевской портретъ, пришивалъ его къ своей груди.

Каждое новое завоеваніе въ Испаніи вредило успѣхамъ Французовъ, ибо только одна физичес-

* Ладронъ — воръ.

кая невозможность возстанія удерживала жителей въ повиновеніи, и потому Французы для охраненія завоеванныхъ округовъ должны были ослабить дѣйствующія войска; въ противномъ же случаѣ округъ, только-что оставленный Французами, спѣшилъ возстаніемъ, какъ будто они уже не могутъ воротиться; можно было сказать, что власть Французовъ только переходила чрезъ завоеванную землю, чтобъ укло-ниться подъ тѣнь Наполеоновыхъ орловъ. Французы, едва побѣдившіе на одномъ пунктѣ, должны были спѣшить къ другому, угрожаемому непріятелемъ, или уже отнятому; захвативши почти всю Испанію не могли назвать своимъ ни однаго утеса, ни однаго вершка земли, находящихся внѣ крѣпостныхъ ва-ловъ, уставленныхъ Французскими пушками, и внѣ цѣпи Французскихъ часовыхъ; не могли успокоиться отъ безпрерывной тревоги, тѣмъ больше тягостной, что незнали, какимъ средствомъ избавиться отъ нея. Составленіе подвижнаго магазина и его конвоя тре-бовало отъ генерала большихъ талантовъ, чѣмъ въ Германіи управленіе обширными завоеванными обла-стями—и Наполеонъ впервые увидѣлъ себя въ невоз-можности поддерживать войну войной. Грабежъ, какъ единственное средство продовольствія, сталъ обязанностію солдата, отъ чего много потерпѣла и нравственность и дисциплина; при томъ солдатъ, обогатившійся грабежемъ, всегда становится худымъ солдатомъ. Французское войско, находя безопасность только подъ тѣнью своихъ штыковъ, исчезало на

фуражировкахъ, на квартирахъ, на часахъ, какъ исчезаетъ войско, зараженное чумою, и, одерживая побѣды, оно потеряло славу непобѣдимости, такую славу, которая почти равносильна могуществу. Нѣсколько офицеровъ и нѣсколько десятковъ солдатъ, оставшихся отъ цѣлаго полка, выносили изъ Испаніи свои знамена съ орлами; орлы были потемнены пороховымъ дымомъ, а офицеры и солдаты такъ были оборваны, изнурены, что походили на больныхъ, выгнанныхъ пожаромъ изъ гошпиталя.

Отъ Пиреней до Андалузіи господствовало право сильнаго; люди съ состояніемъ удалились въ мѣста, меньше подверженныя бѣдствіямъ войны; остались только тѣ, которымъ было не-куда бѣжать. Одинъ изъ епископовъ старой Кастиліи сравнилъ положеніе своей паствы съ Египтомъ при Фараонѣ, когда недоставало живыхъ для погребенія умершихъ. Прививаніе оспы было забыто, а она, какъ вампиръ, любитъ жертвы, цвѣтущія молодостію. Всѣ роды опустошеній предпочтительно скопились кругомъ военныхъ дорогъ, шедшихъ изъ Мадрита въ Баіону; въ городахъ, лежавшихъ при этихъ дорогахъ, жители, походя на поколѣнія, угасавшія отъ чумы, бродили по улицамъ, покрытымъ слоемъ изъ грязи и навоза, съ кусками битой посуды, съ обломками мебелей и костями падали; въ пустые домы богачей нищіе сходились для ночлега, солдаты для разврата, непозволеннаго въ казармахъ. На нѣсколько миль

кругомъ военныхъ дорогъ не уцѣлѣло ни однаго плодовитаго дерева; платаны, расширенные столѣтіями, сбереженные многими поколѣніями, сгорѣли подъ котлами, кипѣвшими съ бѣдною пищею солдатъ; деревни были оставлены жителями, не вынесшими безпрерывнаго постоя проходящихъ войскъ и ихъ требованій, ставшихъ нестерпимыми отъ истощенія способовъ продовольствія, и стражемъ пустыни казался священникъ, не хотѣвшій покинуть своей церкви, въ которой было не-кому молиться; корова, забытая Французами, услыша человѣческій голосъ, выставляла изъ-за плетня свою голову и плачевными звуками призывала къ себѣ человѣка съ его заботами о ней, къ лишенію которыхъ она не могла привыкнуть. Лошади съ раненными ногами силились сползти съ дороги, протягивая шею къ травѣ, еще не окровавленной. Стаи одичавшихъ собакъ жили трупами, валявшимися на дорогѣ, и были, по словамъ Англійскихъ солдатъ, такъ жирны, какъ собаки старыхъ лордовъ, потому-что къ трупамъ, едва съѣденнымъ, война прибавляла свѣжихъ труповъ. Близъ военной дороги — гдѣ надъ стѣнами укрѣпленнаго монастыря, гдѣ надъ кровлями домовъ, тоже укрѣпленныхъ—возвышались черными, безобразными циклопами каланчи, срубленныя изъ старыхъ строеній для Французскихъ часовыхъ; невдалекѣ отъ каждаго укрѣпленія было срублено Французами другое строеніе, похожее на голубятню, убитое желѣзными крючьями, на которыхъ висѣли веревки съ

мертвыми петлями, и, качаемыя вѣтромъ, описывали круги въ воздухѣ. На этихъ веревкахъ Французы для примѣра вѣшали Гверильясовъ; а Гверильясы, при первомъ удобномъ случаѣ, вѣшали Французовъ, тоже для примѣра; тѣ и другіе для своихъ бивачныхъ костровъ срывали кресты съ могилъ, разбирали кровли домовъ, но не касались до висѣлицъ; случалось, что обѣ стороны въ одно время приводили къ нимъ своихъ плѣнниковъ; тогда оружіе рѣшало: головамъ ли Французовъ, или Испанцевъ принадлежатъ мертвыя петли. Часто за звуками едва стихшаго сраженія переносились черезъ дорогу звуки гитаръ и романсовъ; Французы съ кровель и каланчей укрѣпленій смотрѣли на фанданго Гверильясовъ, какъ сквозь чугунныя рѣшетки оконъ смотрятъ на фанданго дѣти Франциски Д'Ассиса, печальные, озабоченные, какими и должны быть существа, отказавшіяся отъ удовольствій міра и смотрящія на одно изъ нихъ, такъ веселое, роскошное, что при немъ возникаетъ сожалѣніе объ отказѣ. Въ отсутствіе Гверильясовъ глубокая тишина военной дороги прерывалась только суетливымъ появленіемъ Французовъ, которыхъ тревога вызвала изъ укрѣпленія скрыпомъ военнаго обоза и говоромъ войскъ, провожающихъ курьера или значительнаго чиновника, и ржаніемъ мула, оставленнаго за усталостію на дорогѣ, который, приподнявши голову, провожалъ глазами проходившее войско. Изрѣдка прокрадывался черезъ дорогу крестьянинъ, который, боясь быть

ограбленнымъ, спѣшилъ унести подъ полою лучшую утварь изъ своего оставленнаго дома. На много миль кругомъ военныхъ дорогъ и на равнинахъ, простирающихся отъ военныхъ дорогъ до Португальской границы, было больше полей съ трупами, нежели съ жатвой; и поля съ трупами были шире уцѣлѣвшихъ жатвъ. Глубокій ровъ, вырытый Англичанами для своихъ убитыхъ, заключалъ въ себѣ цѣлые батальоны и эскадроны, пересыпанные горстями пожирающей ихъ извести. По сторонамъ рва одинокіе холмы отличали могилы начальниковъ и аристократовъ. Французовъ Англичане хоронили въ особомъ рвѣ, какъ будто они не хотѣли, чтобъ воинъ, проспвшій пощады, и воинъ, отказавшій въ пощадѣ, истлѣли вмѣстѣ; какъ будто Англичане хотѣли, чтобъ крестьянинъ, взрывши плугомъ кости Французовъ, зналъ, что онѣ принадлежатъ народу, нѣкогда враждебному. Остальныя поля сраженій представляли зрѣлище отвратительное, какаго нѣтъ въ другихъ войнахъ; ибо жители снимали платье и бѣлье съ убитыхъ Испанцевъ и Французовъ: съ Испанцевъ снимали отъ увѣренности, что Богъ въ раю одѣнетъ ихъ въ лучшее платье; на Французахъ же оставляли галстуки для того, чтобъ христіанинъ зналъ, что это трупы gavachos, *собакъ*, и прошелъ мимо ихъ не произнеся: Ave—Maria. Знойное солнце, укоротя, высуша и вычерня нагіе трупы, придавало имъ разительное сходство съ муміями, отвратительнымъ предметомъ Европейскаго любопытства. Между полями

сраженій шалаши бивакъ встрѣчались чаще уцѣлѣвшихъ деревень; постоянно повторялись явленія бѣдности и господства правъ сильнаго; крестьянинъ, впрягшись въ плугъ съ женою и дѣтьми, прокладывалъ борозды по своему полю. Французъ, опершись на ружье, понуждалъ къ работѣ Испанцевъ, копавшихъ коренья на обѣдъ своимъ непріятелямъ. Мародеръ соскочилъ съ лошади; пронзительный вопль еще отвѣчаетъ его радостному восклицанію, а онъ уже шпоритъ лошадь, и ниже его стремени висятъ волосы Испанки, брошенной поперегъ сѣдла. Старикъ и нѣсколько малолѣтныхъ стоятъ возлѣ одинокаго дома; по ихъ взглядамъ, устремляемымъ то въ одну, то въ другую сторону, легко догадаться, что они стоятъ на стражѣ, а по робости ихъ взглядовъ, сомнительности ихъ тѣлодвиженій, можно подумать, не совершается ли какое преступленіе въ томъ домѣ! Въ самомъ дѣлѣ, если Гверильясъ или Французъ внезапно войдетъ въ него, то малолѣтные горько оплачутъ свою небдительность: она преступленіемъ ляжетъ на совѣсти старика: въ этомъ домѣ мать малолѣтныхъ печетъ хлѣбъ, и если его съѣдятъ чужіе, то, можетъ быть, голодъ подогнетъ ноги матери прежде, нежели она найдетъ, чѣмъ накормить малолѣтныхъ.

До войны съ Россіею вторженіе Французовъ въ Испанію, не смотря на перемѣнчивость счастія, походило на волны, которыя, то взбѣгая на берегъ,

то сбѣгая съ него, оканчиваютъ разширеніемъ своего теченія. Побѣды Англичанъ при Талаверѣ, Албуерѣ и Фуентесъ-де Оноро принадлежатъ къ тѣмъ сраженіямъ, о которыхъ можно сказать, что они потеряны обѣими сторонами, ибо почти единственнымъ слѣдствіемъ каждаго изъ нихъ было поле, покрытое убитыми и раненымп. Безъ важнаго вліянія на войну остался лучшій изъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ Англичанами на сухомъ пути: взятіе приступомъ Бадайоца, подвигъ возвеличенный всѣми образами въ рѣчахъ Англійскихъ ораторовъ и въ стихахъ Англійскихъ поэтовъ, и расказанный въ Исторіи Нэпира съ великолѣпіемъ и подробностями эпопеи. Этотъ расказъ почитается однимъ изъ лучшихъ мѣстъ Англійской прозы, и Французы для великихъ битвъ Наполеона еще не нашли всѣхъ красотъ, которыми Нэпиръ разцвѣтилъ расказъ объ обыкновенномъ приступѣ 25 тысячь Англичанъ къ крѣпости, обороняемой 4-мя тысячами Французовъ. Желанія Веллингтона не простирались далѣе Португальской границы, и при каждомъ повтореніи слуха, что Наполеонъ намѣревается прибыть въ Испанію, Англійскій полководецъ возобновлялъ думу о средствахъ усилить Торресъ-Ведраскія укрѣпленія. Ясно было, что Англія должна будетъ оставить полуостровъ, хотя бы ея министерство рѣшилось пожертвовать благосостояніемъ Англіи для независимости полуострова, и хотя бы ея арміи выигрывали каждое сраженіе. Но для войны съ Россіею Наполеонъ вы-

звалъ изъ Испаніи 50 тысячь лучшихъ войскъ, которыя въ свое четырехлѣтнее пребываніе на полуостровѣ привыкли къ его климату, познакомились съ его мѣстностію и съ образомъ войны Англичанъ и Гверильясовъ. По вызовѣ этихъ войскъ, Наполеонъ намѣревался сосредоточить оставшіяся войска на Эбро; но, получа извѣстіе объ истребленіи арміи Блака, отмѣнилъ свое намѣреніе, надѣясь, что истребленіе арміи Блака утвердило престолъ короля Іосифа. Въ слѣдствіе этой ложной надежды Французская армія, обезсиленная и принужденная охранять огромное пространство, стала неспособною къ сопротивленію— притомъ стала неспособною въ то самое время, какъ Веллингтонова армія была усилена, число Гверильясовъ и ихъ смѣлость увеличились, особливо на сѣверѣ, гдѣ такъ называемая Сѣверная армія, смирявшая ихъ своими подвижными колоннами, получила другое назначеніе.

Въ это же самое время, такъ благопріятное для Гверильясовъ, оказались первые признаки ихъ упадка, отъ котораго только лучшіе изъ Кабесильевъ * спасли своихъ подчиненныхъ. Причины упадка заключаются въ трехъ обстоятельствахъ. Первое: Кортецы, уменьшеніемъ королевской власти и уничтоженіемъ формъ и обыкновеній, освященныхъ временемъ, повредили выгодамъ людей, пользовавшихся влія-

* Kabesillo — начальникъ.

ніемъ на народъ, и оскорбили тѣ самые предразсудки, которые поддерживали духъ сопротивленія. Второе: Гверильясы, подобно солдатамъ тридцатилѣтней войны, больше принадлежали своимъ начальникамъ, нежели своему правительству, и потому оно не разъ покушалось подчинить Кабесильевъ генераламъ, отъ него назначеннымъ; но какъ, за исключеніемъ Каталоніи, всѣ такія покушенія были безуспѣшны, то оно прибѣгло къ другому средству, имѣвшему лучшій успѣхъ. Это средство заключалось въ награжденіи Кабесильевъ военными чинами, подчинившими ихъ генераламъ и офицерамъ регулярныхъ войскъ, старшимъ по службѣ. Вскорѣ шитые золотомъ мундиры, жалкое важничанье и смѣшное желаніе показать себя между начальниками регулярныхъ войскъ отдѣлили Кабесильевъ отъ Гверильясовъ, которые съ меньшей охотой стали повиноваться человѣку, повелѣвавшему ими уже не потому, что они сами выбрали его въ свои начальники, но потому, что онъ получилъ чины, дающіе право повелѣвать. Третіе: главный ударъ, нанесенный правительствомъ Гверильясамъ, состоялъ въ образованіи изъ нихъ отрядовъ на-равнѣ съ регулярными войсками, отъ чего Гверильясы потеряли свою подвижность и, вовсе неприготовленные къ успѣшному отраженію непріятеля, стали несравненно чаще подвергаться пораженіямъ. Многіе изъ Кабесильевъ, желая подслужиться правительству, и многіе изъ простыхъ Гверильясовъ, желая походить на солдатъ, утратили свой первобытный характеръ и въ

подражаніи регулярнымъ войскамъ унизились до того жалкаго обезьянства, съ которымъ до революціонной войны Европейскія арміи подражали Потсдамскимъ войскамъ. Прежде каждый Гверильясъ заботился, какъ умѣлъ, о пищѣ и одеждѣ, но, ставши солдатомъ, онъ увидѣлъ себя въ необходимости отнимать у жителя и продовольствіе и одежду, ибо правительство, не имѣя средствъ содержать войска, рѣшительно приневоливало одну половину Испанцевъ одѣваться и кормиться на счетъ другой половины, даже не щадя духовенства. Это было причиной обоюднаго раздраженія, доходившаго въ нѣкоторыхъ округахъ до опасенія, что Испанцы, воюющіе съ Французами, и Испанцы, оставшіеся въ домахъ, начнутъ междоусобную войну. Сверхъ того тысячамъ Гверильясовъ, привыкшимъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, къ партизанской волѣ, казались нестерпимыми распоряженія правительства, подчинявшія ихъ порядку регулярныхъ войскъ; тысячи недовольныхъ Гверильясовъ оставили службу; но не многіе изъ нихъ возвратились въ свои домы: большая часть составила независимыя партіи, изъ которыхъ однѣ унизились до ремесла разбойниковъ, другія, стыдясь грабить безоружныхъ и не видя удачи въ поискахъ противъ непріятеля, отнимали у другихъ Гверильясовъ, больше счастливыхъ, отнятое ими у непріятеля.

Россія и Наполеонова Имперія — два корабля, столкнувшіеся въ бурю; ихъ мачты скрестились, какъ

оружіе на поединкѣ; кормы вламываются одна въ другую; одному изъ кораблей быть на днѣ! а море, раздвинувшись при погруженіи корабля и сдвинувшись надъ его мачтами, потопитъ мелкія суда, прижатыя бурею къ бокамъ погибшаго. Жребій этихъ судовъ грозилъ полуострову и Англіи, или ея аристократіи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Наполеоновы ветераны, побѣдителями Россіи, перешли чрезъ Пиренеи, то Англійскія войска оставили бы полуостровъ такъ поспѣшно, какъ послѣ Аустерлицкаго сраженія они оставили Неаполь; потомъ нѣсколькихъ часовъ попутнаго вѣтра и нѣсколькихъ переходовъ берегомъ Темзы было бы довольно для Наполеоновыхъ ветерановъ, чтобъ сокрушить Англію или ея аристократію.

Пользуясь ослабленіемъ Французской армій, Веллингтонъ перешелъ Португальскую границу. Мармонтъ отъ увѣренности, что его воинскіе таланты замѣнятъ подкрѣпленіе, шедшее къ нему, поспѣшилъ при Саламанкѣ повторить ошибку генералъ-квартирмейстера Вейротера, составившаго планъ Аустерлицкаго сраженія. Это одна изъ тѣхъ военныхъ ошибокъ, которую начальнику Европейскихъ войскъ нужно только увидѣть во-время, чтобъ одержать побѣду. Къ счастію Веллингтона одинъ изъ его штабъ-офицеровъ во-время увидѣлъ въ зрительную трубу ошибку Мармонта, и только тяжелая рана, полученная Мармонтомъ, спасла лѣвое крыло его арміи отъ сра-

ма положить оружіе. Ибо онъ хотѣлъ наступательнымъ движеніемъ поправить свою ошибку въ то время, когда быстрое отступленіе одно могло избавить армію отъ пагубнаго слѣдствія той ошибки. Мармонтъ, полководецъ съ странными судьбами, можетъ быть, въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ пожелалъ бы еще двухъ тяжелыхъ ранъ, съ тѣмъ, чтобъ одна изъ нихъ спасла его отъ упрековъ Наполеона, а другая отъ скитанія по чужбинѣ. Оставленіе Сультомъ Андалузіи было важнѣйшимъ слѣдствіемъ Саламанкскаго сраженія. Послѣ временнаго занятія Испанской столицы, Веллингтонъ отступилъ въ Португаллію, извѣстясь о приближеніи Сульта, сосредоточившаго нѣсколько корпусовъ. Саламанкское сраженіе придало надеждъ Россіи, перепугало правительство, оставленное Наполеономъ въ Парижѣ, увеличило тайное сопротивленіе Германцевъ, но не увеличило ни тайнаго, ни явнаго сопротивленія Испанцевъ.

Бѣдствія 1812 года принудили Наполеона, уже не ослабить, а разстроить свою армію въ Испаніи и вызвать къ себѣ Сульта, лучшаго изъ полководцевъ, сражавшихся въ ней. Въ Маѣ 1813 г. Веллингтонъ двинулся изъ Португалліи на сообщенія Французской арміи; переходя черезъ ручей, отдѣляющій Португаллію отъ Испаніи, онъ, увѣренный въ успѣхѣ, приподнялся на стремена, повернулъ голову назадъ и сказалъ Португалліи: farevell! Между-тѣмъ Французская армія представляла разительное доказательство

того, какъ мало значитъ лучшее Европейское войско, если имъ предводительствуетъ посредственный полководецъ. Ибо, при извѣстіи о помянутомъ движеніи Веллингтона, 60 тысячь Наполеоновыхъ ветерановъ съ превосходной кавалеріей и артиллеріей, предводимые офицерами и генералами искусными и храбрыми, готовые оспоривать у непріятеля каждый шагъ, поспѣшали къ Французской границѣ, подобно войску, потерявшему въ сраженіи и начальниковъ и мужество, и ставшему такъ малодушнымъ, что у него не достаетъ нравственной силы для сопротивленія. За преградами, созданными природой и устроенными искусствомъ, казалось, что для Наполеоновыхъ ветерановъ, спѣшившихъ къ Французской границѣ, рѣки высохли, утесы и овраги сгладились, тѣснины раздвинулись, а укрѣпленія замковъ и городовъ исчезли, какъ изчезаютъ дворцы въ Арабскихъ сказкахъ. За Французской арміей тянулось до трехъ тысячь каретъ, фуръ, телегъ, съ Дворомъ, министерствами, съ семействами и лучшимъ добромъ Жозефиносовъ * изъ вельможъ и простолюдиновъ, спасавшихъ отъ мщенія соотечественниковъ свои головы, даже головы своихъ семействъ. Эти ряды ѣдущихъ и толпы идущихъ съ лицами, омраченными одной и той же горестію, казались ходомъ, провожающимъ гробъ такаго человѣка, котораго смерть одинаково поразила аристократовъ и чернь, и въ то же время краснорѣчивѣе философа и могилы убѣждали въ ничтоже-

* Жозефиносы — Испанскіе приверженцы Наполеона.

ствѣ земныхъ благъ: ибо однимъ разомъ и вполнѣ представляли примѣръ перемѣнчивости счастія отцевъ семействъ и перемѣнчивости счастія завоевателей.

Мы уже сказали, что Саламанкское сраженіе не увеличило ни явнаго, ни тайнаго сопротивленія Испанцевъ; при оставленіи же Испаніи Французами вполнѣ выказывается та степень, въ которой Горцы превосходятъ жителей равнинъ воинственнымъ духомъ. До самаго Веллингтонова перехода черезъ Французскую границу Гверильясы изъ Горцевъ Испанскаго Сѣвера не покидали оружія и много содѣйствовали къ одержанію побѣдъ при Саламанкѣ и Витторіи, о чемъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Жители же равнинъ, по истребленіи Наполеоновой арміи въ Россіи, большею частію покинули оружіе. Они были убѣждены, что и безъ ихъ усилій Наполеонъ въ скоромъ времени оставитъ Испанію; Гверильясы обѣихъ Кастилій, Эстремадуры, Нижней Аррагоніи преслѣдовали отступающихъ Французовъ такъ лѣниво, какъ будто по мѣрѣ ослабленія Наполеонова могущества пропадала ихъ ненависть къ нему; какъ будто радость избавленія уничтожила ихъ способности къ партизанской войнѣ. Лучшіе изъ Кабесильевъ помянутыхъ областей походили на гребцовъ, дремлющихъ отъ утомленія, между тѣмъ какъ ихъ руки, покорныя привычкѣ, лѣниво движутъ веслами. Гверильясовъ равнинъ видѣли не въ тылу, не на фалангахъ отступающаго непріятеля, но въ шайкахъ раз-

бойниковъ и контробандистовъ; въ толпахъ бродягъ и нищихъ, уже оставившихъ въ вентахъ награбленное у непріятеля. Многія Юнты, жители многихъ городовъ и деревень, обращались къ Веллингтону съ просьбой очистить отрядами Англійской кавалеріи ихъ округи отъ Гверильясовъ.

Французскіе полководцы еще могли соединить до ста тысячь войска и слѣдственно еще могли отбросить Веллингтона въ Португаллію; но Провидѣнію было угодно поразить Французскихъ полководцевъ отсутствіемъ здраваго смысла: иначе нельзя объяснить, какимъ образомъ они рѣшились принять сраженіе въ Витторійской котловинѣ, гдѣ армія, сжатая горами, походила на звѣря въ западнѣ; какимъ образомъ они, рѣшась принять сраженіе, стѣснили безконечные обозы въ тылу арміи на самыхъ путяхъ сообщеній; словомъ, Французскіе полководцы осудили одну часть своей арміи умереть, а другую отдаться въ плѣнъ; притомъ, послѣ Розбаха, Французы нигдѣ не сражались такъ худо, какъ при Витторіи. Они позволили двумъ Англійскимъ колоннамъ проникнуть между своимъ лѣвымъ флангомъ и центромъ, какъ позволили бы это Неаполитанской арміи; они уступили непріятелю поле сраженія, артиллерію и обозы въ то время, какъ большая часть войска только издали видѣла непріятеля. Можно подумать, что худые полководцы обладаютъ таинственной силой, отнимающей храбрость у храбрыхъ.

Добыча чудная и разнообразная до безконечности занимала за полемъ Витторійскаго сраженія цѣлую милю въ окружности; то были: придворные мундиры, гардеробы дамъ, картины, драгоцѣнныя рѣдкости— все добытое Французами въ Испаніи въ продолженіе шестилѣтняго грабежа; все, что Жозефиносы хотѣли увезти изъ отечества. Отрядъ Англійской кавалеріи, настигая бѣгущаго непріятеля, вдругъ остановился, услыша звонъ копытъ о золото, выброшенное ядрами изъ каретъ; гранды срывали съ себя ордена, чтобъ быть неузнанными, и сбрасывали съ себя одежду, чтобъ облегчить бѣгство; женщины, бывшія украшеніемъ Двора, становились на колѣна предъ Французскими кавалеристами, просясь къ нимъ на сѣдло. Веллингтонъ, занявшись счетомъ трофеевъ, замедлилъ преслѣдованіе, хотя лично находился при авангардѣ, и хотя стоило только двинуться впередъ, чтобъ истребить Французскую армію; но, благодаря осторожности Веллингтона, она убѣжала за Французскую границу.

Больше безполезны, нежели блистательны побѣды при Саламанкѣ и Витторіи; ибо и безъ этихъ побѣдъ Наполеоново паденіе было бы также рѣшительно и даже не замедлилось бы ни однимъ днемъ. Общее мнѣніе въ Англіи именуетъ до четырехъ Англійскихъ генераловъ, сражавшихся въ Испаніи, изъ коихъ каждый съумѣлъ бы при Ватерлоо поставить Англійскую армію въ боевой порядокъ, и, бла-

годаря ея стойкости, дождаться Прусской колонны; изъ коихъ каждый съумѣлъ бы при Саламанкѣ и Витторіи воспользоваться тою слабостію Наполеона и короля Іосифа, которая была причиною, что Мармонтъ начальствовалъ при Саламанкѣ, а Журданъ при Витторіи; эта слабость, свойственная весьма многимъ, заключается въ убѣжденіи, что люди, умѣвшіе снискать ихъ благосклонность, непремѣнно должны быть люди съ талантами. Можно сказать рѣшительно, что если бы Сультъ или Сюше начальствовалъ при Саламанкѣ и Витторіи, то не похвастался бы Веллингтонъ, что *онъ любимое дитя фортуны, родившееся подъ счастливою звѣздою.*

Наполеонъ поспѣшилъ отправить Сульта въ Испанію; но то былъ лекарь, пріѣхавшій не къ постелѣ больнаго, а на его могилу. Сультъ было-двинулся впередъ, чтобъ прорвать центръ Веллингтоновой арміи, но, устрашась рѣшительнаго сраженія, оставилъ свое намѣреніе, уже въ половину исполненное, и вскорѣ Лейпцигское сраженіе отняло у Сульта послѣднюю надежду на возвратъ въ Испанію. Веллингтонъ перешелъ чрезъ Французскую границу. Въ слѣдствіе Наполеонова правила, можетъ быть, единственнаго изъ его военныхъ правилъ, которому не будутъ слѣдовать будущіе полководцы, Сюше, выступая въ королевства Валенцію и Каталонію, оставлялъ гарнизоны вездѣ, гдѣ только была земляная насыпь со рвомъ.

Дорого бы далъ Наполеонъ, чтобъ имѣть эти гарнизоны на высотахъ Монмартра.

II.

Для воина и человѣка государственнаго поучительно изслѣдованіе причинъ, которымъ Испанія 1808 года обязана своимъ избавленіемъ, поучительно означеніе вліянія каждой причины на успѣхъ избавленія. Наше дѣло ограничиться изложеніемъ вліянія Гверильясовъ на этотъ успѣхъ.

Три рода военныхъ писателей не отдаютъ должной справедливости Гверильясамъ: писатели изъ Ультра-Торіевъ, изъ офицеровъ, сражавшихся въ Испаніи подъ знаменами Веллингтона, и тѣ писатели, которые съ своимъ познаніемъ военной науки походятъ на Альпійскихъ муловъ, весь свой вѣкъ то поднимающихся на гору, то спускающихся съ горы, и все не иначе, какъ ступая на слѣды, оставленные въ горахъ другими мулами. Военные писатели двухъ первыхъ родовъ не отдаютъ справедливости Гверильясамъ изъ опасенія уменьшить этимъ военную славу Веллингтона; Ультра-Торіи почитаютъ эту славу необходимой для поддержанія своей партіи. Такъ мар-

кизъ Лондондерра, упрямѣйшій изъ Ультра-Торіевъ, въ своей Исторіи о войнѣ за независимость, едва ли не больше говоритъ о подвигахъ офицеровъ Веллингтонова штаба на псовой охотѣ, нежели о подвигахъ Гверильясовъ. Офицеры же, сражавшіеся въ Испаніи подъ знаменами Веллингтона, покоряются тому воинскому чувству, которое неминуемо привязываетъ воиновъ къ полководцу, водившему ихъ къ побѣдамъ. Таковы: Серъ Джонъ Іонесъ, котораго исторія была послѣдней книгой, читанной Наполеоновымъ сыномъ, и Нэпиръ, одинъ изъ лучшихъ военныхъ историковъ нашего времени, демагогъ, и въ тоже время — случай рѣдкій въ Англіи — почитатель Веллингтона. Военные же писатели третьяго рода, справедливо сравненные нами съ Альпійскими мулами, видя, что почти каждое сраженіе было потеряно Испанцами, устранили ихъ отъ вліянія на успѣхъ избавленія. Эти писатели ошиблись по двумъ причинамъ: во первыхъ они забыли, что всѣ новѣйшіе народы, какъ-то: Голландцы, Сѣверные Американцы, находившіеся въ одномъ положеніи съ Испанцами, подобно имъ, подвергались въ началѣ своего возстанія почти совершеннымъ пораженіямъ, и подобно Испанцамъ, были бы порабощены безъ стеченія счастливыхъ обстоятельствъ. Голландцы обязаны своимъ спасеніемъ развлеченію силъ Филиппа II, Сѣверные Американцы — худымъ мѣрамъ Англійскаго правительства, такъ точно, какъ Испанцы обязаны своимъ избавленіемъ двумъ Наполеоновымъ войнамъ:

съ Австріей въ 1809 году и съ Россіей въ 1812 году. Во вторыхъ, помянутые писатели ошиблись отъ того, что хотѣли правила обыкновенной войны, или лучше, правила войны кабинетной примѣнить къ войнѣ народной. Но успѣхи войны перваго рода зависятъ отъ удачнаго примѣненія правилъ военнаго искуства, а успѣхи войны втораго рода такъ зависятъ отъ энергіи и продолжительности сопротивленія, что если бъ Наполеону въ 1814 году удалось возжечь во Франціи народную войну; то онъ на поляхъ ея сраженія не повторилъ бы сказаннаго имъ при Лейпцигѣ: «Судьба государства зависитъ отъ выигрыша или отъ потери однаго главнаго сраженія». Правда, только Испанецъ, ослѣпленный народною гордостію, можетъ утверждать, что Испанія безъ Веллингтоновой арміи могла бы, отъ окончанія Австрійской войны 1809 года до начала войны 1812 года, бороться съ Наполеономъ. Зато можно сказать рѣшительно, что въ этотъ промежутокъ времени Веллингтонова армія не удержалась бы не только на Португальской границѣ, даже за линіями Торес-Ведриса, если бы война Гверильясовъ не истощала и не развлекала Французскихъ силъ; и наконецъ можно предположить, что Веллингтонъ, безъ содѣйствія Гверильясовъ, не одержалъ бы своихъ лучшихъ побѣдъ, Саламанкской и Витторійской. Сперва постараемся оправдать наше рѣшительное мнѣніе, потомъ наше предположеніе.

Наше рѣшительное мнѣніе оправдывается двумя фактами. Первый фактъ: Веллингтонова армія никогда не была такъ сильна, чтобъ на открытой мѣстности бороться съ 80,000 арміею, предводительствуемой даже посредственнымъ генераломъ; Наполеоновы же силы съ начала 1810 года до осени 1811 года состояли изъ 350,000 человѣкъ, и 50,000 лошадей. Французская армія, дѣйствовавшая на Португалльской границѣ, никогда не превышала 100,000 человѣкъ. Корпусъ Сульта, осаждавшій Кадиксъ, простирался до 50,000, а корпусъ Сюше, дѣйствовавшій противъ Блака, до 30,000; и такъ за вычетомъ 180,000 изъ 350,000 остается огромная армія; и эта огромная армія съ начала 1810 года до осени 1812 года частію охраняла завоеванныя области отъ Гверильясовъ, частію дѣйствовала противъ нихъ; и не смотря на ея число, очевидцы свидѣтельствуютъ, что въ Каталоніи, въ Верхней Аррагоніи, въ Наваррѣ и въ Баскихъ областяхъ не доставало войскъ для удержанія жителей въ повиновеніи.

Вторый фактъ: Наполеонъ, усмотря, что для покоренія Кадикса нужно усилить Сультовъ корпусъ до 100,000 человѣкъ, отправилъ къ Сульту изъ Франціи подкрѣпленія столь значительныя, что если бы они достигли до своего назначенія, то паденіе Кадикса было бы неминуемо; а военные писатели соглашаются, что по паденіи Кадикса Веллингтонъ не могъ бы удержаться на полуостровѣ. Но необходимость уси-

лить войска, дѣйствовавшія противъ Гверильясовъ, принудила изъ этихъ подкрѣпленій, едва перешедшихъ границу, взять такое число войскъ, что подкрѣпленія, полученныя Сультомъ, были слишкомъ слабы для того, чтобъ съ ихъ помощію покорить Кадиксъ.

Наше предположеніе касательно Саламанкскаго сраженія оправдывается слѣдующимъ фактомъ: Мина, соединясь съ другими Кабесильями Испанскаго сѣвера, удерживалъ въ Наварръ 53 дни 26,000 Французовъ съ 80-ю пушками, шедшихъ къ Мармонту и составлявшихъ почти половину его арміи. Если бы они не опоздали приходомъ, то Веллингтонъ едва ли рѣшился бы принять сраженіе. Наше предположеніе касательно сраженія при Витторіи еще убѣдительнѣе оправдывается слѣдующимъ фактомъ: король Іосифъ до своего перехода черезъ Эбро принужденъ былъ отрядить два наблюденія за Гверильясами, генерала Фуа съ 12,000 къ Сораніо, и генерала Клозеля съ 15,000 къ Логроньо; потомъ король Іосифъ, видя, что онъ не можетъ медлить главнымъ сраженіемъ, приказалъ помянутымъ генераламъ присоединиться къ арміи и назначилъ имъ мѣсто соединенія, и какъ оно находилось отъ его арміи ближе Салинской тѣснины, то король побоялся продолжать свое отступленіе до этой тѣснины, хотя позиція на высотахъ Салины и Мондрагона была удобна для обороны и совершенно прикрывала сообщеніе съ Баіоной. Но Ми-

на перехватилъ офицеровъ, посланныхъ королемъ къ Фуа и Клозелю съ помянутымъ приказаніемъ. Повторительныя же приказанія Фуа и Клозель получили слишкомъ поздно для того, чтобъ одолѣть преграды, противупоставленныя Гверильясами ихъ маршамъ, и соединиться съ королемъ прежде сраженія при Витторіи. Положимъ, что корпусы Фуа и Клозеля, подоспѣвшіе во-время, не исторгнули бы побѣды у Веллингтона; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она не была бы такъ рѣшительна, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы Фуа и Клозель не привели своихъ корпусовъ, а только находились бы въ военномъ совѣтѣ короля, ибо этихъ двухъ генераловъ Наполеонъ называлъ своими будущими маршалами.

Теперь предположимъ, что всѣ факты, приведенные въ оправданіе нашего рѣшительнаго мнѣнія и нашего предположенія не существуютъ; то и тогда польза, принесенная Гверильясами, очевидна, въ двухъ отношеніяхъ: военномъ и нравственномъ.

Въ военномъ отношеніи: когда армія, подобно Веллингтоновой, имѣетъ общее дѣло съ жителями театра войны, то оно совершается, почти безъ исключенія, со вредомъ для арміи; ибо она не можетъ требовать или брать силой того, что безъ зазрѣнія совѣсти требуется или берется силой у завоеваннаго народа. Часто политическія соображенія принуждаютъ начальника этой арміи охранять такія

земли, которыя по военнымъ соображеніямъ должно бы было уступить непріятелю; часто движенія арміи не свободны отъ того, что охраненіе земель, находящихся въ тылу арміи, тревожитъ полководца болѣе, нежели непріятель. Это общее дѣло въ особенности вредитъ во время отступленія; ибо тогда толпы бѣглецовъ слѣдуютъ за арміей, между тѣмъ какъ полководецъ, если не изъ великодушія, то изъ политическихъ видовъ не можетъ предать на жертву непріятелю людей, навлекшихъ на себя его мщеніе преданностію къ общему дѣлу. Но наступательныя и оборонительныя движенія Веллингтоновой арміи не только были свободны отъ вышеисчисленныхъ преградъ, но даже, по свидѣтельству Нэпира, въ слѣдствіе войны Гверильясовъ, безопасность сообщеній Англійской арміи въ то время, какъ сообщенія Французовъ были медленны и невѣрны, равнялась подкрѣпленію по крайней мѣрѣ изъ 30-ти тысячъ человѣкъ. Медленность же и невѣрность сообщенія Французской арміи равнялись уменьшенію оной по крайней мѣрѣ тоже 30.000-ми человѣкъ, не полагая въ это число войскъ, постоянно отдѣленныхъ частію для наблюденія за Гверильясами, частію для преслѣдованія оныхъ. По свидѣтельству же Нэпира число Гверильясовъ простиралось до 50,000 человѣкъ; слѣдственно 50,000 жителей, въ томъ числѣ старпковъ, женщинъ, дѣтей доставляли Веллингтоновой арміи, рѣдко имѣвшей подъ ружьемъ болѣе 80.000, подкрѣпленіе, превосходившее половину оной, и въ тоже вре-

мя удерживали отъ дѣйствія противъ этой арміи несравненно больше 50.000 Французовъ. Не ясно ли, что 50-тъ тысячь жителей, въ томъ числѣ старцовъ, женщинъ, дѣтей, приносили столько пользы своимъ союзникамъ, наносили столько вреда общему непріятелю, сколько не могли принести пользы и нанести вреда 50-тъ тысячь даже такой регулярной пѣхоты, какою Нэпиръ представляетъ своихъ Англичанъ.

Въ нравственномъ отношеніи война Гверильясовъ содѣйствовала успѣху избавленія вліяніемъ на Французскую армію, на Испанію и на Англійскій Парламентъ. Наполеонъ признался, что война Гверильясовъ ослабила дисциплину его арміи и ввела своеволіе, унизившее нравственность солдата и офицера. По истребленіи Испанскихъ армій, Средняя и Южная Испаніи покорились бы королю Іосифу, если бы Гверильясы примѣромъ и страхомъ наказанія не поддерживали сопротивленія. Это доказывается тѣмъ, что оно видимо ослабѣвало въ тѣхъ округахъ, изъ которыхъ удалялись Гверильясы, и снова являлось съ прежней силой по возвращеніи Гверильясовъ. Если бы съ истребленіемъ Испанскихъ крѣпостей сопротивленіе Испанцевъ, ограничившееся войною Гверильясовъ, прекратилось, то Англійскій Парламентъ, подчинясь вліянію Виговъ, никогда бы не согласился на тѣ огромныя пожертвованія, которыхъ стоила Англіи Веллингтонова армія. Въ самомъ дѣлѣ,

для чего было Англіи терять людей на избавленіе такаго народа, который не желаетъ избавленія!

Теперь допустимъ, что и вышеизложенное двоякое вліяніе Гверильясовъ было ничтожно, то и въ такомъ случаѣ останется въ ихъ пользу важный фактъ, засвидѣтельствованный дневными приказами, донесеніями Французскихъ генераловъ — фактъ, заключающійся въ томъ, что Гверильясы держали непріятеля въ безпрерывной дѣятельности; а *войско, содержащее непріятеля въ безпрерывной дѣятельности, приноситъ пользы не меньше войскъ, сражающихся съ непріятелемъ.* Кончимъ наши доводы мнѣніемъ рѣшительнымъ, что до зимы 1812 года въ войнѣ Гверильясовъ заключался единственный способъ сопротивленія Наполеонову могуществу, способъ, котораго онъ не могъ одолѣть ни воинскими соображеніями, ни кознями дипломатіи. Сверхъ того историкъ не долженъ забыть, что Гверильясы подавали примѣръ пожертвованій безотчетныхъ въ такое время, когда Европа такъ нуждалась въ подобномъ примѣрѣ.

Чтобы обратить вниманіе военныхъ людей на войну Гверильясовъ, достаточно сказаннаго генераломъ Жомини, что касательно народныхъ войнъ въ особенности важно основательное изученіе войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. Вывода же, сдѣланнаго нами изъ свидѣтельствъ Нэпира, достаточно для обращенія на войну Гверильясовъ вниманія государ-

ственныхъ людей; ибо въ государствѣ, подвергнувшемся нашествію завоевателя, до какаго бы числа ни были доведены регулярныя войска и даже народные резервы, всегда останется много тысячь жителей, способныхъ къ войнѣ, которые, съ большею или меньшею пользою, смотря по своей воинственности и выгодамъ мѣстности, могутъ слѣдовать примѣру Гверильясовъ. Въ 1809 году, когда Французская армія приближалась къ Вѣнѣ, Австрійское правительство, обольщенное примѣромъ Испаніи, рѣшилось прибѣгнуть къ народной войнѣ, съ тѣмъ, чтобъ она ограничилась Вѣной и ближайшими къ ней округами. Оно языкомъ Кортецовъ доказывало Вѣнскимъ жителямъ, что ихъ единодушное возстаніе для обороны города погубитъ непріятеля, и много говорило имъ о Сарагосской осадѣ. Но только одинъ студентъ своимъ покушеніемъ на жизнь Наполеона напомнилъ Французамъ, занявшимъ Вѣну, о Сарагоссѣ; потому-что воспламененіе народной войны и положеніе предѣловъ ея разливамъ зависитъ только отъ свойствъ народа. Въ 1813 году король Прусскій, призывая свой народъ къ оружію, сказалъ ему: вспомни объ Испанцахъ. Въ 1814 году, при вторженіи союзниковъ во Францію, Наполеонъ, побуждая ея народонаселеніе къ войнѣ, ставилъ ему въ примѣръ тѣхъ самыхъ Испанцевъ, которыхъ онъ недавно называлъ бунтовщиками и его Монитёръ разбойниками. Приближаясь къ своему паденію, Наполеонъ издалъ (15 Марта 1814 года) декретъ, по которому всѣ

селенія и города должны были, при появленіи непріятеля, бить сборъ или бить въ набатъ и браться за оружіе. Но народонаселеніе Франціи оставило Наполеона, потому-что оно отъ злоупотребленій его власти стало равнодушно къ собственнымъ бѣдствіямъ, и было увѣрено, что о великомъ словѣ *отечество*, повторенномъ много разъ въ декретѣ Наполеона, онъ, на другой же день рѣшительной побѣды, будетъ думать не больше, какъ о барабанныхъ палкахъ, бившихъ въ день этой побѣды. Генералъ Фуа, столько же благородный, сколько краснорѣчивый, повѣствуя объ Испанцахъ 1808 года, не разъ выказываетъ свое негодованіе на соотечественниковъ, за то, что между ними въ 1814 году не нашлось Испанцевъ Алвареца и Мины. Въ 1823 году, когда еще было свѣжо воспоминаніе о войнахъ Наполеона, извѣстіе, что Гверильясы не показываются кругомъ арміи герцога Ангулемскаго, было принято Священнымъ Союзомъ за вѣрный признакъ успѣха. По мнѣнію г-жи Сталь, Европа безъ народной войны Испанцевъ еще покорствовала бы Наполеонидамъ; по мнѣнію Жомини, эта война достойна быть описана перомъ Тацита.

Такъ! въ океанѣ событій, называемомъ исторіей, не потонетъ подвигъ Испанцевъ, подобно тѣмъ созданіямъ древности, которыя, бывши свидѣтелями столькихъ паденій и смертей, еще придаютъ благородства человѣку и своею молодостію украшаютъ

дряхлѣющую землю. Каждое правительство, угрожаемое завоевателемъ и чувствующее невозможность отразить его обыкновенными силами государства, остановится со вниманіемъ на исторіи возстанія Испаніи и войны ея Гверильясовъ; тщательно изучитъ свойства Испанцевъ того времени, и каждое изъ этихъ свойствъ, сходное со свойствами его народа, будетъ для угрожаемаго правительства лучемъ надежды, что, можетъ быть, и его народъ при вторженіи завоевателя, подобно Испанцамъ, почтетъ невѣрность успѣха за ничто предъ долгомъ сопротивленія.

III.

По войнѣ за независимость наступилъ въ Испаніи одинъ изъ тѣхъ государственныхъ переломовъ, когда смертныхъ казней не довольно для того, чтобъ ужаснуть умы, охладить страсти и удержать новое поколѣніе на пути прежняго поколѣнія, больше простодушнаго и вѣровавшаго сильнѣе. Люди одной изъ двухъ главныхъ политическихъ партій дѣйствовали и умирали за нововведенія, не имѣвшія на своей сторонѣ ни волшебства воспоминаній, ни уроковъ опыта — нововведеній, отъ которыхъ народъ устарѣвшій становился ученикомъ. народъ,

отразившій завоевателя—рекрутомъ. Люди этой партіи походили на Индусовъ, тѣмъ усерднѣе покланяющихся идолу, чѣмъ безобразнѣе онъ. Люди другой политической партіи дѣйствовали и умирали за Испанію прошедшихъ столѣтій, Испанію съ Американскими галіонами для содержанія войскъ и двора, съ милостынею у монастырскихъ воротъ для народнаго прокормленія и съ инквизиціей для общественнаго порядка. Эти люди не знали, что въ политикѣ, какъ въ частной жизни, смѣшно надѣяться на силу воспоминаній. Объ партіи ознаменовали себя мщеніемъ безъ достоинства, наказаніями безъ великодушія, законами, написанными со словъ Камарриллы, или счастливаго мятежника, честолюбіемъ безъ думы объ отечествѣ, въ то время, когда оно походило на трагическаго героя, оплакивающаго надъ могилами родныхъ потерю своего величія.

Невозможно означить политическихъ событій ихъ собственнымъ характеромъ, пока не заснутъ страсти, ихъ породившія; въ особенности это относится къ междоусобнымъ войнамъ, ибо тогда ошибки часто принимаются за преступленія, а состраданіе за измѣну. Отъ того мало истины въ повѣствованіяхъ о нынѣшней Испаніи. Но наше дѣло ограничивается судьбами Гверильясовъ. Наполеонъ на островѣ Св. Елены сказалъ: Гверильясы, такъ мужественно сражавшіеся противъ меня, жалѣютъ о своихъ успѣхахъ.

Еще болѣе 25 тысячъ Гверильясовъ не покинуло оружія, какъ королевскимъ повелѣніемъ (28 Іюня 1814) имъ было предписано разойтися по домамъ, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ права просить награды за свои подвиги, если онъ можетъ доказать ихъ. Исполненіе этаго повелѣнія было бы трудной задачей и для правительства мудраго, съ укоренившейся властію. Ибо дѣло шло объ обращеніи къ общественному порядку людей, полюбившихъ добычу и кровь, привыкшихъ признавать только одну власть, пріобрѣтенную личнымъ мужествомъ и воинскимъ счастіемъ, при томъ людей, высоко цѣнившихъ свои подвиги, и принявшихъ за злую насмѣшку данное имъ право сперва доказать эти подвиги, а потомъ просить за нихъ награды. Въ самомъ дѣлѣ могъ ли какой нибудь погонщикъ муловъ, бѣдный Гидалгосъ, доказать свои права на награду въ такомъ государствѣ, гдѣ ничего не дѣлается безъ взятокъ! При томъ какая власть могла обратить къ домашнимъ заботамъ женщинъ, страстно полюбившихъ длинный день сраженія; пріучить къ дѣтской жизни толпы малолѣтныхъ, познакомившихся съ войною тогда, какъ они еще знакомились съ играми дѣтства, потерявшихъ отъ ранъ члены, прежде нежели они могли понимать, какъ полезны эти члены. Путешественники того времени замѣтили, что дѣти Испанцевъ, особливо въ деревняхъ, почти безъ исключенія играютъ *въ войну съ Французами*, и часто —

странное слѣдствіе народной войны — на полѣ дѣтской игры лежалъ въ своей крови ребенокъ, уже лежавшій въ своей крови на полѣ сраженія за отечество. Не многіе изъ Гверильясовъ, вступившихъ въ военную службу, умѣли подчинить свою дикую независимость дисциплинѣ казармъ. Нѣсколько тысячь Гверильясовъ, обольщенныхъ правительствомъ и надеждой на боевыя добычи, отправились въ Колумбію и Мексику. Тотъ день, въ который большая часть Гверильясовъ не послушались королевскаго повелѣнія, былъ первымъ днемъ междоусобныхъ войнъ, набросившихъ на Испанію ядовитую тунику Діаниры; уже больше четверти столѣтія прошло послѣ того дня, но еще, Богъ знаетъ, когда Испанія сброситъ съ себя эту тунику. Войны междоусобныя суть войны нечестивыя; въ ихъ пылу не нужно врожденной жестокости для того, чтобъ убивали другъ друга люди, родившіеся подъ одной кровлей и легшіе бы въ мирное время на одномъ кладбищѣ; но трудно рѣшить, больше ли ужасны, или больше отвратительны междоусобныя войны Испанцевъ; потому-что у нихъ къ политической враждѣ и къ личной ненависти присоединяются разбои, жажда крови и глубокая непріязненность пяти поколѣній, населяющихъ Испанію. Разбой бываетъ въ другихъ государствахъ только временнымъ бѣдствіемъ, уступающимъ мѣрамъ полиціи; въ Испаніи же разбой такая заразительная болѣзнь, противъ которой еще не отыскано

лекарства; притомъ въ каждую смуту разбой составляетъ любимую оппозицію Испанцевъ, подающую свои голоса на большихъ дорогахъ. Жажда крови у Испанцевъ во время междоусобныхъ войнъ до того неутолима, что нерѣдко побѣжденныхъ, убитыхъ въ сраженіи бываетъ меньше числа побѣжденныхъ, разстрѣлянныхъ послѣ сраженія. Эта жажда до того неутолима, что одолѣваетъ даже въ самомъ правительствѣ чувство собственной безопасности. Въ политикѣ есть правило, по которому партія, побѣдившая на междоусобной войнѣ, должна для сохраненія плодовъ побѣды помиловать побѣжденныхъ, какъ скоро видитъ, что въ этомъ нѣтъ опасности. Исторія же Испаніи, начиная съ Исидора Севильскаго до Маріаны, свидѣтельствуетъ, что ни одна изъ амнистій, обнародованныхъ послѣ междоусобныхъ войнъ, не была исполнена. Мы уже не говоримъ о современной Испаніи, подавшей столько доказательствъ тому, что въ мірѣ нѣтъ ничего неумолимѣе малодушія, одержавшаго побѣду.

Гверильясы, непокинувшіе оружія, раздѣлились на разбойничьи шайки. То не были обыкновенные разбойники: то были большею частію люди, не знавшіе, что дѣлать съ своими руками, когда не съ кѣмъ скрещивать холоднаго оружія; люди, привыкшіе цѣлиться въ человѣческія лица и не отводить глаза отъ прицѣла, когда непріятель цѣлится въ нихъ самихъ. Были Гверильясы, выходившіе на разбой не

столько для добычи, сколько для того, чтобъ показать товарищамъ и путешественникамъ свое удальство; были Гверильясы, имѣвшіе достаточное состояніе, но, выходя на добычу отъ шестилѣтней привычки къ партизанской жизни, походили на тѣхъ Флибустьеровъ, которые, ставши морскими разбойниками отъ бѣдности, въ послѣдствіи получили значительныя наслѣдства въ Европѣ, а продолжали свое опасное ремесло единственно отъ привычки къ нему. Большею частію Гверильясы не умѣли добытаго разбоемъ ни разбросать по вентамъ, ни употребить на что нибудь полезное для своихъ семействъ; еще меньше того умѣли что сберечь для лучшаго рода жизни, или для тѣхъ годовъ, въ которые глазъ уже не будетъ находить прицѣла на карабинѣ. Большею частію будучи не пристрастны ни къ картамъ, ни къ вину, не знали, что дѣлать съ часами отдыха, когда нѣтъ плѣнниковъ для разстрѣливанья, женщинъ для чувственныхъ удовольствій, и пристанищъ для того, чтобъ съ горлами, осипшими отъ криковъ разбоя, прошептывать предъ статуями, Pater noster и Ave-Maria. Червонцы, добытые на разбоѣ, выкатывались на помостъ храма изъ-за пазухи Гверильяса, склонившаго голову передъ окномъ исповѣдной; онъ криками и угрозами смѣнялъ шопотъ исповѣди, если кура или монахъ медлилъ отпущеніемъ грѣховъ, совершенныхъ на большихъ дорогахъ. «Я не разбойникъ, говорилъ Гверильясъ въ свое оправданіе, я воинъ, не кончившій своей войны

«за Испанію. Нѣтъ грѣха ограбить, убить и стараго «Христіанина, когда онъ продалъ Испанію непріяте-«лямъ Гверильясовъ, какъ собака-Князь Мира было-«продалъ ее собакѣ-Бонапарту!»

Къ шайкамъ Гверильясовъ пристало все поколѣніе контрабандистовъ, чтобъ легко было съ помощію новыхъ союзниковъ побѣждать таможенную стражу; пристали толпы людей, впавшихъ послѣ войны въ ту нищету, отъ которой они было-ушли на войну; многія тысячи солдатъ, не хотѣвшихъ отправиться на Американскую войну, или приневоленныхъ къ разбою голодомъ, въ буквальномъ смыслѣ этаго слова. Ибо часто случалось, что самая гвардія раздѣляла съ нищими супъ, раздаваемый имъ у монастырскихъ воротъ; по неимѣнію киверовъ, ходила въ караулъ, обвязавши головы платками, называемыми въ Испаніи panuello. Въ Барцеллонѣ видѣли офицеровъ, ходившихъ по домамъ просить стараго платья для своихъ нагихъ солдатъ. Часто случалось, что начальникъ войскъ, посланныхъ въ округъ для его охраненія отъ разбойниковъ, принужденъ былъ своимъ солдатамъ на ихъ вопросъ, чѣмъ жить, повторить отвѣтъ барона среднихъ вѣковъ, который на подобный вопросъ своихъ вассаловъ, отвѣчалъ указаніемъ на большую дорогу. Число и смѣлость разбойниковъ до того увеличились, что они ограбили одинъ изъ королевскихъ загородныхъ дворцовъ, принудили Фердинанда VII протянуть кордонъ кругомъ Мад-

рита для его личной безопасности. Люди съ состояніемъ даже въ большихъ городахъ, боясь посѣщенія разбойниковъ, притворялись неимущими, подобно богачамъ Востока, которые, боясь хищнаго правительства, выходятъ на городскія площади ѣсть сливы съ чернымъ хлѣбомъ. Грандеца укрѣпили или покинули свои замки, и въ 1823 году войска герцога Ангулемскаго въ залахъ однаго изъ замковъ нашли груды соломы, покинутой въ немъ войсками Наполеона. Морскіе разбойники всѣхъ народовъ наполняли моря, окружающія Испанію, и смѣло выходили на ея беззащитные берега. Можно было сказать, что въ Испаніи безопаснѣе хищному звѣрю, нежели человѣку.

Еще чернѣлись въ травѣ головни тѣхъ костровъ, на которыхъ Гверильясы сожгли плѣнныхъ Французовъ; дожди еще не смыли крови съ тѣхъ досокъ, между которыми Гверильясы распиливали плѣнныхъ Французовъ, какъ для мучителей наступило время возмездія столь многолѣтняго, что оно еще длилось, когда тѣ головни уже давно заросли травою, тѣ доски уже давно сгнили. Древніе Греки сказали бы, что на вопли плѣнниковъ, замученныхъ Гверильясами, Фуріи пришли изъ ада, чтобъ вдохнуть взаимную злобу въ мучителей: съ такимъ ожесточеніемъ Гверильясы истребляли другъ друга, то разбойничая, или обороняясь отъ разбоя; то вмѣшиваясь въ междоусобныя войны. Одна изъ Испанскихъ газетъ превозно-

сила человѣколюбіе Гверильясовъ своей партіи за то, что они, взявши въ плѣнъ и приведши къ висѣлицѣ Гверильясовъ другой партіи, ни однаго не повѣсили до тѣхъ поръ, пока не получили на то приказанія. Много Гверильясовъ, израненныхъ на войнѣ за независимость, изсохло не отъ ранъ, а отъ пытокъ, ужасныхъ какъ убійство и выдуманныхъ для того, чтобъ злодѣя возвысить до участи страдальца; эти пытки были тѣмъ мучительнѣе, что онѣ рвали раны еще свѣжія или худо залеченныя. Въ 1821 году въ Валенціи шестеро Гверильясовъ выслушивали рѣшеніе уголовнаго суда, избавлявшее ихъ отъ смертной казни, какъ вооруженная толпа ворвалась въ залу присутствія: одни изъ Гверильясовъ поспѣшили набросить плащи на свои наклоненныя головы, чтобъ не видѣть смертельныхъ ударовъ; другіе, больше смѣлые, выступили впередъ, чтобъ скорѣе умереть, ибо тѣ и другіе не имѣли оружія; а вооруженная толпа состояла изъ ихъ личныхъ и политическихъ враговъ, и не было пощады безоружнымъ воинамъ, не знавшимъ пощады въ то время, когда они имѣли оружіе. Междоусобныя войны нынѣшней Испаніи во многихъ случаяхъ напоминаютъ войны за Вѣру, особливо совершеніемъ смертной казни надъ политическими преступниками: осужденный на смерть одной изъ двухъ главныхъ политическихъ партій, шедши на мѣсто казни, тщетно въ народной толпѣ искалъ глазами священника, чтобъ умереть съ благословеніемъ Вѣры, тщетно взглядывалъ на окна придорожнаго монасты-

ря; монахъ не смѣлъ подойти къ окну, чтобъ благословить католика, идущаго умереть за права монаховъ. Другая политическая партія запирала осужденнаго на трое сутокъ въ капиллу (capillo), гдѣ у него, подошедшаго къ иконѣ съ шопотомъ молитвы, мысль о казни отнимала память, и онъ не могъ вспомнить первыхъ словъ молитвъ; гдѣ его, едва уснувшаго, будили голоса любопытныхъ, пришедшихъ къ окну капиллы; гдѣ ему, едва забывшемуся при ласкахъ своего семейства, пришедшаго навѣстить, напоминала о казни толпа нищихъ, пѣвшая у капиллы: «Пре«чистая Дѣва, умилосердись надъ нашимъ братомъ, «который долженъ умереть, и умоли Своего Сына про«стить нашему брату въ другой жизни!» Эти трое сутокъ такъ нравственно и физически изнуряли осужденнаго, что на четвертыя сутки ему недоставало силы вздрогнуть въ ту минуту, когда пришедшій за нимъ палачь, по давнему обыкновенію, клалъ руку на его плечо и говорилъ: «другъ, прости меня, чтобъ Богъ простилъ тебя.» По взятіи Кадикса герцогомъ Ангулемскимъ, когда уже вся Испанія признала власть Фердинанда VII, не было ни одного округа, въ которомъ бы Гверильясы, принадлежавшіе къ побѣдившей партіи, не преслѣдовали Гверильясовъ противной партіи. И счастливы были побѣжденные, когда, оставя клочки одеждъ на вершинахъ утесовъ, капли крови на углахъ кустарника, успѣвали уйти за границу, или, достигши пустыннаго поморья, могли купить гостепріимство рыболова, пока не пред-

ставился случай убѣжать на иностранные корабли, чтобъ въ странахъ Магометанъ и еретиковъ жить подаяніемъ, всегда обиднымъ, какъ презрѣніе. Изгнанникъ влачитъ за собой цѣпь, которая становится тѣмъ длиннѣе, чѣмъ больше онъ удаляется отъ отечества, и еще счастливъ онъ, если возьметъ съ собою религіозное чувство, которое, такъ сказать, длитъ землю отечества подъ ногами покинувшихъ его. На базарахъ Леванта, на улицахъ Англійскихъ городовъ и на берегахъ Американскихъ рѣкъ видали Испанскихъ изгнанниковъ, сошедшихся въ кружокъ, чтобъ послушать товарища, поющаго народную пѣсню, или разсказывающаго легенду, слышанную имъ у бивачнаго огня. Многіе изъ нихъ были такъ молоды, что знали одни бѣдствія отечества, и не видѣли надежды, что когда-нибудь могутъ раздѣлить его опасности. Нѣсколько стихотвореній, написанныхъ Испанскими изгнанниками, будутъ жить въ Испанской литературѣ, не по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, но какъ памятники народныхъ бѣдствій. Такъ въ Англійской литературѣ живутъ стихотворенія Якобитовъ-изгнанниковъ, и пѣсня Gott save the king, сложенная однимъ изъ нихъ, стала народною пѣснію Англичанъ—какъ будто ни одинъ изъ поэтовъ, преданныхъ Ганноверскому дому, не умѣлъ съ такой силой выразить своей любви къ царствующему королю, съ какой поэтъ-изгнанникъ выразилъ свою любовь къ королю, тоже изгнаннику.

Въ первый годъ по взятіи Кадикса герцогомъ Ангулемскимъ лучшіе Гверильясы обѣихъ политическихъ партій сошли съ военнаго поприща; остальные продолжали междоусобную войну единственно потому, что она служила благовиднымъ предлогомъ грабежа. То дѣйствовали другъ противъ друга, то дѣйствовали за-одно, смотря по своимъ выгодамъ и вовсе не заботясь о политическихъ мнѣніяхъ путешественниковъ, грабили ихъ съ примѣрнымъ безпристрастіемъ. Эти остатки Гверильясовъ своимъ долгимъ сопротивленіемъ мѣрамъ правительства напоминали гусеницъ, такъ прилипающихъ къ дереву, что буря, оборвавши съ него всѣ листья, не можетъ оторвать этихъ гусеницъ. Хотя всѣ покушенія побѣжденной политической партіи остались тщетными, но при вступленіи Фердинанда VII въ третій бракъ, междоусобная война заискрилась безъ помощи либераловъ, и при похоронахъ этаго государя уже грозилась на Испанію, какъ на Неаполь Везувій — безчувственный свидѣтель заботъ и увеселеній большаго города, стоящій предъ нимъ съ угрозою поглотить. Эта война, предсказанная на Веронскомъ конгрессѣ генераломъ Жомини, извѣстная подъ именемъ войны Христиносовъ съ Карлистами, длилась шесть лѣтъ, и еще вспыхиваетъ то въ горахъ, то на площадяхъ городовъ, какъ будто въ Испаніи пламя междоусобной войны должно горѣть до пепла, и погаснуть тогда, какъ уже нечего будетъ пожирать ему. Почти всѣ генералы Христиносовъ, за исключеніемъ немногихъ, вы-

служившихся на войнѣ въ Испанской Америкѣ, принадлежатъ къ начальникамъ Гверильясовъ 1808 года; между офицерами и рядовыми Христиносовъ и Карлистовъ еще встрѣчались Гверильясы Мины и Эмпесинадо, живые памятники такой эпохи, для которой уже наступило потомство. Многіе изъ нихъ, взявшись за оружіе безъ участія къ судьбамъ обѣихъ политическихъ партій, походили на старыхъ мореходцевъ, не покидающихъ корабля потому, что океанъ былъ ихъ первою любовью, и потому, что по ту сторону океана для нихъ обновляются радости, какихъ нѣтъ по сю сторону. Предпочтительно къ Гверильясамъ 1808 года обращались начальники въ минуты опасности: на нихъ останавливалось вниманіе народной толпы и иностранныхъ офицеровъ, бывшихъ въ главныхъ квартирахъ Христиносовъ и Карлистовъ; Испанскіе поэты сравнивали этихъ Гверильясовъ съ полинялыми, изорванными знаменами, которыя не плѣняютъ глазъ, за то возвышаютъ душу воспоминаніемъ о тѣхъ походахъ, на которыхъ они полиняли, о тѣхъ сраженіяхъ, на которыхъ они изорваны пулями.

Уже ли въ самомъ дѣлѣ Испанія недоступна здравому смыслу, вѣчная игрушка властолюбцевъ, появляющихся отъ междоусобныхъ войнъ, какъ на югѣ зловредные гады появляются отъ бури? Уже ли Испанскій народъ еще долго будетъ нуждаться въ урокахъ двухъ великихъ учителей жизни: нищеты и изгнанія? Онъ одинъ изъ старѣйшихъ народовъ, а

несчастливъ какъ молодой человѣкъ. Что годъ, то въ Испаніи становится больше необработанныхъ полей и меньше развалинъ: ибо и онѣ пропадаютъ отъ государственныхъ бурь, не оставляя по себѣ другихъ развалинъ. Между-тѣмъ, какъ къ Французской границѣ и приморскимъ городамъ тянулись обозы съ церковнымъ серебромъ, уже купленнымъ иностранцами, правительство продавало на свозъ монастыри съ ихъ разными иконами, съ ихъ могильными памятниками аббатовъ и богачей, и пока молотъ каменщика пробивалъ верхніе своды монастырей, подъ нижними сводами тѣснились монахи, выброшенные изъ келей на поприще свѣтской жизни, тогда, какъ годы уже принуждаютъ думать о смерти. Одни однообразные шаги Галебардистовъ раздаются по паркетамъ дворцевъ, забытыхъ Грандецой, потому-что власть уже удалилась изъ палатъ Филиппа II; изрѣдка путешественникъ приходитъ взглянуть на стѣны дворцевъ, пробѣжать по ихъ садамъ и подивиться проворству, съ которымъ время пишетъ на мраморѣ и бронзѣ свои эпитафіи изъ трещинъ и мховъ. Въ городахъ съ висѣлицами у воротъ, съ пустыми домами, но полными темницами, оборванное народонаселеніе коверкаетъ фразы изъ обветшалаго словаря Французской революціи; въ Барцелонѣ принуждаетъ монаховъ пѣть похоронныя пѣсни надъ убитыми на травлѣ быками; въ Мадритѣ, раздѣливъ по себѣ куски умерщвленнаго генералъ-капитана Квезадо, выноситъ ихъ на публичное гулянье для продажи. Люди, присвоившіе

власть, то участвуютъ въ бунтахъ, то, собравши войска, вывезши пушки единственно для своей личной безопасности, остаются равнодушными свидѣтелями бунтовъ, при которыхъ повторяются явленія до такой степени ужасныя и отвратительныя, что историкъ постыдился бы запятнать ими свои страницы, если бы долгъ историка не принуждалъ его запятнать срамомъ, какъ желѣзо палача своей прожогой лбы убійцъ и святотатцевъ и лбы малодушныхъ, позволившихъ убивать и святотатствовать. Испанія должна по крайней мѣрѣ на полвѣка удалиться отъ политическаго міра, подобно больнымъ, удаляющимся отъ общества для того, чтобъ въ тиши уединенія поправить здоровье, разстроенное ошибками врача, или излишествами молодости. Такъ велики были пожертвованія Испаніи въ войну за независимость, такъ велики бѣдствія, выносимыя Испаніей послѣ этой войны, что невольно ищешь на небѣ воздаяній государству-страдальцу. Лучшимъ воздаяніемъ будетъ для Испаніи, если она изъ демократическаго моря, обхватившаго ее своими живыми волнами, вынесетъ свою народность, такъ недоступную для всего не-Испанскаго, какъ недоступными для всего земнаго возвращались на небо тѣ Ангелы, которые, по словамъ Испанскихъ легендъ, любя посѣщать Испанскую землю, не захватывали дыханіемъ земнаго воздуха, не уносили на ногахъ ни одной пылинки—и по отлетѣ небеснаго посѣтителя тщетно святые иноки бродили глазами по землѣ,

думая, не уронилъ ли онъ волоса съ головы или пера изъ крыльевъ.

Въ памяти цѣлаго народа, какъ въ памяти одного человѣка, бѣдствія живутъ дольше радостей; потому-что воспоминаніе о бѣдствіяхъ, усыпленное временемъ, можетъ пробудиться отъ одного слова, отъ одной встрѣчи. Это оправдываетъ Испанцевъ въ потерѣ воспоминаній о войнѣ за независимость. На стѣнахъ церквей еще висятъ лавровые вѣнки съ немногими листьями, оставленными временемъ. Кура скажетъ путешественнику, что эти вѣнки повѣшены въ память по Гверильясамъ его прихода, убитымъ въ войну за независимость; но ихъ именъ не помнитъ кура. Земледѣльцы знаютъ, что на ихъ поляхъ отъ того хорошо родится хлѣбъ, что сраженіе трупами удобрило ихъ поля; но на вопросъ, какое то было сраженіе, отвѣчаютъ: не помнимъ; только знаемъ, что Французъ, уцѣлѣвшій въ этомъ сраженіи, долженъ быть великій еретикъ, если не поставилъ длинной свѣчи Св. Іакову Компостельскому. Гверильясы надавали именъ долинамъ, ущельямъ, пещерамъ. Окрестные жители сохранили эти имена, но не знаютъ, по какому случаю они даны. Американскіе дикари тоже дали имена рѣкамъ, горамъ своей родины; каждое имя имѣло свое значеніе; имена сохранены Европейцами, но значеніе забыто съ тѣхъ поръ, какъ дикарей не стало на ихъ родинѣ. Какъ гіероглифы чести украшаютъ грудь полководца, такъ черепья

бомбъ, углубившіеся въ стѣну, шпицы колоколень, покрывленные ядрами, украшаютъ Саррагоссу и Жирону — два живые памятника славы, и путешественнику при видѣ тѣхъ черепьевъ, тѣхъ шпицевъ думается, что Палафоксъ въ домахъ Саррагоссы, Алварецъ на валахъ Жироны еще разыгрываютъ кровавыя драмы осадъ. Но время ли Испанцамъ вспоминать о явленіяхъ этихъ драмъ, когда они сами разыгрываютъ другую, столько же кровавую драму междоусобной войны? «Я такъ хорошо знаю Испанскій «характеръ, что не удивился — разсказываетъ одинъ «путешественникъ — когда мой почтарь, бывшій «Гверильясомъ, на мой вопросъ о его подвигахъ от«вѣчалъ, указывая на трубу близдорожнаго дома: «вотъ труба того камина, въ которомъ мы пзжарили «Наполеонова гвардейца и отдали его собакамъ.» Проѣзжая мимо Монсератской горы, путешественникъ встрѣтилъ пожилаго Испанца, стоящаго неподвижно съ глазами, устремленными на вершины Монсерата. Испанецъ былъ въ лохмотьяхъ нищаго; но путешественникъ, остановленный любопытствомъ, не смѣлъ предложить ему денегъ, ибо лице Испанца выражало больше обыкновенной скорби. На вопросы путешественника онъ отвѣчалъ: «Я Монсератскій капуцинъ «и Гверильясъ Эролеса. Когда Христиносы, уничто«жившіе нашъ монастырь, пришли выгнать меня изъ «моей кельи, я, указывая имъ на каменный полъ «кельи, сказалъ: Эти двѣ впадины передъ иконой «протерты моими колѣнами; эти темныя пятна, при-

«нимающія отъ солнечнаго луча цвѣтъ крови — моя «кровь, пролитая при оборонѣ монастыря отъ Фран«цузовъ; а мы оборонялись до такаго изнеможенія, «что, спотыкаясь о трупы, не мо́гли отбросить ихъ «въ сторону. Христиносы отвѣчали, что меня повѣ«сятъ, если я возвращусь въ мою келью... И разбой«никовъ не стало въ ущельяхъ Монсерата, потому«что богомольцамъ уже не для чего взбираться на «его вершины; дикія козы заходятъ въ мою келью «укрыться отъ непогоды... «Испанецъ замолчалъ, снова устремилъ глаза на вершины Монсерата, а лице по-прежнему выражало больше обыкновенной скорби: оно выражало то чувство, съ которымъ Евреи, выгнанные Деціемъ изъ Іерусалима и не смѣвшіе подъ страхомъ смертной казни приближаться къ нему, смотрѣли съ дальней горы на верхи Соломонова храма.

Такъ силенъ былъ толчокъ, данный Наполеономъ Европѣ, что одинъ изъ Гверильясовъ очутился на берегу Эльбы въ рядахъ Русскихъ партизановъ. Онъ принадлежалъ къ двумъ стамъ Испанцевъ и Португалльцевъ, убѣжавшихъ во время перемирія изъ Французской арміи. Онъ остался въ моей памяти не потому, что былъ хорошимъ товарищемъ, или удивлялъ своимъ мужествомъ. Я забылъ его имя, не могу припомнить его лица; но въ моей памяти осталось, какъ онъ въ бывачныя ссоры одной рукой хватался за оружіе, другой указывалъ на свою грудь,

и въ замѣнъ угрозы вскрикивалъ: я Гверильясъ! Въ моей памяти осталось, какъ онъ въ цѣпи стрѣлковъ, послѣ удачнаго выстрѣла, опускалъ на землю ружье, поднималъ голову отъ гордости и вскрикивалъ: я Гверильясъ! Когда я писалъ эту книгу, онъ часто представлялся моему воображенію потому, что онъ былъ единственнымъ Гверильясомъ, видѣннымъ мною, и во мнѣ возникало странное желаніе узнать: гдѣ онъ? что онъ? Есть ли сходство въ его судьбахъ съ моими, или онъ вышелъ изъ толпы, и его имя, забытое мною, находится между историческими именами современной Испаніи? Есть сходство въ судьбахъ воина и мореходца: оба далече отъ родины гостятъ то подъ одной, то подъ другой кровлей; оба дружатся съ чужими на немного дней — и разстаются на всѣ дни жизни; такъ долго не бываютъ на родинѣ, что и подъ отеческими кровлями уже не-кому пожелать ихъ возврата; а между-тѣмъ въ какомъ-нибудь углу далекой чужбины есть человѣкъ, сохраняющій желаніе повидаться съ воиномъ, когда-то зашедшимъ къ нему съ бивака, или повидаться съ мореходцемъ, когда-то встрѣченнымъ на берегу моря.

Николай Невѣдомскій.

Примѣчаніе Редакціи. Такъ оканчивается сочиненіе, котораго отрывками украсили мы много страницъ въ разныхъ томахъ Современника. Оно принадлежитъ къ явленіямъ литературы самымъ яркимъ и, можно сказать, восхитительнымъ. Въ немъ, какъ во всѣхъ произведеніяхъ истинныхъ историковъ, судьбою призванныхъ на великое дѣло, все живо, поразительно; все переноситъ читателя на самыя мѣста событій, даетъ ему чувствовать какъ бы самое дыханіе дѣйствующихъ лицъ — и навѣкъ остается присутственнымъ воображенію читателя. Не говоримъ объ интересѣ разсказываемыхъ предметовъ: это встрѣчается и у обыкновенныхъ писателей. Нѣтъ: здѣсь трепетъ участія, всѣ страсти человѣка, находящагося въ самыхъ дѣйствіяхъ повѣствованія, и отъ того — истинное краснорѣчіе сердца. Таковъ, по нашему понятію, историкъ-художникъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ФРОНДУ.

> Le peuple n'avait pas besoin de m. de Gondy pour faire les barricades du 27 Août 1648.... Ce fut son propre instinct....
>
> Capefigue, Histoire de la Fronde.

Фронда — родъ моральнаго феномена, который лишь во Франціи былъ возможенъ и никогда ни у какаго народа не повторялся. Только Французы, съ ихъ пылкостію и вѣтренностію, съ ихъ предпріимчивостію духа и съ ихъ непостоянствомъ въ исполненіи, могли задумать Фронду и быть дѣйствующими лицами въ этой траги-комедіи, которой они не могли придумать лучшей эмблеммы, какъ соломенку, украшавшую шляпу каждаго Фрондёра. И въ самомъ дѣлѣ, что была Фронда? Не что иное, какъ feu de paille. Тутъ блеску и треску много, а толку такъ мало, что Фронду, безъ всякой натяжки, можно назвать безтолковой. Мазаринисты и Фрондёры, враги поутру, вечеромъ, дружно сходясь, пили, пѣли и напивались. Побѣдителя встрѣчала сладкая улыбка его

дамы; побѣжденнымъ мстили острымъ словцомъ, да сатирической пѣсенкой. Фронда была—и ея не стало.... а въ выигрышѣ былъ одинъ Король. Людовикъ XIV былъ *ей* обязанъ тѣмъ, что сдѣлался однимъ изъ самовластнѣйшихъ королей Франціи, да Исторія обогатилась одною лишней страничкой, которая васъ смѣшитъ, когда вы не расположены сердиться.

Вотъ что такое была Фронда. Но совсѣмъ другими глазами смотритъ на нее Капфигъ. Для него она доказательство ума и могущества народа. Стернъ уже давно сказалъ, что каждый человѣкъ имѣетъ своего конька. Не избѣжалъ и Капфигъ общей участи людской. Но народъ — конекъ ретивый, и посмотрите, какъ онъ скачетъ съ сѣдокомъ своимъ, какъ онъ мечется изъ стороны въ сторону, какъ онъ мчитъ его, своевольный конекъ.

Въ описаніи Фронды Капфигъ походитъ на умнаго адвоката, защищающаго дурное дѣло, и потому весьма натурально, онъ впадаетъ въ противорѣчіе и путается какъ неловкій птицеловъ, путается въ сѣтяхъ, имъ же самимъ разставленныхъ. Капфигъ утверждаетъ, что кардиналъ Рецъ несправедливо хвастаетъ, приписывая себѣ расположеніе баррикадъ, составленіе Фронды. «Рецъ, говоритъ онъ, «ничего «не сдѣлалъ. Все совершилъ народъ. Рецъ развѣ «только помогалъ народу.» Не гораздо ли натураль-

нѣе думать наоборотъ? Кажется, матеріальная сила лишь исполняетъ то, что ей укажетъ умъ. Есть правда минуты, въ которыя умъ уступаетъ гигантской энергіи массы, но тогда онъ перестаетъ дѣйствовать; а если и помогаетъ, то уже отрицательно. Народъ во время Фронды буйствовалъ потому, что было нѣсколько буйныхъ головъ, которымъ хотѣлось наконецъ поставить на-своемъ, такъ долго уступая и дрожа передъ розгою Ришельё; потому что былъ Парламентъ, которому вскружилъ голову *долгій Парламентъ* Британіи; потому что былъ Парламентъ, которому разомъ хотѣлось вознаградить себя за продолжительную безначальность при Ришельё. Послѣ поры насильственнаго угнетенія, во Франціи, всегда настаетъ пора противоборства; и чѣмъ больнѣе были удары бича угнетенія, тѣмъ бѣшенѣе, своевольнѣе бываетъ потомъ поздняя месть угнетенныхъ. Эта месть почти всегда удается, потому-что, по-закону послѣдовательности, буйная толпа за толпою покорной слѣдуетъ во Франціи точно также, какъ за сильною, смѣлою властью слѣдуетъ власть уступчивая и робкая. Капфигъ самъ говоритъ, что Фронда имѣла какой-то нерѣшительный, безсвязный характеръ. Толпѣ этаго приписать нельзя; мы уже сказали: толпа направленія не даетъ. Это происходило отъ того, что зачинщики не были согласны межъ собою; что они сами не знали хорошенько, чего хотѣли; шли противъ министра-короля, а кричали во все горло: Vive le Roi! Между зачинщиками было много людей умныхъ,

было много отличныхъ интригановъ, но не было ни одной головы истинно энергической, съ цѣлью ясной, съ намѣреніемъ твердымъ. Вотъ причина безцвѣтности Фронды; вотъ доказательство, что Фрондою распоряжался не народъ, а Рецъ и другіе — и Фронда приняла данное ей направленіе, отразила на себѣ характеръ своихъ патроновъ.

Народъ, который, по мнѣнію Капфига, все затѣялъ, хотѣлъ войти въ переговоры съ Дворомъ. Дворяне, чувствуя, что въ отдѣльныхъ переговорахъ они лишатся всего, не захотѣли допустить сношеній отдѣльныхъ, а поставили на-своемъ. На чьей же сторонѣ перевѣсъ? Не слуга распоряжается господиномъ, а господинъ слугою; въ противномъ же случаѣ слуга уже не будетъ слугою.

Капфигъ говоритъ, что если бы Фронда была удачнѣе, никогда Людовикъ XIV не достигъ бы до той степени самовластія, которою завладѣлъ потомъ. Но это самое развѣ не доказываетъ, что Фронда вовсе не была выраженіемъ чувствъ общихъ, а только фарсомъ, сыгранымъ нѣсколькими взбалмочными шалунами, довольно умными для того, чтобъ имѣть временный успѣхъ. При Ришельѣ народъ былъ обремененъ налогами, изнемогалъ подъ тяжестію работъ, на него наложенныхъ. Ришельё умеръ. Народъ отдыхалъ; народъ праздновалъ свое освобожденіе, и съ радости, какъ водится у толпы,

былъ готовъ побуйствовать. Вотъ почему Фрондёрамъ удалось такъ легко увлечь за собою народъ: народъ повиновался толчку, но у него не было собственнаго направленія. И что же выигралъ народъ? Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что съ него брали франкъ, и для того, чтобъ доказать свой гнѣвъ, долженъ былъ платить по десяти. Не называть же исключительно народомъ однихъ нищихъ, которымъ все пожива, которымъ нечего терять. И что же могъ народъ безъ своихъ предводителей, дворянъ? Градская стража, по словамъ Капфига, бѣжала при первой стычкѣ съ солдатами правительства. Нидерландцамъ удалось освободиться отъ Испанскаго ига, потому-что они имѣли предводителемъ Принца Оранскаго и его храбрыхъ дворянъ.

Капфигъ увѣряетъ далѣе, что Фронда (вѣроятно для того, чтобъ придать ей болѣе политическаго вѣсу и значенія) была предтечею Французской революціи. Кажется, нѣтъ. Первая была частнымъ возстаніемъ дворянъ, вторая общимъ возстаніемъ народа. Въ первомъ случаѣ Король побѣдилъ потому, что дѣйствовалъ сообразно съ духомъ своего времени; во второмъ случаѣ Король палъ отъ того, что не понялъ *своевременнаго* стремленія умовъ. Людовикъ XIV утвердился, давъ народу, чего онъ требовалъ: спокойствіе внутри, славу извнѣ. Людовикъ XVI, находясь въ другихъ обстоятельствахъ, не могъ

этаго сдѣлать. Фронда была не началомъ, а концемъ усилій. Фронда была послѣднею, предсмертною вспышкой независимости феодальной. Не Фронда, а скорѣе же Людовикъ XIV былъ первымъ подготовителемъ Французской революціи. При Людовикѣ XIV вкрались разныя злоупотребленія, которыя постоянно увеличивались; съ его времени начали истощаться финансы Королевства, а это истощеніе подало первый поводъ къ принятію бѣдственной системы Law, повлекшей за собой, вмѣсто улучшеній, цѣлый рядъ ошибокъ. Гроза росла.... и наконецъ разразилась революціей Мирабо и Робеспьера. Надиръ и зенитъ! Отъ Мирабо, съ его рѣчью неправильной, но могучей, но всеувлекающей, революція началась; при Робеспьерѣ, котораго велерѣчіе напоминало школу схоластиковъ, она достигла своего апогея и стала ниспадать. Отъ чего жъ была побѣждена Фронда, а революція побѣдила? Отъ того, что Людовикъ XIV имѣлъ исполнителями Кольберовъ, Тюренновъ, Лувуа; а Людовикъ XVI, по какому-то фатализму, не слѣдовалъ замѣчаніямъ тѣхъ, которые говорили ему дѣло, а слѣдовалъ совѣтамъ людей, или ослѣпленныхъ своими выгодами, или не понимавшихъ ни времени своего, ни дѣлъ тогдашнихъ. Людовикъ XVI погибъ отъ того, что былъ добръ, перемѣнчивъ и рѣшительно не вошелъ въ современное броженіе Франціи.

Но и тутъ, развѣ толпа начала революцію 1789 года, а не собраніе депутатовъ? Депутаты, правда, были представителями народа, но они имѣли *свои собственныя* идеи, которыя только передали народу — и народъ ихъ принялъ по своей способности воспринимать. Толпа не начала революціи, она только продолжала и подкрѣпила ее. Но далѣе. Чтобъ доказать важность Фронды, Капфигъ приписываетъ стараніе Людовика XIV обезсилить дворянство страху, который ему внушала Фронда. Какъ будто она могла казаться въ самомъ дѣлѣ страшною! Людовикъ XIV былъ уменъ и зналъ, что повтореніе Фронды невозможно: но, проникнутый мыслью о своемъ недосягаемомъ величіи, онъ преслѣдовалъ въ дворянахъ не Фрондёровъ, а самую тѣнь независимости и самостоятельности; онъ все относилъ къ себѣ; онъ хотѣлъ, чтобы все держалось и существовало только имъ и для него; Людовикъ XIV съ полнымъ убѣжденіемъ сказалъ: L'état c'est moi!

Пристрастіе Капфига къ Фрондѣ достигаетъ до того, что онъ даже Мольера низводитъ съ трона перваго комика Франціи на довольно низкую ступень удачнаго памфлетиста: въ *Précieuses Ridicules*, во всѣхъ своихъ маркизахъ, онъ, по мнѣнію Капфига, преслѣдуетъ лишь однихъ Фрондёровъ, и Людовикъ XIV любитъ его какъ своего памфлетиста. Мы понимаемъ Мольера совершенно иначе. Мольеръ смѣялся надъ *Прециёзами* безъ всякой придирки политической, смѣялся

потому, что вычурность ихъ выраженій была въ самомъ дѣлѣ смѣшна; издѣвался надъ маркизами, не Фрондёрами, а чопорными придворными Людовика XIV, и Король любилъ Мольера за то, что онъ, идя своей дорогой, помогалъ ему смѣшивать дворянъ съ толпою подданныхъ, рѣзче выказывалъ разстояніе между *бывшимъ* вассаломъ и Королемъ. Мольеръ вездѣ комикъ. Онъ схватываетъ смѣшную сторону общества или лица — и хладнокровно, обдуманно рисуетъ свой характеръ, пишетъ кистью широкой свою сцену; а памфлетистъ бываетъ остроуменъ; благоразумія и справедливой оцѣнки дѣлъ въ немъ нѣтъ. Комедія и памфлетъ — какое разстояніе! «Комедія, говоритъ «Цицеронъ, есть подражаніе жизни, изображеніе «обычаевъ и зеркало истины (Comoedia est imitatio «vitae, speculum consuetudinis et imago veritatis)», тогда, какъ памфлетъ не что иное, какъ брань умно выраженная. И такимъ онъ долженъ быть, потому-что памфлетъ пристойный и безпристрастный — это вакхическая пѣсня безъ оргіи.

Однако жъ противоборство дворянъ не помогло: Парижъ заключилъ миръ. Дворяне оставили Парижъ. И кончилась Фронда? Ничуть: Фронда была тамъ, гдѣ были дворяне. Повторяемъ, вопреки увѣреніямъ Капфига, Фронда вовсе не была выраженіемъ духа и желаній народа; она только употребляла народъ какъ орудіе силы.

Фронда, какъ справедливо замѣчаетъ самъ Капфигъ, была просто реакціей противъ единовластія Ришельё. Но кто жъ болѣе всѣхъ страдалъ отъ этаго единовластія? Дворяне. Слѣдовательно и самая реакція должна была всего живѣе проявиться въ дворянахъ. Народъ, когда его не подстрѣкали зачинщики Фронды, когда его не поджигали памфлетисты, спокойно смотрѣлъ на Мазарина. При первомъ возвращеніи Короля въ Парижъ, народъ, по словамъ лѣтописей, находилъ даже Кардинала красавцемъ, собирался пить за его здоровье, удивлялся, зачто такъ нападаютъ на перваго министра и ругаютъ его. Но парламентъ, но принцы и дворянство продолжали ненавидѣть Мазарина, потому-что онъ мѣшалъ парламенту править королевствомъ, потомучто не позволялъ принцамъ и дворянству забрать власть въ ихъ руки. И что же вышло? Вскорѣ Дворъ снова принужденъ былъ оставить Парижъ. Слѣдовательно Фрондёрами были не народъ, а парламентъ и дворяне. Они учили народъ кричать — и народъ кричалъ. Причиной Фронды былъ Мазаринъ какъ первый министръ, цѣлью Фронды — управлять дѣлами государства. Фронда была только выраженіемъ желаній нѣсколькихъ лицъ и сословій, и потому была слаба, а слѣдовательно казалась и смѣшною, и всегда останется чѣмъ-то въ родѣ буффонства, не смотря на всѣ старанія Капфига поставить Фронду на подмостки *.

* Монтескьё, въ своихъ Considérations sur la grandeur et la décadence des Romains, приписываетъ неуспѣхъ Фронды тому, что она

Всѣ дѣйствующія лица Фронды кажутся какими-то карлами, даже побѣдитель при Рокроа и Лепсѣ теряетъ свой видъ героя. Единственный мущина Фронды: Mademoiselle de Montpensier. Фронда ослабѣвала. Войско королевское подступило къ Парижу. Тюренъ окружилъ горсть храбрыхъ сподвижниковъ Конде.... 2 Іюля 1652 года жаркій бой кипѣлъ въ предмѣстьи Св. Антонія. Ряды Конде убывали все сильнѣе; все яростнѣе наступали войска королевскія... Конде продолжалъ сражаться. Наконецъ всѣ средства къ его спасенію были истощены, исключая одного. Пушки Бастиліи могли бы на-время остановить напоръ непріятеля и тѣмъ дать способъ Конде и его сподвижникамъ возвратиться въ Парижъ. Но въ Парижѣ каждый думалъ о себѣ и никто о благѣ общемъ. Погибель Конде казалась неизбѣжною. Тогда явилась женщина: убѣжденіемъ и просьбами она успѣла добыть приказаніе коменданту Бастиліи стрѣлять по войскамъ королевскимъ; сама нацѣлила первую пушку—и первый выстрѣлъ, раздавшійся съ башень Бастиліи, былъ сдѣланъ дочерью герцога Орлеанскаго, Mademoiselle de Montpensier.

Конде былъ спасенъ.

Сочиненіе, въ которомъ Капфигъ говоритъ о Фрондѣ, вышло подъ заглавіемъ: Richelieu, Mazarin

не имѣла никакаго твердаго основанія, а была произведена лишь нѣсколькими безпокойными и недовольными честолюбцами.

et la Fronde. Скажемъ нѣсколько словъ и о прочихъ частяхъ этой книги. Мы будемъ говорить только то, что чувствовали, ее читая; а мы, читая, восхищались. И въ самомъ дѣлѣ: какъ художнически схвачены и обрисованы характеръ и дѣла Ришельё, этаго пигмея тѣломъ и гиганта душею и замыслами! Какъ опредѣлительно, какимъ чуднымъ карандашемъ очерченъ Людовикъ XIII, этотъ неуловимый Людовикъ XIII, загадка въ мірѣ психологическомъ! * И самый Мазаринъ такъ переданъ хорошо, хотя и черезъ-чуръ свѣтлыми красками! Капфигъ хотѣлъ сдѣлать изъ Мазарина приличный pendant Ришельё, и, увлеченный своей идеей симметріи, перешагнулъ за границу безпристрастія. Впрочемъ эта книга Капфига, какъ и всѣ прочія его сочиненія, прекрасна, и лишь грѣшитъ однимъ пристрастіемъ автора къ толпѣ. Но этотъ *грѣхъ*, нужно признаться, Капфигъ искупаетъ необыкновенною прелестію разсказа и живымъ, драматическимъ изложеніемъ фактовъ, что не портитъ никакой книги, а напротивъ того придаетъ, самому умному сочиненію, еще большую цѣну. Древніе Греки, наши первые и наши лучшіе учители въ дѣлѣ вкуса, во всемъ искали и требовали гармоніи. У нихъ прелесть мысли и прелесть формы были неразлучны. И прошли

* Въ извѣстномъ романѣ графа Альфреда де Виньи, *Сенъ-Маръ*, характеры Людовика XIII и Ришельё поняты и описаны превосходно. Какъ жаль, что авторъ, котораго первый опытъ такъ прекрасенъ, пересталъ заниматься сочиненіями этаго рода! Послѣ романовъ В. Скотта, Сенъ-Маръ рѣшительно лучшій историческій романъ. К. П.

вѣка, настали новые, а Греки до сихъ поръ остались лучшими образцами въ необъятномъ полѣ словесности. Красавица, нерадиво одѣтая, лишь красавица въ-половину.

Кардиналъ Рецъ написалъ свои мемуары, въ которыхъ подробно излагаетъ всѣ дѣйствія Фронды. Мемуары эти намъ кажутся нѣсколько безцвѣтными, растянутыми, и не заключаютъ въ себѣ ничего цѣлаго, проникнутаго, одушевленнаго одною идеей. Въ нихъ, если вы хотите, много остроумія, но основательности очень мало. Однимъ словомъ, это исторія, достойная своего предмета—и каждый умный человѣкъ можетъ написать подобную книгу, если ему вздумается вести свои ежедневныя записки, безъ всякой основной мысли, съ одною цѣлію: писать, что было и какъ было.

К. Петерсонъ.

О КОРОЛѢ ГУСТАВѢ II АДОЛЬФѢ.

Глава XXVI, VI части, изъ Шведской Исторіи Фрикселя.

Король Густавъ Адольфъ былъ статный мущина, ростомъ немного выше трехъ лóктей, прекрасно сложенъ; но въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ такъ необыкновенно полнѣть, что только самыя сильныя лошади могли носить его, когда ѣзда была продолжительна. Не смотря на то, онъ былъ здоровъ и крѣпокъ, способенъ все переносить, и бодръ, хотя не въ такой степени, какъ его отецъ. Единственный тѣлесный недостатокъ, на который онъ могъ жаловаться, была близорукость. Его движенія были исполнены благородства и пріятности; онъ держался прямо, и подбородокъ немного выдавался впередъ; волосы носилъ онъ короткіе и зачесанные вверхъ со лба;

они были, также какъ и усы и борода, золотистаго цвѣта, почему и называли его часто *золотымъ королемъ*. Лобъ и носъ подымались круто, глаза были открытые, голубые; лице его всегда сохраняло свѣжесть и полноту молодости. Въ его взорѣ, въ чертахъ лица и во всей его особѣ было рѣдкое соединеніе снисходительной кротости съ царскою важностью и величіемъ.

Немногіе были одарены такими отличными способностями, какъ Густавъ Адольфъ. Взоромъ, столь же быстрымъ, какъ и глубокимъ, проникалъ онъ во всѣ, какъ частныя, такъ и общественныя дѣла; еще будучи юношей, онъ въ этомъ отношеніи часто былъ счастливѣе посѣдѣвшихъ въ трудѣ и опытѣ государственныхъ сановниковъ. Въ тоже время онъ имѣлъ способность, безъ приготовленія, и однакожъ чрезвычайно ясно и пріятно, излагать свои мысли; по сладости голоса и по тѣлодвиженіямъ онъ былъ почти лучшимъ витіею, нежели великій дѣдъ его. «*Онъ столькихъ же*—говорили—*побѣждалъ языкомъ, сколькихъ мечемъ.*»

У него память была отличная, и въ зрѣломъ возрастѣ онъ запоминалъ государственные законы и подданныхъ своихъ съ такою же легкостію, какъ въ юности всѣ науки и языки. Будучи полководцемъ, онъ зналъ не только высшее начальство арміи, но и

нижніе чины, даже многихъ изъ наиболѣе отличныхъ солдатъ.

Душу его украшало истинное и пламенное благочестіе, обнаруживавшееся и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ. Рѣдко пропускалъ онъ утреннія и вечернія молитвы; богослуженія не пропускалъ никогда. Онъ терпѣть не могъ клятвъ, легкомысленныхъ и хулительныхъ рѣчей о предметахъ духовныхъ. Часто его заставали однаго, за чтеніемъ св. Писанія. *Я стараюсь* — говорилъ онъ — *созерцаніемъ слова укрѣпить себя противъ злыхъ искушеній. Человѣкъ на моемъ мѣстѣ никому кромѣ Бога не обязанъ отчетомъ въ своихъ поступкахъ; но именно эта самостоятельность и вводитъ во множество покушеній, которыхъ мы безпрестанно должны остерегаться.*» Самъ сочинилъ онъ многія изъ употреблявшихся въ то время походныхъ молитвъ; его же считаютъ сочинителемъ знаменитаго военнаго псалма: *Не падай духомъ, малая дружина!* Современной лѣтописецъ, въ этомъ отношеніи, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «*Король Густавъ Адольфъ начинаетъ всѣ свои предпріятія молитвою, и потому оканчиваетъ ихъ благодареніемъ.*

Вся жизнь его была отраженіемъ этаго чистаго и глубокаго благочестія. Послѣ заблужденія съ Маргаритою Кабелю, его уже нельзя было упрекнуть ни въ малѣйшей слабости этаго рода. Неумѣренность въ пищѣ, игра и праздность были ему совершенно незна-

комы. Самъ, по необыкновеннымъ своимъ качествамъ, рѣшительно превосходя всѣхъ его окружавшихъ, онъ тѣмъ самымъ былъ выше всякаго поползновенія къ зависти. Ему нечего было скрывать, а потому не было надобности и притворствовать; никого не оскорбляя, онъ не зналъ и мнительности: «*я могу спать*, говорилъ онъ, «*на колѣнахъ каждаго изъ моихъ подданныхъ.*» Онъ былъ алченъ; но алкалъ одной славы, ища ея въ познаніи истины и въ благѣ отечества. Особенно благороденъ и любезенъ былъ онъ въ отношеніи къ своимъ ближайшимъ. Мать его, вдовствовавшая королева, уничтожила сладостнѣйшія надежды его юности *, старалась возмутить противъ него младшаго брата Карла Филиппа и была тайною виновницею многихъ для государства опасныхъ, а для него самаго непріятныхъ случаевъ; но не смотря на то, онъ всегда оказывалъ ей сыновнее почтеніе и покорность, уступая ея прихотямъ во всемъ, что не касалось блага отечества и обязанностей государя. Обоихъ своихъ соперниковъ, Герцоговъ Іоанна и Карла Филиппа обратилъ онъ въ надежнѣйшихъ друзей, оказывая имъ непритворную братскую дружбу. Онъ былъ непзмѣнно вѣренъ супругѣ своей и старался, сколько могъ, скрывать ея слабости. Обращеніе его съ сестрою, Пфальцъ-графинею Екатериною и съ другомъ Акселемъ Оксеншерна, составляетъ блистательный образецъ всего прекраснаго и благороднаго въ братской любви и непоколебимой дружбѣ.

* Разлучивъ его съ обожаемою имъ Эббою Брахе.

Подавая такимъ образомъ самъ примѣръ чистой и безукоризненной жизни, онъ и между приближенными своими не терпѣлъ людей порочнаго поведенія. Доносъ и клевета отвергались съ презрѣніемъ; игра, пьянство и распутства были совершенно изгнаны. Нѣкоторые молодые люди, обнаружившіе склонность къ такимъ привычкамъ, немедленно и безъ послабленія были удалены отъ двора; прочіе стали остерегаться. Чертоги короля Шведскаго были обителью не только военной славы, познаній, вкуса и любезности, но также благочестія, правосудія и добрыхъ нравовъ: и жители Швеціи, обращая туда взоры, не только удивлялись блеску, какой находили тамъ, но и съ благоговѣніемъ, съ пламенною любовью смотрѣли на все благородное, высокое, что заключалось въ этихъ стѣнахъ; и высокій примѣръ дѣйствовалъ благодѣтельно на цѣлое государство. Густавъ Ваза, Густавъ Адольфъ и три одномыслящіе Карла были въ этомъ отношеніи истинные отцы отечества, ибо и законами и примѣрами развивали въ народѣ тотъ характеръ силы, важности, добродѣтели и прямодушія, который составляетъ единственное основаніе истиннаго счастія какъ частныхъ людей, такъ и государства.

Густавъ Адольфъ любилъ блескъ и превосходство, но только въ личныхъ достоинствахъ и подвигахъ, не въ обычаяхъ и обрядахъ. Его образъ жизни былъ чрезвычайно простъ и умѣренъ: такова же была и одежда его — въ мирное время, какъ и въ воен-

ное. На торжественныхъ церемоніяхъ онъ однакожъ показывалъ приличное великолѣпіе.

Король ненавидѣлъ праздность и жадность къ удовольствіямъ. Самъ онъ работалъ неутомимо. Еще мальчикомъ онъ сиживалъ далеко за полночь съ книгою въ рукахъ. Охоту, прогулки съ Дворомъ и подобныя забавы онъ рано оставилъ и началъ посвящать почти все свое время государственнымъ дѣламъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и чиновники были таковы же, и замѣчая противное, дѣлалъ имъ лично строгій выговоръ. По духу времени выраженія были сильны.— Фохтамъ * угрожалъ онъ тѣмъ, *что заплатятъ головою или получатъ веревку на ожерелье*; въ немъ узнавали сына Карла IX-го. Одинъ офицеръ, которому поручено было построить нѣкоторыя укрѣпленія, производилъ работы слабо и медленно. Король сдѣлался недоволенъ. Офицеръ извинялся тѣмъ, *что земля крѣпко замерзла, и дѣтъ того невозможно рыть ее.* Король отвѣчалъ: *земля всегда бываетъ мерзлою для лѣнивыхъ свиней* — старинная простонародная пословица у Шведовъ, которою отецъ его, дѣдъ и дяди любили отвѣчать на подобныя возраженія лѣни.

Будучи возвышенъ надъ личнымъ корыстолюбіемъ и личными слабостями, онъ не имѣлъ надобности убѣгать правосудія. По случаю одной тяжбы

* *Коронный Фохтъ* — высшій начальникъ въ уѣздѣ по исполнительной части, по части податей и сборовъ и пр.

о владѣніи онъ самъ явился въ Гофгерихтъ, напомнилъ его членамъ, чтобы безъ лицепріятія соблюли обыкновенный судебный порядокъ, и потомъ похвалилъ ихъ, когда они по закону постановили невыгодное для короля, но, какъ онъ въ послѣдствіи самъ нашелъ, совершенно справедливое рѣшеніе.

Густавъ Адольфъ любилъ познанія и чтеніе. Рано вступивъ на престолъ и еще ранѣе принявъ участіе въ дѣлахъ правленія, онъ не могъ спокойно кончить своего воспитанія. Но и царствуя онъ призывалъ въ свободное время прежняго своего учителя, Іоанна Шитте и продолжалъ пользоваться его руководствомъ. Ксенофонъ, Сенека и въ особенности Гюго Гроціусъ были его любимые писатели. Исторіею онъ также занимался охотно, называя ее *наставницею жизни.* Метафизика была единственная наука, къ которой онъ былъ равнодушенъ — можетъ быть по внушенію Шитте и Римскихъ Философовъ. Густавъ Адольфъ отличался также въ качествѣ писателя. Его стихи, хотя и не первостепеннаго достоинства, носятъ отпечатокъ чистыхъ и возвышенныхъ чувствованій. Въ описаніи же правленія отца своего онъ является историкомъ превосходнымъ и по духу и по образу изложенія. Онъ былъ несомнѣнно первымъ ораторомъ своего времени.

Король былъ чрезвычайно кроткаго и ласковаго нрава, до такой степени, что за то его многіе пори-

цали, не зная врожденной его способности соединять дружеское обращеніе съ царскимъ величіемъ. Онъ любилъ разговаривать запросто не только съ приближенными лицами, но и съ другими подданными, какаго бы ни были сословія. Онъ иногда долго бесѣдовалъ съ опытными чиновниками присутственныхъ мѣстъ и провинціальныхъ управленій, съ порядочными мѣщанами, даже съ земледѣльцами, подробно распрашивая о состояніи края, ободряя или давая полезные совѣты. Особенно ласковъ былъ онъ съ старыми, заслуженными солдатами. Многіе изъ нихъ принимаемы были во дворецъ драбантами, и рѣдко король проходилъ мимо ихъ, не сказавъ имъ добраго слова. Старшій изъ нихъ былъ сѣдой старикъ, который въ молодости участвовалъ въ войнѣ Густава Вазы съ Россіею. Этаго старика онъ особенно жаловалъ, часто садился къ нему и разговаривалъ про стараго короля Густава, про свычаи и обычаи его.

Вспыльчивой характеръ Густава Адольфа и соединенная съ нимъ поспѣшность иногда давали поводъ къ непріятнымъ случаямъ. Особливо во время первой молодости своей онъ не рѣдко позволялъ себѣ рѣзкія слова, даже удары и побои, и ему было трудно, почти невозможно укрощать порывы своей вспыльчивости. Лѣта и опытность наконецъ научили его трудному искуству владѣть самимъ собою, и часто по одному лишь минутному румянцу, или по легкимъ

судорогамъ въ лицѣ можно было угадать внутреннее его волненіе. Онъ самъ зналъ недостатокъ свой и сознавался въ немъ. *Но* — присовокуплялъ онъ — *мои друзья могутъ имѣть снисхожденіе къ моей вспыльчивости, такъ какъ я извиняю ихъ слабости, медленность въ одномъ, пьянство въ другомъ, корыстолюбіе въ третьемъ и т. д.* — Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ легко и скоро мирился, усердно и великодушно стараясь загладить всякій проступокъ. Онъ никогда не питалъ долговременной ненависти и злобы. Въ разсужденіи этаго разсказываютъ слѣдующее событіе. Шотландскій полковникъ, по имени Ситонъ (Seaton), при одномъ смотрѣ провинился въ чемъ-то и король сдѣлалъ ему замѣчаніе. Ситонъ вздумалъ оправдываться и защищаться, при чемъ споръ до того сдѣлался жарокъ, что король наконецъ далъ полковнику пощечину — въ виду всего фронта. Ситонъ безъ сомнѣнія не могъ ожидать какаго-либо удовлетворенія, тотчасъ взялъ отставку и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ въ Датскія владѣнія, чтобы тамъ опредѣлиться въ службу. Король скоро раскаялся и, взявъ съ собою двухъ слугъ, отправился вслѣдъ за нимъ. Едва успѣлъ онъ переступить границу, король догналъ его. «*Г. полковникъ* — сказалъ онъ ему — *я несправедливо обидѣлъ васъ. Это мнѣ больно: я считаю васъ за честнаго человѣка и потому пріѣхалъ, чтобы дать вамъ удовлетвореніе. Здѣсь, внѣ границъ Швеціи, Густавъ Адольфъ и Ситонъ равны. Вотъ два пистолета или двѣ шпаги! отмстите за себя, если можете!*» Ситонъ бросился къ его

ногамъ и просилъ дозволенія *жить и умереть въ службѣ короля*. Густавъ Адольфъ обнялъ его и они вмѣстѣ возвратились въ лагерь, гдѣ король въ присутствіи многихъ постороннихъ разсказывалъ о полученномъ Ситономъ удовлетвореніи.

Густавъ Адольфъ былъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, какіе когда-либо существовали. Важныя улучшенія, произведенныя имъ въ военномъ искуствѣ ниже будутъ изложены подробнѣе. Личная храбрость его была такъ необыкновенна, что многіе въ этомъ отношеніи порицали его, находя, что онъ смѣшиваетъ обязанности воина и полководца. Онъ же былъ убѣжденъ, что военачальникъ не можетъ требовать отъ своихъ солдатъ болѣе мужества, нежели сколько самъ показываетъ. Страхъ былъ Густаву совершенно чуждъ. Когда его предостерегали, онъ отвѣчалъ улыбаясь; «*до сихъ поръ еще ни одинъ король не былъ убитъ пушечнымъ ядромъ*: или съ важностію присовокупляя: *упованіе на Бога есть лучшая осторожность*; или: *есть ли для короля смерть прекраснѣе той, когда онъ можетъ пасть за свой народъ и за справедливое дѣло*? Почти невозможно исчислить всѣхъ смертельныхъ опасностей, чрезъ которыя онъ прошелъ въ своихъ походахъ: девять большихъ рубцевъ, кромѣ ранъ, полученныхъ имъ въ день смерти, свидѣтельствовали о томъ. Три раза онъ едва не утонулъ: при Витше, Демминѣ и Бровикенѣ; въ послѣднемъ случаѣ лошадь погибла и самъ король съ тру-

домъ могъ спасти свою жизнь. Однажды его отговаривали отъ намѣренія сойти въ Фалунскую рудокопню. «*Какъ?* — возразилъ онъ — *уже ли королю нельзя посѣтить лучшаго казнохранилища въ государствѣ?!*»

Немногіе пользовались столь великимъ и безусловнымъ почтеніемъ, какъ Густавъ Адольфъ, даже со стороны непріятелей. *Онъ величайшій король въ мірѣ*—говорилъ Папа. Католики съ удивленіемъ упоминали *о многихъ его добродѣтеляхъ, о строгости воинской его жизни, о его правосудіи, чистой нравственности, благочестіи и непритворной набожности, хотя въ безбожной вѣрѣ.* Почти ни однаго пасквиля не являлось противъ этаго ихъ смертельнаго врага. До отдаленнѣйшихъ странъ Европы, до полудикихъ князей и народовъ доходила слава его. Турція искала его дружбы; отъ Татаръ приходили послы съ поздравленіями, и Великій Князь Московскій выражалъ свою преданность, свое удивленіе. Такъ смотрѣли на него чужеземцы, даже враги обожали его. Въ Шведской арміи было множество Англичанъ и Шотландцевъ, которые именно въ это время всего болѣе одушевлялись ненавистью къ папской власти и мечтательною любовью къ протестантской вѣрѣ. Для нея Густавъ Адольфъ былъ новымъ Іудой Маккавеемъ, львомъ сѣвернымъ, какъ древле былъ левъ Іудейскій: а вмѣстѣ съ тѣмъ и агнцемъ невинности, жертвовавшимъ своею чистою

кровью для спасенія единовѣрцевъ. Незадолго до Люценской битвы большая часть Шотландскихъ полковъ была оставлена въ Швабіи и потому не могла принять участія въ помянутомъ сраженіи. Чрезвычайно трогательно читать ихъ жалобу, что имъ не позволили итти и на смерть съ милымъ имъ королемъ Густавомъ. Такъ же точно, если еще не болѣе, обожали его протестанты въ Германіи, освобожденные имъ отъ рабства и гражданскаго и духовнаго, почему и потомки ихъ никогда не перестанутъ благословлять его память. Шведы любили и почитали его какъ своего величайшаго короля, съ которымъ можно сравнивать развѣ только столь же великаго и не менѣе любимаго дѣда. Аксель Оксеншерна ставилъ Густава Адольфа выше всѣхъ. *Никогда*—писалъ онъ—*Швеція не имѣла столь великаго короля. Густавъ Адольфъ великій и отецъ отечества суть титулы, которые онъ по всей справедливости заслужилъ отъ насъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ теперь, да и много уже столѣтій не было никого, кто бы достоинъ былъ сравненія съ нимъ; я сомнѣваюсь, чтобы грядущія времени произвели равнаго ему.*

РАСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

ПОРТРЕТЪ *.

ЧАСТЬ I.

Нигдѣ не останавливалось столько народа, какъ передъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла точно самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масленными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, Фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на Индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка — вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ ба-

* Повѣсть эта была напечатана въ Арабескахъ. Но въ слѣдствіе справедливыхъ замѣчаній была вскорѣ послѣ того передѣлана вся, и здѣсь помѣщается совершенно въ новомъ видѣ.

раньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ съ кривыми носами. Сверхъ того дверп такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками произведеній, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованье Русскаго человѣка. На одномъ была царевна Милпктриса Кирбитьевна, на другомъ городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ моляшихся Русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но за то зрителей куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже вѣрно зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который безъ сомнѣнія будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ нимъ уже вѣрно стоптъ въ шпнели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-Охтенка съ коробкою, наполненною башмаками. Всякой восхищается по-своему; мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьёзно; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованнымп карикатурами; старые лакеи во фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать: а торговкп, молодыя Русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ. Въ это время невольно остановился передъ

лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ овладѣло имъ невольное размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что Русской народъ заглядывается на *Ерусланова Лазаревичей*, на *объѣдалъ* и *обпивалъ*, на *Фому* и *Ерему*, это не казалось ему удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ, масленыхъ малеваній? кому нужны эти Фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искуства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки. Иначе въ нихъ бы при всей безчувственной карикатурности цѣлаго вырывался острый порывъ. Но здѣсь было видно просто тупоуміе, безсильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала въ ряды искуствъ, тогда какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремеслъ, бездарность, которая была вѣрна однакожъ своему призванію и внесла въ самое искуство свое ремесло. Тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріо-

быкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!... Долго стоялъ онъ предъ этими грязными картинами, уже наконецъ не думая вовсе о нихъ, а между-тѣмъ хозяинъ лавки, сѣренькій человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой небритой съ самаго воскресенья, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что ему понравилось и что нужно. «Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландшафтикъ возьму бѣленькую. Живопись-то какая! просто глазъ прошибетъ; только-что получены съ биржи; еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима, возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка чего стоитъ. Вонъ она какая зима!» Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю доброту зимы. «Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Эй, малой, подай веревочку.»—Постой, братъ, не такъ скоро—сказалъ очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялся не въ-шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣлалось нѣсколько совѣстно не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ, и онъ сказалъ — а вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь — и, наклонившись, сталъ доставать съ полу наваленныя громоздко, истертыя, запыленныя старыя маленья, непользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинные фамильные портреты, которыхъ потомковъ, можетъ быть, и на свѣтѣ нельзя было отыскать, совершенно неизвѣстныя изображенія

съ прорваннымъ холстомъ, рамки, лишенныя позолоты, словомъ, всякой ветхой соръ. Но художникъ принялся разсматривать, думая втайнъ: «авось что-нибудь и отыщется.» Онъ слышалъ не-разъ расказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцевъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ. Хозяинъ, увидѣвъ, куда полѣзъ онъ, оставилъ свою суетливость и, принявши обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсъ, помѣстился съизнова у дверей, зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку... «Сюда, батюшка; вотъ картины! зайдите, зайдите; съ биржи получены.» Уже накричался онъ вдоволь и большею частью безплодно, наговорился досыта съ лоскутнымъ продавцемъ, стоявшимъ насупротивъ его также у дверей своей лавочки, и наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, поворотилъ народу спину и отправился во внутрь ея. «Что, батюшка, выбрали что-нибудь?» Но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ большихъ, когда-то великолѣпныхъ рамахъ, но на которыхъ чуть блестѣли теперь слѣды позолоты. Это былъ старикъ съ лицомъ бронзоваго цвѣта, скулистымъ, чахлымъ; черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенья и отзывались не сѣверною силою. Пламенный полдень былъ запечатлѣнъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій Азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ; но когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ

слѣды работы высокаго художника. Портретъ, казалось, былъ не конченъ; но сила кисти была разительна. Необыкновеннѣе всего были глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все старательное тщаніе свое художникъ. Они просто глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ будто разрушая его гармонію своею странною живостью Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ, еще сильнѣе глядѣли глаза. Впечатлѣніе почти то же произвели они и въ народѣ. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: «глядитъ, глядитъ», и попятилась назадъ. Какое-то непріятное, непонятное самому-себѣ чувство почувствовалъ онъ и поставилъ портретъ на землю.

«А чтожъ возьмите портретъ!» сказалъ хозяинъ.

— А сколько? — сказалъ художникъ.

«Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!»

— Нѣтъ. —

«Ну, да что жъ дадите?»

— Двугривенной — сказалъ художникъ, готовясь итти.

Экъ цѣну какую завернули! да за двугривенной одной рамки не купишь. Видно завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенной. Право для почину только, вотъ только что первой покупатель.» Засимъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто бы говорившій: «такъ ужъ и быть, пропадай картина!»

Такимъ-образомъ Чартковъ совершенно неожиданно купилъ старый портретъ, и въ тоже время подумалъ: зачѣмъ я его купилъ? на что онъ мнѣ? но дѣлать было нечего Онъ вынулъ изъ кармана двугривенной, отдалъ хозяину, взялъ портретъ подъ мышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенной, который онъ отдалъ, былъ у него послѣдній. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его въ ту же минуту. «Чортъ поберп! гадко на свѣтѣ!» сказалъ онъ съ чувствомъ Русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шелъ скорыми шагами, полный безчувствія ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба; еще домы, обращенные къ той сторонѣ, чуть озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между-тѣмъ уже холодное синеватое сіянье мѣсяца становилось сильнѣе. Полупрозрачныя легкія тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеходцевъ. Уже художникъ начиналъ мало по малу заглядываться

на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: «какой легкой тонъ!» и слова: «досадно, чортъ побери!» И онъ, поправляя портретъ, безпрестанно съѣзжавшій изъ-подъ мышекъ, ускорялъ шагъ. Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линію на Васильевской Островъ. Съ трудомъ и съ отдышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было никакаго отвѣта: человѣка не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать терпѣливо, пока не раздались наконецъ позади его шаги парня въ синей рубахѣ, его приспѣшника, натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшаго ихъ тутъ же своими сапогами. Парень назывался Никитою, и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключемъ въ замочную дырку, вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ дверь была отперта. Чартковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ у художниковъ, чего впрочемъ они не замѣчаютъ. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ вмѣстѣ съ нею въ свою студію, квадратную комнату, большую, но низенькую, съ мерзнувшими окнами, уставленную всякимъ художескимъ хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами начатыми и брошенными, драпиров-

кой, развѣшанной по стульямъ. Онъ усталъ сильно, скинулъ шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкой диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянутъ кожею, потому-что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикрѣплявшихъ ее, давно уже остался самъ по себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама по себѣ, такъ-что Никита засовывалъ подъ нее чорные чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Поспѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ наконецъ спросилъ свѣчу.

Свѣчи нѣтъ — сказалъ Никита.

«Какъ нѣтъ?»

— Да вѣдь и вчера еще не было—сказалъ Никита. Художникъ вспомнилъ, что дѣйствительно и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣть, и надѣлъ свой крѣпко и сильно заношенный халатъ.

— Да вотъ еще, хозяинъ былъ — сказалъ Никита.

«Ну, приходилъ за деньгами? знаю», сказалъ художникъ, махнувъ рукой.

— Да онъ не одинъ приходилъ — сказалъ Никита.

«Съ кѣмъ же?»

— Не знаю съ кѣмъ, какой-то квартальный. —

«А квартальный зачѣмъ?»

— Не знаю зачѣмъ; говоритъ за тѣмъ, что за квартиру не плачено. —

«Ну чтожъ изъ того выйдетъ?»

— Я не знаю, что выйдетъ; онъ говорилъ, коли не хочетъ, такъ пусть, говоритъ, съѣзжаетъ съ квартиры; хотѣли завтра еще притти оба. —

«Пусть ихъ приходятъ», сказалъ съ грустнымъ равнодушіемъ Чартковъ. И ненастное расположеніе духа овладѣло имъ вполнѣ

Молодой Чартковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностію, соображеніемъ, шибкимъ порывомъ приблизиться болѣе къ природѣ. «Смотри, братъ, говорилъ ему не-разъ его профессоръ, у тебя есть талантъ; грѣшно будетъ, если ты его погубишь. Но ты нетерпѣливъ. Тебя

одно что-нибудь заманитъ, одно что-нибудь полюбится — ты имъ занятъ, а прочее у тебя дрянь, прочее тебѣ ни по чемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модной живописецъ. У тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски. Рисунокъ у тебя не строгъ, а подъ-часъ и вовсе слабъ, линія невидна; ты ужъ гоняешься за модным освѣщеньемъ, за тѣмъ, что бьетъ на первые глаза — смотри, какъразъ попадешь въ Англійской родъ. Берегись; тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть; ужъ я вижу у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки, портретики за деньги. Да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу, брось щегольство — пусть ихъ набираютъ другіе деньги. Твое отъ тебя не уйдетъ.

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда хотѣлось точно нашему художнику кутнуть, щегольнуть, словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость. Но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, останавливался предъ портретами Тиціана, восхищал-

ся Фламандцами. Еще потемнѣвшій обликъ, облекающій старыя картины, не весь сошелъ предъ нимъ; но онъ ужъ прозрѣвалъ въ нихъ кое-что, хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера такъ недосягаемо ушли отъ насъ; ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое въ чемъ значительно ихъ опередилъ, что подражаніе природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, Французъ или Нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и скапливалъ себѣ въ мигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда наконецъ сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеньи участь богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ Русской головѣ: бросить все и закутить съ горя на-зло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положеніи.

«Да! терпи, терпи! произнесъ онъ съ досадою. Есть же наконецъ и терпѣнью конецъ. Терпи! а на какія деньги я завтра буду обѣдать? Въ-займы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки: за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ. Они полезны, конечно, я это чувствую: каждая изъ нихъ предпринята не-даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что пользы? этюды, попытки—и все будутъ этюды, попытки, и конца не будетъ имъ. Да и кто купитъ, не зная меня по имени; да и кому нужны рисунки съ антиковъ и натурнаго класса, или моя неконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ право лучше портретовъ какаго-нибудь моднаго живописца? Что въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь и какъ ученикъ копаюсь надъ азбукой, тогда какъ бы могъ блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такимъ, какъ они, съ деньгами.» Произнесши это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣднѣлъ; на него глядѣло, высунувшись изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо. Два страшные глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его; на устахъ написано было грозное повелѣнье молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское храпѣніе; но вдругъ остановился и засмѣялся. Чувство страха отлегло вмигъ. Это былъ имъ купленный портретъ, о которомъ онъ позабылъ во-

все. Сіяніе мѣсяца, озарившн комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Онъ принялся его разсматривать и оттирать. Омокнулъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ, смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повѣсилъ передъ собой на стѣну и подпился еще болѣе необыкновенной работѣ: все лицо почти ожило и глаза взглянули на него такъ, что онъ наконецъ вздрогнулъ и, попятившись назадъ, произнесъ изумленнымъ голосомъ: глядитъ, глядитъ человѣческими глазами! Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная давно имъ отъ своего профессора, объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонарда да Винчи, надъ которымъ великій мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все еще почиталъ его неоконченнымъ и который, по словамъ Вазари, былъ однако же почтенъ отъ всѣхъ за совершеннѣйшее и окончательнѣйшее произведеніе искуства. Окончательнѣе всего были въ немъ глаза, которымъ изумлялись современники; даже малѣйшія, чуть видныя въ нихъ жилки были не упущены и приданы полотну. Но здѣсь однако же, въ семъ, нынѣ бывшемъ предъ нимъ, портретѣ, было что-то странное. Это было уже не искуство: это разрушало даже гармонію самаго портрета. Это были живые, это были человѣческіе глаза! Казалось, какъ будто они были вырѣзаны изъ живаго человѣка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того высокаго наслажденья, которое объемлетъ душу при взглядѣ на произведеніе художника, какъ ни

ужасенъ взятой имъ предметъ; здѣсь было какое-то болѣзненное, томительное чувство. «Что это? невольно вопрошалъ себя художникъ. Вѣдь это однако же натура, это живая натура: отъ чего же это странно-непріятное чувство? Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, пестрой пымъ крикомъ? Или, если возмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, неозаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножемъ, разсѣкаешь его внутренность и видишь отвратительнаго человѣка. Почему же простая, низкая природа является у одпаго художника въ такомъ-то свѣту, и не чувствуешь никакаго низкаго впечатлѣнія; напротивъ, кажется, какъ будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя. И почему же та же самая природа у другаго художника кажется низкою, грязною, а между-прочимъ онъ такъ же былъ вѣренъ природѣ. Но нѣтъ, нѣтъ въ ней чего-то озаряющаго. Все равно какъ видъ въ природѣ: какъ онъ ни великолѣпенъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣтъ на небѣ солнца.

Онъ опять подошелъ къ портрету съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ за-

мѣтилъ, что они точно глядятъ на него. Это уже не была копія съ натуры, это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собой бредъ мечты и облекающій все въ иные образы, противуположные положительному дню, или что другое было причиною тому, только ему сдѣлалось вдругъ неизвѣстно, отъ чего страшно спдѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отворотился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между-тѣмъ глазъ невольно самъ собою, косясь, окидывалъ его. Наконецъ ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ; ему казалось, какъ будто сей же часъ кто-то другой станетъ ходить позади его, и всякой разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображенье и нервы его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ уголокъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое храпѣнье Никиты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ наконецъ робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго

чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего. Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ путп, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между-тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щелку ширмъ на закутанный простынею портретъ. Сіянье мѣсяца усплпвало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это вздоръ. Но наконецъ уже въ самомъ дѣлѣ... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядптъ мимо всего, что пп есть вокругъ, прямо въ него, глядптъ просто къ нему во внутрь... У него захолонуло сердце. И видптъ: старикъ пошевелился п вдругъ уперся въ рамку обѣими руками. Наконецъ приподнялся на рукахъ п, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ пзъ рамъ... Сквозь щелку ширмъ видны были уже одпѣ только пустыя рамы. По комнатѣ раздался стукъ шаговъ, который наконецъ сталовился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильнѣе колотпться у бѣднаго художпика. Съ занявшпмся отъ страха дыханьемъ онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы старикъ. И вотъ онъ глянулъ точно за шпрмы съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и поводя большпми глазами. Чартковъ силился вскрикнуть п почувствовалъ, что у него нѣтъ голоса, силился пошевельнуть-

ся, сдѣлать какое нибудь движенье — не движутся члены. Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ смотрѣлъ онъ на этотъ страшный фантомъ высокаго роста, въ какой-то широкой Азіатской рясѣ и ждалъ, что станетъ онъ дѣлать. Старикъ сѣлъ почти у самыхъ ногъ его и вслѣдъ за тѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это былъ мѣшокъ. Старикъ развязалъ его, и, схвативши за два конца, встряхнулъ: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: 1000 *червонныхъ*. Высунувъ свои длинныя, костистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, старикъ началъ разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ ни велико было тягостное чувство и обезпамятѣвшій страхъ художника, но онъ вперился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костистыхъ рукахъ, блестѣло, звенѣло тонко и глухо, и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подалѣе отъ другихъ у самой ножки его кровати въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтитъ ли старикъ. Но старикъ былъ, казалось, очень занятъ. Онъ собралъ всѣ свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувши на него, ушелъ за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалявшихся шаговъ. Онъ сжималъ по-

крѣпче свертокъ свой въ рукѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ за него, и вдругъ услышалъ, что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно старикъ вспомнилъ, что не доставало однаго свертка. И вотъ — онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, стиснулъ онъ всею силою въ рукѣ своей свертокъ, употребилъ все усиліе сдѣлать движенье, вскрикнулъ и проснулся. Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было биться: грудь была стѣснена, какъ будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханье. Неужели это былъ сонъ? сказалъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову; но страшная живость явленья не была похожа на сонъ. Онъ видѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту предъ симъ какую-то тяжесть. Свѣтъ мѣсяца озарялъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея, гдѣ холстъ, гдѣ готовую руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ панталоны и нечищеные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постелѣ, а стоитъ на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда — ужъ этаго никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь и простыни на немъ дѣйствительно не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческіе глаза. Холодный потъ выступилъ на лицѣ

его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ будто приросли къ землѣ. И видитъ онъ: это уже не сонъ; черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться къ нему, какъ будто бы хотѣли его высосать... съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ и проснулся. «Не ужели и это былъ сонъ?» Съ біющимся на-разрывъ сердцемъ ощупалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постелѣ въ такомъ точно положеньи, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы; свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ видѣнъ былъ портретъ, закрытый какъ слѣдуетъ простынею, такъ какъ онъ самъ закрылъ его. И такъ это былъ тоже сонъ! Но сжатая рука чувствуетъ донынѣ, какъ будто бы въ ней что-то было. Біеніе сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и пристально глядѣлъ на простыню. И вотъ видитъ ясно, что простыня начинаетъ раскрываться, какъ будто бы подъ нею барахтались руки и силились ее сбросить. «Господи, Боже мой, что это!» вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянно, и проснулся. И это былъ также сонъ! Онъ вскочилъ съ постели, полоумный, обезпамятѣвшій, и уже не могъ изъяснить, что это съ нимъ дѣлается: давленье ли кашмара или домоваго, бредъ ли горячки, или живое видѣнье. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненье и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженнымъ пульсомъ по всѣмъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный

пахнувшій вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя не большія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожекъ извощика, который гдѣнибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Долго глядѣлъ онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ раждались признаки приближающейся зори; наконецъ почувствовалъ онъ приближающуюся дремоту, захлопнулъ форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснулъ какъ убитый самымъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: непріятная мокрота сѣялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныя картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный, какъ мокрый пѣтухъ, усѣлся онъ на своемъ оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что приняться, что дѣлать, и вспомнилъ наконецъ весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминанья сонъ этотъ представлялся въ его воображеньи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозрѣвать, точно ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего-то другаго, не было ли это видѣнье. Сдернувши простыню, онъ расмотрѣлъ

при дневномъ свѣтѣ этотъ страшный портретъ. Глаза точно поражали своей необыкновенной живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшнаго; только какъ будто какое-то неизъяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ сонъ. Ему казалось, что среди сна былъ какой-то страшный отрывокъ изъ дѣйствительности. Казалось, даже въ самомъ взглядѣ и выраженіи старика какъ будто что-то говорило, что онъ былъ у него эту ночь; рука его чувствовала только-что лежавшую въ себѣ тяжесть, какъ будто бы кто-то за одну только минуту предъ симъ ее выхватилъ у него. Ему казалось, что если бы онъ держалъ только покрѣпче свертокъ, онъ вѣрно остался бы у него въ рукѣ и послѣ пробужденія.

— Боже мой, если бы хотя часть этихъ денегъ! — сказалъ онъ тяжело вздохнувши, и въ воображеньи его стали высыпаться изъ мѣшка всѣ видѣнные имъ свертки съ заманчивой надписью: 1000 червонныхъ. Свертки разворачивались, золото блестѣло, заворачивалось вновь, и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и безсмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояньи оторваться отъ такаго предмета — какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ блюдомъ и видящій, глотая слюнки, какъ ѣдятъ его другіе. Наконецъ у дверей раздался стукъ, заставившій его непріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квар

тальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мѣлкихъ, какъ извѣстно, еще непріятнѣе, нежели для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшаго дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, былъ одно изъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны — творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сертука. Въ молодости своей онъ былъ капитанъ и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякой вздоръ; ходилъ по комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ; аккуратно по истеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами, выходилъ на улицу съ ключемъ въ рукѣ для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры, куда онъ запрятывался спать; однимъ словомъ, человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются однѣ пошлыя привычки.

«Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузмичь, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставивъ руки; вотъ не платитъ за квартиру, не платитъ.»

— Чтожъ, если нѣтъ денегъ? Подождите, я заплачу. —

«Мнѣ, батюшка, ждать нельзя, сказалъ хозяинъ въ-сердцахъ, дѣлая жестъ ключемъ, который держалъ въ рукѣ; у меня вотъ Потогонкинъ подполковникъ живетъ, семь лѣтъ ужъ живетъ; Анна Петровна Бухмистерова и сарай и конюшню занимаетъ на два стойла, трп при ней дворовыхъ человѣка — вотъ какіе у меня жильцы. У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такаго заведенья, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей-часъ же заплатить деньги, да и съѣзжать вонъ.»

—Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить — сказалъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

«Да чѣмъ платить? вопросъ. У меня нѣтъ теперь ни гроша.»

— Въ такомъ случаѣ удовлетворите Ивана Ивановича издѣльями своей профессіи, сказалъ кварталь-

ный, — онъ, можетъ быть, согласится взять картинами.

— Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить, хоть какой-нибудь генералъ со звѣздой или князя Кутузова портретъ, а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, что третъ краски. Еще съ него свиньи портретъ рисовать; ему я шею наколочу: онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергивалъ, мошенникъ. Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную, а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее совсѣмъ соромъ и дрязгомъ, какой ни валялся. Вотъ посмотрите, какъ запакостилъ у меня комнату, изволите сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухмистерова Анна Петровна... Нѣтъ, я вамъ скажу: нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья свиньей живетъ, просто не приведи Богъ —

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ. Квартальный надзиратель между тѣмъ занялся расматриваньемъ картинъ и этюдовъ и тутъ же показалъ, что у него душа живѣе хозяйской и даже была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ.

«Хе, сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина, предметъ, того... игривой. А у этаго зачѣмъ такъ подъ носомъ черно, табакомъ что-ли онъ себѣ засыпалъ?»

— Тѣнь — отвѣчалъ на это сурово и не обращая на него глазъ Чартковъ.

«Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто, сказалъ квартальный; а это чей портретъ? продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика; ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой страшной; ахти, да онъ просто глядитъ. Эхъ какой Громобой! Съ кого вы писали?»

— А это съ однаго... сказалъ Чартковъ, и не кончилъ слова: послышался трескъ. Квартальный пожалъ видно слишкомъ крѣпко раму портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ; боковыя досточки вломились во внутрь, одна упала на полъ и вмѣстѣ съ нею упалъ, тяжело звякнувъ, свертокъ въ синей бумагѣ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: 1000 червонныхъ. Какъ безумный бросился онъ поднять его, схватилъ свертокъ, сжалъ его судорожно въ рукѣ, спустившейся внизъ отъ тяжести.

«Никакъ деньги зазвенѣли,» сказалъ квартальный, услышавшій стукъ чего-то упавшаго на полъ и не могшій увидать его за быстротой движенья, съ какою бросился Чартковъ прибрать.

— А вамъ какое дѣло знать, что у меня есть?

«А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру; что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить—вотъ что.»

— Ну, я заплачу ему сегодня.

«Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете безпокойство хозяину, да вотъ и полицію тоже тревожите?

— Потому-что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать; я ему сегодня же ввечеру все заплачу и съѣду съ квартиры завтра же, потому-что не хочу оставаться у такаго хозяина. —

«Ну, Иванъ Ивановичь, онъ вамъ заплатитъ, сказалъ квартальный, обращаясь къ хозяину. А если на счетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня ввечеру; тогда ужь извините, господинъ живописецъ.» Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ сѣни,

а за нимъ хозяинъ, держа внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумьи.

—Слава Богу, чортъ ихъ унесъ!—сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянулъ въ переднюю, услалъ за чѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялся съ сильнымъ сердечнымъ трепетаньемъ разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до однаго новые, жаркіе какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя, не во снѣ ли все это. Въ сверткѣ было ровно ихъ тысяча; наружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣсколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ притти въ себя. Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ раззорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамильнаго портрета. Полный романическаго бреда, онъ сталъ даже думать, нѣтъ ли здѣсь какой нибудь тайной связи съ его судьбою, не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое пріобрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопредѣленіе. Онъ при-

нялся съ любопытствомъ разсматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ея былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый досечкой такъ ловко и неприметно, что если бы капитальная рука квартальнаго надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанія вѣка въ-покоѣ. Расматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отдѣлкѣ глазъ: они уже не казались ему страшными: но все еще въ душѣ оставалось всякой разъ невольно непріятное чувство. «Нѣтъ, сказалъ онъ самъ въ себѣ; чей бы ты ни былъ дѣдушка, а я тебя поставлю за стекло и сдѣлаю тебѣ за это золотыя рамки.» Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую предъ нимъ, и сердце забилось сильно отъ такаго прикосновенья. «Что съ нимъ сдѣлать? думалъ онъ, уставивъ на нихъ глаза. Теперь я обезпеченъ по крайней мѣрѣ на три года, могу запереться въ комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мѣшать и надоѣдать мнѣ теперь никто не станетъ: куплю себѣ отличный мапкенъ, закажу гипсовый торсикъ, сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюръ съ первыхъ картинъ. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ.»

Такъ говорилъ онъ заодно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но извнутри раздавался другой

голосъ слышнѣе и звонче. И какъ взглянулъ онъ еще разъ на золото, не то заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все то, на что онъ глядѣлъ доселѣ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ какъ въ немъ забилось ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ, разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую въ.... ... и прочее, и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ. Прежде всего зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы, и какъ ребенокъ сталъ обсматривать себя безпрестанно; накупилъ духовъ, помадъ, напялъ, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектѣ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купилъ нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуховъ, болѣе нежели было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, объѣлся безъ мѣры конфектовъ въ кондитерской и зашелъ къ ресторану Французу, о которомъ доселѣ слышалъ такіе же неясные слухи, какъ о Китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ обѣдалъ подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и поправляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселѣ было ему знакомо болѣе по слуху. Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и

онъ вышелъ на улицу живой, бойкой, по Русскому выраженію: чорту не братъ. Прошелся по тротуару гоголемъ, наводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо его, какъ будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ что остолбенѣвшій профессоръ долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ. Всѣ вещи и все, что ни было: станокъ, холстъ, картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ то, что было получше, на видныя мѣста, что похуже, забросилъ въ уголъ, и расхаживалъ по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая въ зеркала. Въ душѣ его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же часъ за хвостъ и показать себя свѣту. Уже чудились ему крики: «Чартковъ, Чартковъ! видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова!» Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатѣ—уносился ни вѣсть куда. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился онъ къ одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; былъ принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ почтеннѣйшій, пожавшимъ ему обѣ руки, распросившимъ подробно объ имени, отчествѣ, мѣстѣ жительства, и на другой же день появилась въ газетѣ вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ сальныхъ свѣчахъ статья съ такимъ заглавіемъ:

О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова: «Спѣшимъ «обрадовать образованныхъ жителей столицы прекра«снымъ, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ пріо«брѣтеніемъ. Всѣ согласны въ томъ, что у насъ есть «много прекраснѣйшихъ физіогномій и прекраснѣй«шихъ лицъ, но не было до сихъ поръ средства пе«редать ихъ на чудотворный холстъ, для передачи «потомству; теперь недостатокъ этотъ пополненъ: «отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ, что «нужно. Теперь красавица можетъ быть увѣрена, что «она будетъ передана со всей граціей своей красоты «воздушной, легкой, очаровательной, чудесной, подоб«ной мотылькамъ, порхающимъ по весеннимъ цвѣт«камъ. Почтенный отецъ семейства увидитъ себя «окруженнымъ своей семьей. Купецъ, воинъ, граж«данинъ, государственный мужъ — всякой съ новой «ревностью будетъ продолжать свое поприще. Спѣ«шите, спѣшите, заходите съ гулянья, съ прогулки, «предпринятой къ пріятелю, къ кузинѣ, въ блестя«щій магазинъ, спѣшите, откуда бы ни было. Вели«колѣпная мастерская художника (Невскій проспектъ, «такой-то номеръ) уставлена вся портретами его ки«сти, достойной Вандиковъ и Тиціановъ. Не знаешь, «чему удивляться, вѣрности ли и сходству съ ориги«налами, или необыкновенной яркости и свѣжести «кисти Хвала вамъ, художникъ: вы вынули счаст«ливый билетъ изъ лотереи. Виватъ, Андрей Петро«вичь (журналистъ, какъ видно, любилъ фамиліяр«ность)! Прославляйте себя и насъ. Мы умѣемъ цѣ-

«нить васъ. Всеобщее стеченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «деньги, хотя нѣкоторые изъ нашей же братьи журналистовъ и возстаютъ противъ нихъ, будутъ вамъ «наградою,»

Съ тайнымъ удовольствіемъ прочиталъ художникъ это объявленіе; лицо его просіяло. О немъ заговорили печатно — это было для него новостію; нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки. Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему сильно польстило. Фраза: вивать, Андрей Петровичь! также очень понравилась; печатнымъ образомъ называютъ его по имени и по отчеству — честь, донынѣ ему совершенно неизвѣстная. Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ, ерошить себѣ волоса, то садился на кресла, то вскакивалъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣтителей и посѣтительницъ, подходилъ къ холсту и производилъ надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукѣ. На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять, вошла дама, предводимая лакеемъ въ ливрейной шинели на мѣху, и вмѣстѣ съ дамой вошла молоденькая 18-лѣтняя дѣвочка, дочь ея.

Вы мсье Чартковъ? «сказала дама. Художникъ поклонился.

«Объ васъ столько пишутъ; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства.» Сказавши это, дама наставила на глазъ лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было. «А гдѣ же ваши портреты.»

Вынесли, сказалъ художникъ, нѣсколько смѣшавшись; я только-что переѣхалъ еще на эту квартиру, такъ они еще въ дорогѣ... не доѣхали. —

«Вы были въ Италіи?» сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другаго, на что бы можно было навесть его.

— Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть... впрочемъ теперь покамѣсть я отложилъ... Вотъ кресла-съ; вы устали.. —

«Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ наконецъ вижу вашу работу! — сказала дама, побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наводя лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. Cest charmant, Lise, Lise venez ici: комната во вкусѣ Теньера, видишь: безпорядокъ, безпорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль, видишь, какъ пыль нарисована! c'est charmant. А вотъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лице—quelle jolie figure! Ахъ мужичокъ! Lise, Lise, мужичокъ въ Русской рубашкѣ! смотри: мужи-

чокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?

— О, это вздоръ... Такъ, шалплъ... этюды...—

«Скажите, какаго вы мнѣнія на счетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-Русски (дама была любительница живописи и оббѣгала съ лорнетомъ всѣ галлереи въ Италіи). Однако; мсьё Ноль... ахъ, какъ онъ пишетъ! Какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженья въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсьё Ноля?»

— Кто этотъ Поль?—спросилъ художникъ.

«Мсьё Ноль. Ахъ, какой талантъ! онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было только 12 лѣтъ. Нужно, чтобы вы непремѣнно у насъ были. Lise, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ.»

— Какъ же, я готовъ сію минуту. — И въ одно мгновенье придвинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки палитру, вперилъ глазъ въ блѣдное личико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ

человѣческой природы, онъ прочелъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длинноту времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ одномъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилѣжанія къ разнымъ искуствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ нѣжномъ личикѣ одну только заманчивую для кисти почти фарфорную прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и копіями кое-какихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ въ мысляхъ, какъ выдетъ это легонькое личико.

— Знаете ли, сказала дама съ нѣсколько даже трогательнымъ выраженіемъ лица, я бы хотѣла: на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобъ она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ... простоты, простоты чтобы было больше.» (Увы! на

лицахъ и матушки и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что объ сдѣлались чуть не восковыми).

Чартковъ принялся за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ, взглянулъ издали, и въ одинъ часъ началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялся уже писать, работа его завлекла. Уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки, временами подпѣвая, какъ случается съ художникомъ, погруженнымъ всею душою въ свое дѣло. Безъ всякой церемоніи однимъ движеньемъ кисти заставлялъ онъ оригиналъ поднимать голову, который наконецъ началъ сильно вертѣться и выражать совершенную усталось.

«Довольно, на первый разъ довольно,» сказала дама.

— Еще немножко, — говорилъ позабывшійся художникъ.

— Нѣтъ, пора! Lise, три часа! — сказала она, вынимая маленькіе часы, висѣвшіе на золо-

той цѣпи у ея кушака, и вскрикнула: — ахъ, какъ поздно! —

«Минуточку только», говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просящимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угождать на этотъ разъ его художественнымъ потребностямъ и обѣщала вмѣсто того просидѣть въ другой разъ долѣе.

«Это однакожъ досадно, подумалъ про себя Чартковъ; рука только-что расходилась.» И вспомнилъ онъ, что ему никто не перебивалъ и не останавливалъ, когда онъ работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ; Никита, бывало, сидѣлъ не ворохнувшись на одномъ мѣстѣ — пиши съ него, сколько угодно· онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онъ свою кисть и палитру на стулъ, и остановился смутно предъ холстомъ. Комплиментъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онъ бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лѣстницѣ получилъ приглашеніе бывать, прійти на слѣдующей недѣлѣ обѣдать, и съ веселымъ видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До сихъ поръ онъ глядѣлъ на подобныя существа какъ на что-то недоступное, которыя рождены только для того, чтобы

пронестись въ великолѣпной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ плащишкѣ человѣка. И вдругъ теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату; онъ пишетъ портретъ, приглашенъ на обѣдъ въ аристократическій домъ. Довольство овладѣло имъ необыкновенное; онъ былъ упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ, и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычная работа ему не шла вовсе на умъ. Онъ только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ аристократическая дама пріѣхала вмѣстѣ съ своею блѣдненькою дочерью. Онъ усадилъ ихъ, придвинулъ холстъ уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки, и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онъ увидѣлъ въ легонькомъ своемъ оригиналѣ много такаго, что, бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидѣлъ, что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой окончательности, въ какой теперь представлялась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онъ почувствовалъ, что выразитъ то, чего еще не замѣтили другіе. Работа заняла его всего, весь погрузился онъ въ кисть, позабывъ

опять объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходили у него легкія черты и это почти прозрачное тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ ловилъ всякой оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: «ахъ, зачѣмъ это? это не нужно, говорила дама. У васъ тоже... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто и вотъ здѣсь совершенно какъ темныя пятнышки.» Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются; и что это ему только такъ кажется.—Но позвольте здѣсь въ одномъ только мѣстѣ тронуть немножко желтенькой краской — сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко нерасположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ и лицо поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялся онъ изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общій колоритъ, который дается наизустъ и обращаетъ даже лица, взятыя съ натуры, въ какія то

холодно-идеальныя, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъявила только удивленье, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса оканчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся на это отвѣчать. Дамы поднялись и собирались выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ передъ своимъ портретомъ. Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его между-тѣмъ носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ оттѣнки и воздушные тоны, имъ подмѣченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскалъ у себя гдѣ-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ однихъ общихъ чертъ, не принявшее живаго тѣла. Отъ нѣчего дѣлать онъ теперь принялся проходить его, припоминая на немъ все, что случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической посѣтительницы. Уловленныя имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь ложились въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отдаляется отъ нея и производитъ ей равное созданіе. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало по малу облекаться въ видимое

тѣло. Типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался по частямъ и вмѣстѣ всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Объ дамы издали радостный крикъ изумленья и всплеснули руками.

«Lise, Lise! ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe! Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ Греческой костюмъ. Ахъ, какой сюпризъ!»

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо: — это Психея. —

«Въ видѣ Психеи? C'est charmant! сказала мать, улыбнувшись; причемъ улыбнулась также и дочь. Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée delicieuse! Но какая работа! Это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ.» Дамъ, какъ

видно, хотѣлось также предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

— Что мнѣ съ ними дѣлать? подумалъ художникъ; если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется, — и произнесъ вслухъ: — Потрудитесь еще немножко присѣсть, я кое-что немножко трону. —

«Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа.» Но художникъ понялъ, что опасенья были на счетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженья глазамъ. А по справедливости ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорилъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно черты блѣдной дѣвушки стали наконецъ выходить яснѣе изъ облика Психеи.

«Довольно!» сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось наконецъ уже черезъчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеньемъ на обѣды; словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ. Портретъ произвелъ по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искуству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ

придать красоту оригиналу. Послѣднее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны это могло быть хорошо, представляя ему безконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ. Но на бѣду, это все былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить, народъ торопливый, занятой, или же принадлежащій свѣту, стало быть, еще болѣе занятой, нежели всякой другой, и потому нетерпѣливый до-крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобъ было хорошо и скоро. Художникъ увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти. Схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженье и не углубляться кистью въ утонченныя подробности; однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея окончательности было рѣшительно невозможно. Притомъ нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характеръ изображались въ портретахъ, чтобы остальнаго иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъянцы и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе. Словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И въ слѣдствіе этаго, садясь писаться, онѣ принимали иногда такія выраженія, которыя

приводили въ изумленье художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолію, другая мечтательность, третья во что бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался наконецъ въ одну точку, не больше булавочной головки. И не смотря на все это, требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мущины тоже были ничѣмъ не лучше дамъ. Одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ, энергическомъ поворотѣ головы; другой съ поднятыми къ верху вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ непремѣнно, чтобы въ глазахъ видѣнъ былъ Марсъ; гражданскій чиновникъ норовилъ такъ, чтобы побольше было прямоты, благородства въ лицѣ и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы чоткими словами было написано: «всегда стоялъ за правду». Сначала художника бросали въ потъ такія требованья: все это нужно было сообразить, обдумать, а между-тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся ни сколько. Даже изъ двухъ, трехъ словъ смекалъ впередъ, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байрона, онъ давалъ ему Байроновское положенье и поворотъ. Кориной ли, Ундиной, Аспазіей ли желали быть дамы, онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадитъ и за что простятъ иногда

художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писавшіеся, само собою разумѣется, были въ восторгѣ и провозглашали его геніемъ.

Чартковъ сдѣлался модным живописцемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сталъ ѣздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлереи и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художникъ долженъ принадлежать къ обществу, что нужно поддержать его званье, что художники одѣваются какъ сапожники, не умѣютъ прилично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, въ мастерской онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлилъ двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ, переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, завился, занялся улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ которыми принимать посѣтителей, занялся украшеніемъ всѣми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею пріятное впечатлѣніе на дамъ; однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. О художникахъ и объ искуствѣ онъ изъяснялся теперь рѣдко: утверждалъ, что прежнимъ художникамъ уже черезъ-чуръ много приписано достоинства, что всѣ они до Рафаэля писали не фигу-

ры, а селедки; что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо и за многими произведеніями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжелъ хвастунъ, потому-что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи, что граціозности въ немъ нѣтъ никакой, и что настоящій блескъ, силу кисти и колоритъ нужно искать только теперь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Тутъ натурально невольнымъ образомъ доходило дѣло и до себя. «Нѣтъ, я не понимаю, говорилъ онъ, напряженья другихъ сидѣть и корпѣть съ трудомъ. Этотъ человѣкъ, который копается по нѣсколько мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ труженикъ, а не художникъ. Я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ. Геній творитъ смѣло, быстро. Вотъ у меня, говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посѣтителямъ, этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ. Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что лѣпится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество.» Такъ разсказывалъ онъ своимъ посѣтителямъ, и посѣтители дивились силѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились, и потомъ пересказывали другъ другу:—Это талантъ, истинный талантъ! Посмотрите, какъ онъ го-

воритъ, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!—

Художнику было лестно слышать о себѣ такіе слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатной листъ вездѣ и будто бы нечарочно показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоѣдать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положенье и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросить только кое-какъ одну голову, а остальное давалъ доканчивать ученикамъ. Прежде онъ все-таки искалъ дать какое нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему не въ-мочь, да и некогда: разсѣянная жизнь и общество, гдѣ онъ старался сыграть роль свѣтскаго человѣка, все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тупѣла, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы. Однообразныя, холодныя, вѣчно прибранныя и, такъ сказать, застегнутыя лица чиновниковъ военныхъ и штатскихъ не много представляли поля для кисти: она позабывала и великолѣпныя драпи-

ровки и сильныя движенія и страсти. О группахъ, о художественной драмѣ, о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ да корсетъ, да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинствъ самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между-тѣмъ они все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чарткова прежде, не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованье въ человѣкѣ, тогда какъ онъ только-что достигнулъ еще полнаго развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣтъ: сталъ толстѣть и видимо раздаваться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ. Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать на экзамены, въ комитеты. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ

высокомъ достоинствѣ, но потому, чтобы колоть ими въ глаза молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изъятья молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа. Уже начиналъ онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенья свыше нѣтъ и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразья. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало по малу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ дать наслажденья тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ; она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и какъ всякой, кому достается въ удѣлъ этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему, кромѣ золота, безпричиннымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ, и уже готовъ былъ обратить-

ся въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный жизни и сердца человѣкъ, которому кажутся они движущимися каменными гробами съ мертвецомъ внутри на мѣсто сердца. Но одно событіе сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ своемъ записку, въ которой Академія Художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ присланномъ изъ Италіи произведеніи усовершенствовавшагося тамъ Русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ посилъ въ себѣ страсть къ искуству, съ пламенной душой труженика погрузился въ него всей душою своей, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ, и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ спѣетъ величавый разсадникъ искуствъ, въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ какъ отшельникъ погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемыя ничѣмъ занятія. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣніи обращаться съ людьми, о несоблюденіи свѣтскихъ приличій, о униженіи, которое онъ причинялъ званію художника своимъ скуднымъ, нещегольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердилась ли или

нѣтъ на него его братья. Всѣмъ пренебрегалъ онъ, все отдалъ искуству. Неутомимо посѣщалъ галлереи, по цѣлымъ часамъ застаивался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданьяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ, ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изо всего только то, что было въ немъ прекрасно, и наконецъ оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля. Подобно какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставлялъ наконецъ себѣ настольною книгой одну только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и что нѣтъ того, чтобы что не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чартковъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ поспѣшилъ принять

значительную физіономію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное какъ невѣста стояло предъ нимъ произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто какъ геній возносилось оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую невиданную кисть. Все тутъ казалось соединилось вмѣстѣ: изученье Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительнѣй всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самаго художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила. Вездѣ уловлена была эта плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у кописта. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника устремилъ его одной согласной, торжественной пѣснью И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданьемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной

тишины, которою невольно были объяты всѣ, вперившіе глаза на картину—ни шелеста, ни звука; а картина между-тѣмъ ежемгновенно казалась выше и выше; свѣтлѣй и чудеснѣй отдѣлялась отъ всего и вся превратилась наконецъ въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли, мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію. Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ стоялъ Чартковъ передъ картиною, и наконецъ, когда мало по малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда наконецъ обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное, пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, въ родѣ слѣдующаго: «Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта отъ художника; есть кое-что, видно, что хотѣлъ онъ выразить что-то, однако же, что касается до главнаго...» И вслѣдъ за этимъ прибавить, разумѣется, такія похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику. Хотѣлъ это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ какъ безумный выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и безчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности; истребить, погасить искру огня, можетъ быть, теплившагося въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслію: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже отзывался неправильностію и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынесть прочь

изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенья, всѣ безжизненныя модныя картинки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ. Заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать и весь погрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпощадно-неблагодарно было все то, что выходило изъ-подъ его кисти! На каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой, незначущій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затвержеиным формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ!

«Но точно ли былъ у меня талантъ? сказалъ онъ наконецъ: не обманулся ли я?» И произнесши сіи слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работались когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ острову, вдали людей, изобилья и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ всѣ, и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его

памяти вся прежняя бѣдная жизнь его. «Да, проговорилъ онъ отчаянно, у меня былъ талантъ. Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...»

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно-вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей. Теперь же какъ нарочно, когда были вынесены всѣ модные портреты и картины, наполнявшія мастерскую, онъ выглянулъ на верхъ вмѣстѣ съ прежними произведеніями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что нѣкоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенья, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ въ немъ всѣ суетныя побужденья, погубившія его талантъ—почти бѣшенство готово было ворваться къ нему въ душу. Онъ въ ту жъ минуту велѣлъ вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненье отъ того не умирилось: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна, и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, ту муку, которая въ юношѣ раждаетъ великое, но въ пере-

шедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду, ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденья. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундукп. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякой заранѣе отчаявался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичь, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на него: вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Хула на

міръ и отрицаніе изображалось само собой въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья ничего не произносили его уста. Подобно какой-то Гарпіи, попадался онъ на улицѣ, и всѣ его даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избѣгнуть такой встрѣчи, говоря, что она достаточна отравить потомъ весь день.

Къ счастію міра и искуствъ такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще и наконецъ все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣли имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Онъ двоился, четверился въ его глазахъ; всѣ стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу, комната расширялась и про-

должалась безконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавалъ одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. Наконецъ жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искуства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

—

ЧАСТЬ II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искуствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, которые невинно прослыли Меценатами и простодушно издержали для этаго милліоны, накоплен-

ные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ Меценатовъ, какъ извѣстно, теперь уже нѣтъ, и нашъ XIX-й вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физіономію банкира, наслаждающагося своими милліонами только въ видѣ цыфръ, выставляемыхъ на бумагѣ. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпой посѣтителей, налетѣвшихъ какъ хищныя птицы на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія Русскихъ купцовъ изъ гостинаго двора и даже толкучаго рынка въ спинхъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженье лицъ были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означались той притворной услужливостью, которая такъ видна въ Русскомъ купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покупщикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, не смотря на то, что въ сей же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать въ немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другаго занятія отъ 12 до 1 часа; наконецъ тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы очень худы,

которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку; съ ними были перемѣшаны и мебели и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ быть, не имѣвшаго вовсе похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты, люстры, кенкеты, все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искуствъ. Вообще ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ, безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальной голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искуствамъ. Все это, кажется, усиливаетъ еще болѣе странную непріятность впечатлѣнья.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшись вмѣстѣ, хлопотала о чемъ-то наперерывъ. Со всѣхъ сто-

ронъ раздававшіяся слова: «рубль, рубль, рубль,» не давали времени аукціонисту повторять надбавляемую цѣну, которая уже возрасла вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ по-видимому уже нѣсколько разъ былъ реставрированъ и поновленъ и представлялъ смуглыя черты какаго-то Азіатца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженьемъ въ лицѣ, но болѣе всего обступившіе были поражены необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому во внутрь. Эта странность, этотъ необыкновенный фокусъ художника заняли вниманье почти всѣхъ. Много уже изъ состязавшихся о немъ отступились, потому-что цѣну набили неимовѣрную. Остались только два извѣстные аристократа, любители живописи, не хотѣвшіе ни за что отказаться отъ такаго пріобрѣтенья. Они горячились и набили бы вѣроятно цѣну до невозможности, если бы вдругъ одинъ изъ тутъ же расматривавшихъ не произнесъ: «позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ. Я, можетъ быть, болѣе, нежели всякой другой, имѣю право на этотъ портретъ.» Слова эти въ-мигъ обратили на него вниманіе всѣхъ. Это былъ стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то

свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста. Это былъ точно художникъ Б., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ. «Какъ ни странны вамъ покажутся слова мои, продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе, но если вы рѣшитесь выслушать небольшую исторію, можетъ быть, вы увидите, что я былъ вправѣ произнести ихъ. Все меня увѣряетъ, что портретъ есть тотъ самый, котораго я ищу.» Весьма естественное любопытство загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самый аукціонистъ, разинувъ ротъ, остановился съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать. Въ началѣ расказа многіе обращались невольно глазами къ портрету, но потомъ всѣ вперились въ однаго раскащика по мѣрѣ того, какъ расказъ его становился занимательнѣй.

«Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломною. Такъ онъ началъ. Тутъ все непохоже на другія части Петербурга; тутъ не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейдя въ Коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя всякія молодыя желанья и порывы. Сюда не заходитъ будущее, здѣсь все тишина и отставка, все, что осѣло отъ столичнаго движенья. Сюда переѣзжаютъ на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе знакомство съ Сенатомъ и потому осудившіе себя

здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавочкѣ и забирающія каждый день на 5 копѣекъ кофею да на четыре сахару, и наконецъ весь тотъ разрядъ людей, который можно назвать однимъ словомъ: пепельный, людей, которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури, ни солнца, а бываетъ просто ни сё, ни то: сѣется туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что не обращая глазъ, молчатъ, ни о чемъ не думая. Въ комнатѣ ихъ не много добра; иногда просто штофъ чистой Русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго сильнаго прилива въ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой Нѣмецкій ремесленникъ, этотъ удалецъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за 12 часовъ ночи.

Жизнь въ Коломнѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бря-

каньемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ все пѣшеходы, извощикъ весьма часто безъ сѣдока плетется, таща сѣно для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пенсіонъ, тутъ самыя аристократическія фамиліи; онѣ ведутъ себя хорошо, метутъ часто свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дороговизнѣ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собаченка и стѣнные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденья. Они, сидя въ халатахъ, чинятъ пистолетъ, клеятъ изъ картона всякія вещицы, полезныя для дома, играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки и карты, и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввечеру, съ присоединеньемъ кое-когда пунша. Послѣ сихъ тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество насѣкомыхъ, которое зараждается въ старомъ уксусѣ. Тутъ есть старухи, которыя пьянствуютъ, старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами, какъ муравьи таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Калинкина мосту до тол-

кучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ; словомъ, часто самый несчастный осадокъ человѣчества, которому бы ни одинъ благодѣтельный политическій экономъ не нашелъ средствъ улучшить состояніе. Я для того привелъ ихъ, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, прибѣгать къ займамъ, и тогда поселяются между ними особаго рода ростовщики, снабжающіе небольшими суммами подъ заклады и за большіе проценты. Эти небольшіе ростовщики бываютъ въ нѣсколько разъ безчувственнѣй всякихъ большихъ, потому-что возникаютъ среди бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ лохмотьевъ, которыхъ не видитъ богатый ростовщикъ, имѣющій дѣло только съ пріѣзжающими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ рано умираетъ въ душахъ ихъ всякое чувство человѣчества. Между такими ростовщиками былъ одинъ.... но не мѣшаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялся разсказать, относится къ прошедшему вѣку, именно къ царствованію покойной Государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. И такъ между ростовщиками былъ одинъ—существо во всѣхъ отношеніяхъ обыкновенное, поселившееся уже давно въ сей части города. Онъ ходилъ въ широкомъ Азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхож-

леніе, но какой именно былъ онъ націи: Индѣецъ, Грекъ, Персіянинъ, объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленое лицо и какой-то непостижимо страшный цвѣтъ его, большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ пепельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыхъ когда-то построили вдоволь Генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами. Этотъ ростовщикъ отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва по обыкновенію разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоцѣнностей, бриліантовъ и всякихъ залоговъ, но что однакоже онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казалось, весьма выгодно сроки платежей. Но какими-то ариѳметическими странными выкладками заставлялъ ихъ восходить до непомѣрныхъ процентовъ Такъ по крайней мѣрѣ говорила молва. Но что страннѣе всего и что не могло не поразить многихъ — это была

странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги: всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпые суевѣрные толки, или съ умысломъ распущенные слухи—это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны. Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ поприщѣ, жаркій почитатель всего истиннаго, возвышеннаго, ревнитель всего, что породило искуство и умъ человѣка, пророчившій въ себѣ Мецената. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой Государыней, ввѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованіями, мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра. Молодой вельможа окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и наконецъ разстроился. Но, полный великодушнаго движенья, онъ не хотѣлъ отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и наконецъ обратился къ извѣстному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно: сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ развиваю-

щагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковалъ криво всякое слово. Тогда на-бѣду случилась Французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ подозрѣній. Онъ сталъ видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ наконецъ подозрѣвать самаго себя, сталъ сочинять ужасные, несправедливые доносы, надѣлалъ тьму несчастныхъ. Само собой разумѣется, что такіе поступки не могли не достигнуть наконецъ Престола. Великодушная Государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго Вѣнценосцевъ, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенья души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенья ума, поэзіи и художествъ; что напротивъ одни Монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры, Мольеры процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой, между-тѣмъ какъ Дантъ не могъ найти ума въ своей республиканской родинѣ; что истинные геніи возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили міру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ, ибо

одинъ только миръ и прекрасную тишину низводятъ они въ душу, а не волненье и ропотъ; что ученые, поэты и всѣ производители искуствъ суть перлы и бриліанты въ Императорской коронѣ; имп красуется и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ, Государыня, произнесшая сіи слова, была въ эту минуту божественно-прекрасна. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ. Въ дѣлѣ всѣ приняли участіе. Къ чести нашей народной гордости надобно замѣтить, что въ Русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣренность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ. Это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя разсказать, какъ страдала тщеславная душа; гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды, все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь.—Другой разительный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліянье нашей сѣверной красоты съ красотой полудня, бриліантъ, какой попадается на свѣтѣ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть

Искателей была толпа, и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйшій, лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицемъ и рыцарскими, великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ, Грандинсонъ во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влюбленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неровною. Родовыя вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилія была въ немилости, и плохое положенье дѣлъ его было извѣстно всѣмъ. Вдругъ князь оставляетъ на-время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла, и, спустя непродолжительное время, является окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его извѣстнымъ Двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этаго не могъ навѣрно изъяснить никто; но поговаривали стороною, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ непостижимымъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ. Какъ бы-то ни было, но свадьба заняла весь городъ. И женихъ и невѣста были предметомъ общей зависти. Всѣмъ была извѣстна ихъ жаркая, постоянная любовь, долгія томленья, претерпѣнныя съ обѣихъ сторонъ, высокія достоинства обоихъ. Пламенныя женщины начертывали заранѣе то райское блаженство, которымъ будутъ наслаждаться молодые

супруги. Но вышло все иначе. Въ одинъ годъ произошла страшная перемѣна въ мужѣ. Ядомъ подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился дотолѣ благородный и прекрасный характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей, и, чего бы никто не могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорныхъ поклонниковъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить долѣе тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ пришелъ въ бѣшенство при одной мысли о томъ. Въ первомъ движеньи неистовства ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножемъ и безъ сомнѣнія закололъ бы ее тутъ же, если бы его не схватили и не удержали. Въ порывѣ изступленья и отчаянья онъ обратилъ ножъ на себя—и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь. Кромѣ сихъ двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, разсказывали множество случившихся въ низшихъ классахъ, которые почти всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ дѣлался пьяницей; тамъ купеческій прикащикъ обворовалъ своего хозяина; тамъ извощикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ сѣдока. Нельзя, чтобы такія происшествія, разсказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какаго-то невольнаго ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвал-

ся о присутствіи нечистой силы въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ поднимались волоса и которыхъ никогда потомъ не посмѣлъ несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ притягающее свойство, раскаляются сами собою и носятъ какіе-то странные знаки... словомъ, много было всякихъ нелѣпыхъ толковъ. И замѣчательно то, что все это Коломенское поселеніе, весь этотъ міръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и, словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, нежели обратиться къ страшному ростовщику; находили даже умершихъ отъ голода старухъ, которыя лучше соглашались умертвить свое тѣло, нежели погубить душу. Встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Пѣшеходъ осторожно пятился и долго еще озирался послѣ того назадъ, слѣдя пропадавшую вдали его непомѣрную высокую фигуру. Въ одномъ уже образѣ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, врѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій бронзовый цвѣтъ лица; эта непомѣрная густина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самыя широкія складки его Азіатской одежды, все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ; были блѣдны всѣ страсти

другихъ людей. Отецъ мой всякой разъ останавливался неподвижно, когда встрѣчалъ его, и всякой разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: дьяволъ, совершенный дьяволъ! Но надобно васъ поскорѣе познакомить съ моимъ отцомъ, который между-прочимъ есть настоящій сюжетъ этой исторіи. Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедшій по причинамъ, можетъ быть, непзвѣстнымъ ему самому, одною только указанною изъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честятъ обиднымъ словомъ «невѣжи» и которые не охлаждаются отъ охуленій и собственныхъ неудачь, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло невѣжи. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ собой истинное значеніе слова: историческая живопись; постигнулъ, почему простая головка, простой портретъ Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать исторической живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ tableau de genre, не смотря на всѣ притязанья художника на историчес-

кую живопись. И внутреннее чувство, и собственное убѣжденіе обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, такъ неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубой, покрытый снаружи нѣсколько черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о людяхъ вмѣстѣ и снисходительно и рѣзко. «Что на нихъ глядѣть, обыкновенно говорилъ онъ, вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня, поблагодаритъ. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслитъ живописи; зато онъ смыслитъ въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ — зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другаго, да пойдетъ умничать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякой пусть занимается своимъ. По мнѣ ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говоритъ прямо, что онъ не знаетъ толку, нежели тотъ, который корчитъ лицемѣра, говоритъ, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадитъ да портитъ.» Онъ работалъ за небольшую плату, то есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанья семейства и для доставленья возможности трудиться. Кромѣ того онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помо-

щи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и отъ того, можетъ быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженье, до котораго не могли докопаться блестящіе таланты. Наконецъ постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощенымъ самоучкой. Ему давали безпрестанно заказы въ церкви, и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чемъ именно состоялъ сюжетъ ея, знаю только то — на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тѣмъ, какой дать ему оборотъ; ему хотѣлось осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственнаго ростовщика, и онъ думалъ невольно: «Вотъ бы съ кого мнѣ слѣдовало написать дьявола.» Судите же объ его изумленіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь и вслѣдъ затѣмъ прямо взошелъ къ нему ужасный ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

— Ты художникъ?—сказалъ онъ безъ всякихъ церемоній моему отцу.

— Художникъ— сказалъ отецъ въ недоумѣньи, ожидая, что будетъ далѣе.

— Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно какъ живой? —

Отецъ мой подумалъ: «чего лучше? онъ самъ просится въ дьяволы ко мнѣ на картину.» Далъ слово. Они уговорились во времени и цѣнѣ, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые странными коврами и наконецъ самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ, все это произвело на него странное впечатлѣніе. Окна какъ нарочно были заставлены и загромождены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. «Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!» сказалъ онъ про себя, и принялся жадно писать, какъ бы опасаясь, чтобы какъ нибудь не исчезло счастливое освѣщенье. «Экая сила!» повторилъ онъ про себя. «Если я хотя вполовину изображу его такъ, какъ онъ есть теперь, онъ убьетъ всю мою прежнюю работу; онъ у меня просто выскочитъ изъ полотна, если только хоть немного буду вѣренъ натурѣ. Какія необыкновенныя

черты!» повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвенье, и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ самому. Однако же, не смотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальною точностью всякую незамѣтную черту и выраженье. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать ихъ точно, какъ были въ натурѣ. Однакоже во что бы-то ни стало, онъ рѣшился доискаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и оттѣнка, постигнуть ихъ тайну... Но какъ только началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращеніе, такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ уже не могъ онъ болѣе выносить, онъ чувствовалъ, что эти глаза вонзались ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ странный ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ сего зависитъ судьба его и существованіе въ мірѣ, что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты,

что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ, что онъ чрезъ то не умретъ совершенно, что ему нужно присутствовать въ мірѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ такихъ словъ: они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ и кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты. Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь, а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не даетъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Ввечеру того же дни узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религіи. Все это казалось ему неизъяснимо-странно. А между-тѣмъ съ этаго времени оказалась въ характерѣ его ощутительная перемѣна: онъ чувствовалъ неспокойное, тревожное состояніе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро произвелъ онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать: съ нѣкотораго времени труды одиаго изъ учениковъ его начали привлекать вниманіе небольшаго круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему за то свое особенное расположеніе. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участіе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ къ довершенію досады узнаетъ онъ, что ученику его предложили

написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. «Нѣтъ, не дамъ же молокососу восторжествовать!» говорилъ онъ. «Рано, братъ, вздумалъ стариковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадитъ въ грязь.» И прямодушный, честный въ душѣ человѣкъ употребилъ интриги и происки, которыми дотолѣ всегда гнушался; добился наконецъ того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ и другіе художники могли войти также съ своими работами. Послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ принялся за кисть. Казалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь Духовная особа, сдѣлалъ замѣчаніе пораньше всѣхъ. «Въ картинѣ художника точно есть много таланта,» сказалъ онъ, «но нѣтъ святости въ лицахъ; есть даже напротивъ того что-то демонское въ глазахъ, какъ будто бы рукою художника водило нечистое чувство.» Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ сихъ словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ гля-

дѣли демонски-сокрушительно, что онъ самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ къ неописанной своей досадѣ услышать, что первенство осталось за его ученикомъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ которымъ онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ ножа и велѣлъ разложить огонь въ каминѣ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеньи засталъ его вошедшій въ комнату пріятель, живописецъ какъ и онъ, весельчакъ всегда довольный собой, незаносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирушку.

Что ты дѣлаешь, что собираешься жечь? сказалъ онъ и подошелъ къ портрету. Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно умеръ; да, это совершеннѣйшая вещь. Ты ему просто попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизнь никогда не глядѣли глаза, какъ они глядятъ у тебя.

— А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ глядѣть въ огнѣ,—сказалъ отецъ, сдѣлавши движенье швырнуть его въ каминъ

— Остановись ради Бога! — сказалъ пріятель, удержавъ его.—Отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени колетъ глазъ.—Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ согласился, и весельчакъ, чрезвычайно довольный своимъ пріобрѣтеніемъ, утащилъ портретъ съ собою.

По уходѣ его отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно какъ будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной перемѣнѣ своего характера. Разсмотрѣвши поступокъ свой, онъ опечалился душою и не безъ внутренней скорби произнесъ: «Нѣтъ, это Богъ наказалъ меня; картина моя по-дѣломъ понесла посрамленье. Она была замышлена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило моею кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней.» Онъ немедленно отправился искать бывшаго ученика своего, обнялъ его крѣпко, просилъ у него прощенья и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли по-прежнему безмятежно; но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молился, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о людяхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще болѣе потрясло его. Онъ уже давно не видался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ.

Уже собирался-было идти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату. Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, онъ сказалъ:—ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то странное.... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но воля твоя: въ немъ сидитъ нечистая сила...

— Какъ? — сказалъ отецъ мой.

— А такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ повѣсилъ я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно какъ будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, что такое безсонница, а теперь испыталъ не только безсонницу, но сны такіе... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это или что другое: точно домовой тебя душитъ и все мерещится проклятой старикъ. Однимъ словомъ, не могу расказать тебѣ моего состоянія. Подобнаго со мной никогда не бывало. Я бродилъ какъ шальной всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго и искренняго слова; точно какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, состряпалъ ты чорта.

Во время этаго расказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ, и наконецъ спросилъ:—и портретъ теперь у твоего племянника?

— Куды у племянника! не выдержалъ, сказалъ весельчакъ. — Знать, душа самаго ростовщика переселилась въ него: онъ выскакиваетъ изъ рамъ, расхаживаетъ по комнатѣ, и то, что разсказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, если бы отчасти не испыталъ самъ. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже кому-то сбылъ съ рукъ.

Этотъ расказъ произвелъ сильное впечатлѣнье на моего отца. Онъ задумался не вшутку, впалъ въ ипохондрію и наконецъ совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ самомъ дѣлѣ какъ нибудь въ портретъ и тревожитъ теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, совращая художника съ пути, порождая страшныя терзанья зависти и проч. и проч. Три случившіяся вслѣдъ затѣмъ несчастія, три внезапныя смерти жены, дочери и малолѣтнаго сына почелъ онъ небесною казнью себѣ и рѣшился непремѣнно оставить свѣтъ. Какъ только минуло мнѣ девять лѣтъ, онъ помѣстилъ меня въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ

скоро постригся въ монахи. Тамъ, строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденіемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ, онъ изумилъ всю братью. Настоятель монастыря, узнавши объ искуствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ на-отрѣзъ, что онъ недостоинъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился съ благословенья настоятеля въ пустынь, чтобъ быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до заката солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ поднятыми къ небу руками, читая безпрерывно молитвы. Словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣ возможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженья, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы. Наконецъ въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю: «теперь я готовъ. Если Богу угодно, я совершу свой трудъ.» Предметъ, взя-

тый имъ, было Рождество Іисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было точно чудо кисти. Надобно знать, что ни братья, ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественнаго смиренья и кротости въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся надъ Младенцемъ, глубокій разумъ въ очахъ Божественнаго Младенца, какъ будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихся къ ногамъ Его, и наконецъ святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину — все это предстало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты, что впечатлѣнье было магическое. Вся братья повергласъ на колѣна предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ: «Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искуства произвести такую картину: святая высшая сила водила твоею кистью и благословенье небесъ почило на трудѣ твоемъ.»

Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Италію—лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. Мнѣ оставалось только проститься съ моимъ отцомъ, съ которымъ

уже 12 лѣтъ я разстался. Признаюсь, даже самый образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько наслышался о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ встрѣтить чорствую наружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бдѣнья. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселія. Бѣлая какъ снѣгъ борода и тонкіе, почти воздушные волосы такаго же серебристаго цвѣта разсыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервія, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда; но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искуствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякой мой собратъ сдѣлалъ тоже.

«Я ждалъ тебя, сынъ мой,» сказалъ онъ, когда я подошелъ къ его благословенью. «Тебѣ предстоитъ путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ, не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога—не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти, но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть

высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель также великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искуствѣ, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірскаго, во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ Ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны, во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искуства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью, не страстью дышущей земнымъ вожделѣніемъ, но тихой небесной страстью; безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія. Ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданье искуства Оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты...» Онъ остановился, и я замѣтилъ, что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ будто бы на него набѣжало какое-то мгновенное облако. «Есть одно происшествіе въ моей жизни,» сказалъ онъ. Донынѣ я не могу понять, что былъ тотъ стран-

ный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованье дьявола, и потому не буду говорить о немъ. Но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его, я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и, бездушно заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искуства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышетъ покоемъ. Мнѣ говорили, что портретъ этотъ ходитъ по рукамъ и разсѣваетъ томительныя впечатлѣнья, зараждая въ художникѣ чувство зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранитъ тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Нѣтъ ихъ страшнѣе. Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, нежели нанести кому-либо одну тѣнь гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызнуту однимъ пятномъ грязи изъ подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды.

Ибо на будешнихъ одеждахъ не замѣчаются пятна.» Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я такъ возвышенно подвигнутъ. Благоговѣйно, болѣе, нежели съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцаловалъ въ разсыпавшіеся его серебряные волосы. Слеза блеснула въ его глазахъ. «Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу,» сказалъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаньи.» Можетъ быть, тебѣ случится увидѣть гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ. Ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію, — во что бы то ни было, истреби его...» Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать клятвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случалось мнѣ встрѣтить ничего такаго, чтобы хотя сколько нибудь походило на описаніе, сдѣланное моимъ отцомъ, какъ вдругъ теперь на аукціонѣ...»

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. Тоже самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновеннаго портрета. Но къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ за тѣмъ послышались явственно слова: «украденъ.» Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовавшись вниманьемъ слушателей, увлеченныхъ расказомъ. И

долго всѣ присутствовавшіе оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или это была просто мечта, представшая только на мигъ глазамъ ихъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваніемъ старинныхъ картинъ.

Гоголь.

ПЕРЕѢЗДЪ ЧРЕЗЪ АПЕНИНЫ.

Я много претерпѣлъ и побѣдилъ невзгодъ
И страховъ и досадъ, когда отъ Камскихъ водъ
До Средиземныхъ водъ мы странствовали, строго
Судьбой гонимые. Окольною дорогой
И въ ночи темныя и въ сумрачные дни
Глубокой осени тащили насъ кони,
Дрожа отъ холода и тощи и нерьяны;
То вредоносные Миланскіе туманы
И долгіе дожди, которыми Туринъ
Тогда печалился, и грязь его долинъ,
Недавно выплывшихъ изъ шуму наводненья,
То сырость съ холодомъ и скудость отопленья
Въ гостинницахъ, гдѣ блескъ и пышность и просторъ,
Хрусталь и серебро, и мраморъ и фарфоръ,
И стѣны въ зеркалахъ — глазамъ большая нѣга,
А нѣтъ лишь прелести осенняго ночлега
Продрогшимъ странникамъ, нѣтъ милаго тепла,
То Піемонтская пронзительная мгла

И вдругъ, нежданая подъ небесами юга,
Дочь вѣтра и зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пѣніе и сладостно подъ-часъ,
Надъ моремъ сѣвернымъ баюкавшая насъ,
Насъ встрѣтила въ горахъ, летая распѣвая,
И славно по горамъ гуляла удалая,
Все угнетало насъ. Но берегъ! День встаетъ,
Италіанскій день! Открытый неба сводъ
Лазурью, золотомъ и пурпурами блещетъ.
И море свѣтлое колышется и плещетъ.

Языковъ.

СЪ КНИГОЮ: *СУМЕРКИ*.

С. И. К.

Сближеньемъ съ вами на мгновенье
Я очутился въ той странѣ,
Гдѣ, *въ оны дни*, воображенье
Такъ сладко, складно лгало мнѣ.
На умъ, на сердце мнѣ излили
Вы благодатныя струи —
И чудотворно превратили
Въ день ясный *сумерки* мои.

Баратынскій.

КОСОВСКАЯ БИТВА [1].

Сербская народная поэма XIV столѣтія.

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКАГО.

За столомъ, въ своей свѣтлицѣ,
Поздно Царь сидѣлъ съ Царицей.
«Лазарь [2], подданныхъ отецъ,
«Другъ мой, храбрый воевода,
«Лазарь, Сербскаго народа
«Златокованный вѣнецъ!
«Завтра, съ утренней зарею,
«Лишь всколыхнется туманъ,
«Ты къ погибельному бою
«Потечешь на басурманъ.
«Воеводы, слуги смѣло
«Потекутъ съ тобою въ бой,
«И въ свѣтлицѣ опустѣлой,
«Я одна осиротѣлой
«Буду брошена тобой.
«Девять соколовъ прекрасныхъ,

«Девять мѣсяцевъ златыхъ,
«Девять солнцевъ утра ясныхъ,
«Братьевъ ты берешь моихъ.
«И надъ чьей главой тоскуя,
«Клятву вѣчную въ любви,
«Другъ, тебѣ проп[illegible]есу'я,
«Какъ потонешь ты въ крови?»
Говорила такъ Милица [3]).
Слушалъ Царь, и молвилъ ей:
««Госпожа моя, Царица,
««Ясный свѣтъ моихъ очей!
««Братъ какой тебѣ милѣй?»»
«Божко.» ««Пусть же остается
««Онъ съ тобою въ терему.
««Завтра лишь заря займется,
««Утро выглянетъ сквозь тьму,
««Вся дружина удалая,
««На лихихъ коняхъ, въ походъ,
«Грозно копьями сверкая,
««На кровавый пиръ пойдетъ.
««И звѣзда моей дружины,
««Божко, братъ богатырей,
««Онъ съ хоругвью Палестины
««Будетъ ѣхать передъ ней.
««За градскою ставъ стѣною
««Рано утромъ, у воротъ,
««Ты увидишь, предъ тобою
««Рать блестящая пойдетъ.
««Поклонись отъ меня брату
««И скажи ему съ мольбой,

««Пусть пойдетъ онъ къ сувостату
««И останется съ тобой.
««Пусть хоругвь возметъ святую
««Тотъ, орелъ богатырей,
««Кто въ минуту роковую
««Будетъ биться всѣхъ храбрѣй.»»

Лишь взошла заря-денница
Надъ туманною землей,
Ужъ печальная Царица
Ждетъ дружины за стѣной.
Вотъ дружина удалая,
На лихихъ коняхъ, въ походъ,
Грозно копьями сверкая,
На кровавый пиръ идетъ:
И предъ ней, храбрецъ красивый,
Всадникъ скачетъ на конѣ,
И горитъ бѣгунъ ретивый
Весь во златѣ, какъ въ огнѣ.
Развѣвается святое
Знамя, зыблясь въ рукѣ;
Блещетъ яблоко златое
На возвышенномъ древкѣ.
И на яблокѣ сверкаютъ
Все кресты, въ лучахъ огней;
Съ нихъ волнуясь упадаютъ
Кисти Божку до плечей.
И схвативъ коня за гриву,
Останавливая ходъ,
Грустная сестра стыдливо
Божко за руку беретъ.

«Братъ мой милый ! Не ходи ты
«На кровавый, страшный бой;
«Если будутъ всѣ побиты,
«Хоть останься ты живой!
«Надъ главой твоей, тоскуя,
«Клятву вѣчную въ любви
«Лазарю произнесу я,
«Какъ потонетъ онъ въ крови.»
—Нѣтъ, сестра моя Милица!
Я пойду въ кровавый бой;
Стыдно мнѣ въ твоей свѣтлицѣ,
Какъ испуганной дѣвицѣ,
Быть бездѣйственнымъ съ тобой.
А хоругвь мою святую
И Царю я не отдамъ
За корону золотую.
И снесу ль я стыдъ и срамъ,
И снесу ль я укоризну
Отъ враговъ и отъ друзей,
Что за вѣру, за отчизну
Не лилъ крови я моей? —
Молвилъ онъ, — и бурный рьяный,
Скачетъ въ поле; вскорѣ вотъ
Ѣдутъ семь сыновъ Богдана
И старикъ отецъ впередъ.
Простирая къ нимъ объятья,
Кличетъ всѣхъ по имснамъ
Ихъ сестра. Но нѣтъ, ни братья,
Ни старикъ отецъ ихъ самъ
Ей не внемлютъ. И грустна
Смотритъ имъ во слѣдъ она.

Вотъ ведетъ коней Царевыхъ
Всадникъ крѣпкою рукой:
Въ чепракахъ они парчевыхъ
И подъ збруей золотой.
Это младшій братъ Царицы;
И къ нему она впередъ,
Бросившись быстрѣе птицы,
За узду коня беретъ,
И колѣна обнимая
Говоритъ: «Оставь коней,
«Братъ, звѣзда моя златая!
«Тронься участью моей.»
Нѣтъ, сестра! Я не покину
Коней Царскихъ. Богъ съ тобой!
Въ битвѣ, какъ Христіанину,
Лечь мнѣ должно головой.
И Милица, безотрадной
Горестью удручена,
Падаетъ на камень хладный.
Ѣдетъ Царь. Предъ нимъ жена
Всѣми брошена одна.
И залившися слезами
Лазарь тусклыми глазами,
Озираясь вокругъ,
Ищетъ въ полѣ вѣрныхъ слугъ.
Всѣ впередъ умчались слуги.
Съ нимъ одинъ слуга его.
«Отстегни, мой другъ, подпруги
«У коня ты своего
«И пусти его: на волѣ
«Пусть онъ бродитъ въ чистомъ полѣ,

«И со мною, Голубанъ,
«Не ходи на басурманъ;
«Но поднявъ съ земли Царицу,
«Отнеси ее въ свѣтлицу
«И служи ей, такъ какъ мнѣ
«Ты служилъ по старинѣ.»
Молвилъ Царь и быстро скачетъ.
Голубанъ, оставшись, плачетъ,
И съ коня спрыгнувъ идетъ;
Въ руки бѣлыя беретъ
Полумертвую Царицу
И несетъ ее въ свѣтлицу.
Но храбрецъ не могъ унять
Воли сердца удалаго.
Осѣдлалъ коня опять
И помчался подъ Косово.

На другой день утромъ рано,
Съ первымъ проблескомъ лучей,
Поднялись два черныхъ врана
Съ груды труповъ и костей.
Передъ ними издалека
Теремъ [4] видится высокой.
Враны прямо къ терему
И спустилися къ нему.
И одинъ изъ нихъ, главою
Долу сникнувши, кричитъ,
А другой, какъ бы съ тоскою,
Брату врану говоритъ:
«Это ль славный Царскій домъ?
«Что жъ такъ тихо, пусто въ немъ?»

И никто словъ грустной птицы
Не слыхалъ, кромѣ Царицы.
На крыльцо она спѣшитъ
И ко вранамъ говоритъ:
«Божьи птицы, черны враны!
«Вы откудова такъ рано?
«Не съ Моравскихъ ли береговъ?
«Не видали ль, какъ тамъ дрались
«Рати сильныя враговъ?
«Чьи погибли? Чьи остались?»
Отвѣчаютъ враны птицы
На печальный спросъ Царицы:
«Мы съ Моравскихъ береговъ;
Мы смотрѣли, какъ тамъ дрались
Рати сильныя враговъ,
Какъ главы Царей катались
Подъ копытами въ пыли.
Турки многіе легли;
Сербы жъ всѣ или побиты,
Или ранами покрыты.»

Между-тѣмъ едва живой,
На конѣ окровавленномъ,
Самъ весь кровью облитой,
Съ видомъ грустнымъ и смущеннымъ,
Ѣдетъ всадникъ. «Боже мой!
«Милютинъ! Какая доля
«Лазаря постигла въ полѣ?
«Ахъ, ты въ ранахъ весь, избитъ!»
Такъ Царица говоритъ.
Отвѣчаетъ всадникъ тихо:

«Госпожа! Отъ ранъ мнѣ лихо;
Поскорѣй сведи меня
Наземь съ добраго коня;
И водою ключевой
Ты лице мое умой,
И зіяющія раны
Окропи виномъ багрянымъ.»
Въ тотъ же мигъ она съ сѣдла
Наземь всадника сняла,
Пыль съ лица его отмыла,
И обливъ его виномъ,
Стала спрашивать о томъ,
Что на страшной битвѣ было.
«Скажи мнѣ скорѣе про Князя супруга,
«Скажи мнѣ про братьевъ, про стараго Юга,
«Про Вука, Милоша—могучихъ вождей,
«Про всѣхъ раскажи мнѣ, о другъ мой, скорѣй.»
Всѣ спятъ, о Царица, на полѣ широкомъ.
И тамъ, гдѣ палъ Лазарь, рубились жестоко.
Желѣзною жатвой долина взошла,
И — груды на груды — валились тѣла.
Потоптано много тамъ труповъ Турецкихъ
И нашихъ, Царица, головъ молодецкихъ.
А рано палъ въ битвѣ твой старый Богданъ
Подъ тучею копій въ рядахъ Мусульманъ.
Но не былъ покинутъ старикъ сыновьями;
Какъ въ отческой сѣни, стѣснившись рядами,
Легли они вмѣстѣ, легли всѣ въ бою
За кровь и отчизну и вѣру свою.
Всѣхъ долѣе Божко съ хоругвью святыни
Скакалъ межъ врагами по смертной долинѣ.

Направо, налѣво рубилъ ихъ, кололъ
И гналъ, какъ гонятъ голубокъ орелъ.
Страшня [3], сынъ Бана, боецъ неизмѣнный,
Сгибъ тамъ, гдѣ рубился въ крови по колѣна
И Ситница плещетъ холодной волною
Въ закрытыя очи Милошу герою. [6]
Косилъ онъ, какъ сѣно, главы Мусульманъ
И объ руку спитъ съ нимъ Турецкій Султанъ.
Милоша ждетъ въ небѣ большая награда,
И счастливы будутъ Милошовы чада:
Въ позднѣйшіе вѣки нашъ добрый народъ
Слезою и пѣснью его помянетъ.
Но Вуково [7] имя и дѣтямъ, и братьямъ
Звучать будетъ страшнымъ въ потомствѣ проклятьемъ:
Съ измѣною черной пришедши на бой,
Сгубилъ онъ вѣнецъ нашъ и край нашъ родной.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Косово—обширная равнина въ южной части Сербіи, мѣсто ужасной битвы между Турками и Сербами, происходившей въ 1389 году.

[2] Лазарь Бранковичъ, сынъ Уроша Стефановича, взошелъ на Сербскій престолъ въ 1371 году.

[3] Милица, супруга Лазаря, дочь боярина Юга Богдана.

[4] Дворецъ Лазаря былъ въ городѣ Крушевачѣ.

[5] Страшня, храбрый бояринъ.

[6] Милошъ Обиличъ, зять Лазаря.

[7] Вукъ Бранковичъ, другой зять Лазаря. По злобѣ къ Милошу онъ во время битвы передался Туркамъ съ 12 тысячами измѣнниковъ.

М. Чистяковъ.

СКУЧНО.

ДУМА.

Лѣсъ дремучій, лѣсъ угрюмый,
Пожелтѣлые листы,
Неразгаданныя думы,
Обманувшія мечты!

Солнце жизни закатилось,
Все прекрасное прошло,
Все завяло, измѣнилось,
Помертвѣло, отцвѣло

Все состарилось со мною;
Кончен мой разгульной пиръ;
Охладѣвшею душою
Я смотрю на свѣтлой міръ.

Міръ меня не разумѣетъ,
Міръ мнѣ сдѣлался чужой,
Не приманитъ, не согрѣетъ
Ни улыбкой, ни слезой.

То ли въ-старину бывало!
Какъ любилъ я свѣтлой міръ!
Опытъ сдернулъ покрывало...
И разбился мой кумиръ.

Какъ въ ненастьѣ, завываньe
Ворона въ душѣ моей...
Но есть тоже соловей
Сладкозвучный — упованье.

И. Мятлевъ

СОЛОВЕЙ.

Сладкозвучный соловей!
Говори душѣ моей;
Пой мнѣ пѣснь бывалыхъ дней,
Сладкозвучный соловей.

Какъ я любовался ей
Безъ заботы, безъ затѣй
Въ свѣтлой юности моей,
Сладкозвучной соловей.

Вѣрилъ я словамъ друзей,
Вѣрилъ добротѣ людей,
Пѣсней радуясь твоей,
Сладкозвучной соловей.

Пѣснь твоя въ тиши ночей
Нынче стала мнѣ грустнѣй;
Спой мнѣ пѣснь бывалыхъ дней,
Сладкозвучной соловей.

И. Мятлевъ.

ПРИДИ, ПРИДИ.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ СОЛОВЬЯ.

Приди, приди! Куда зовешь
Ты, соловей, меня съ собою?
О чемъ невѣдомомъ поешь,
О чемъ бесѣдуешь съ душою?

Приди, приди! Уже ли ты
Въ краю, куда мои просились
Всегда завѣтныя мечты
И всѣ желанія стремились.

Приди, приди! Но досказать
Не можешь ты всего, что знаешь,
Велишь ты сердцу уповать,
Зовешь съ собой и умоляешь.

Приди, приди! Но я безъ крылъ;
Не улетѣть мнѣ за тобою;
Тоску ты только зародилъ
Мнѣ въ сердце пѣсней неземною.

И. Мятлевъ.

КЪ НИЦАРКѢ.

Если бъ другъ твой былъ Зевесъ,
И была бы ты Юнона,
Садъ твой, милая Миньона,
Процвѣталъ бы не какъ лѣсъ;
Въ немъ не ландыши простые
Осѣнила бъ тѣнь дубовъ,
А блистательно-живые
Гакинфы золотые,
Драгоцѣнности садовъ.

Языковъ.

ДУША НА ЧУЖБИНѢ.

Она была прелестнѣйшимъ ребенкомъ,
Съ головкою въ кудряхъ, спускавшихся до плечъ,
Съ глазами быстрыми, со станомъ гибкимъ, тонкимъ,
И трелью золотой ея звучала рѣчь.
Но игры дѣтскія она забыла рано,
Или не знала ихъ. Младенческихъ подругъ
Призыву шумному ей было слушать странно,
Она смущалася невольно, или вдругъ
Величьемъ царственнымъ глаза ея блистали,
Чело туманилось, уста негодовали...

Іюльской ночи сонъ, пахучихъ липъ навѣсъ,
Зарницы голубой широкіе разбѣги,
Да перекликъ орловъ въ безбрежіи небесъ,
Да переплескъ волны морской на сонномъ брегѣ

Она любила такъ... Но нѣжная душа,
Въ оковахъ мелочной существенности, скоро,
Безъ соучастія, и воли и простора,
Изнемогла. А все такъ чудно хороша
Была страдалица и поступью несмѣлой
И томностью ланитъ съ румянцемъ розы бѣлой.

Чрезъ много лѣтъ потомъ мы встрѣтились. Она
И прелесть прежнюю и странность сохранила;
Но шопотъ липъ душистыхъ, тишина
Ночная, плескъ волны, все, все ее страшило,
Богъ знаетъ почему! И мирный кабинетъ
Ей былъ пріятнѣе. И вотъ судья правдивый,
Слѣпецъ въ своихъ дѣлахъ, а въ чуждыхъ прозорливый,
Ее безчувственной, холодной назвалъ свѣтъ,
А въ ней такъ много чувствъ, страстей такъ много было:
Она бъ весь этотъ міръ собой одушевила!

Но чистая, могла ль его любви пустой
Откликнуться своей возвышенной любовью,
Иль горькими слезами, иль враждой
Его лукавому и желчному злословью!
Ей чуждъ и дикъ былъ міръ; она не поняла
Страстей его холодныхъ, жалкихъ мнѣній,
Безславныхъ доблестей и славныхъ заблужденій;
Она для мирныхъ дней сотворена была,
Для узъ семейственныхъ, любви заботъ священныхъ,
Возвышенныхъ молитвъ и звуковъ вдохновенныхъ...

И до конца она любила лиры звонъ,
И до конца она не высказала лирой

Ни сердца скорбнаго неусыпимый стонъ,
Ни вопль души своей тоскующей и сирой.
И незамѣчена, подъ небомъ грустныхъ дней,
Она прошла.

Такъ часто роза молодая
Подъ зноемъ тягостнымъ, подъ бурями страдая,
Цвѣтетъ въ степи — и нѣтъ привѣта бѣдной сей,
Когда она рѣзво головкою колышетъ,
Иль каплетъ амброю и ароматомъ дышетъ.

К. Айбулатъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXVII ТОМА.

СТРАН.

(Первой нумераціи).

I. Современныя записки.

Первое посѣщеніе Александровскаго Университета Августѣйшимъ его Канцлеромъ. 5.

Чичиковъ или Мертвыя души, Гоголя. *С. Ш.* 19.

Ученое Финляндское Общество. 62.

II. Разборъ новыхъ книгъ.

Новыя сочиненія. 71.

Новые переводы. 123.

Новыя изданія. 133.

(Второй нумераціи).

III. Новѣйшая исторія.

Три послѣднія Главы изъ Исторіи Генрильясовъ. *Н. В. Невѣдомскаго.* 1.

Взглядъ на Фронду. *К. А. Петерсона.* 57.

О Королѣ Густавѣ II Адольфѣ. 69.

(Третьей нумераціи).

IV. Расказы и Повѣсти.

Портретъ. *Н. В. Гоголя.* 1.

V. Стихотворенія.

Переѣздъ чрезъ Апенины. *Н. М. Языкова.* 93.

Съ книгою: Сумерки. *Е. А. Баратынскаго.* 95.

Косовская Битва. *М. Чистякова.* 96.

Скучно. *И. П. Мятлева.* 105.

Соловей. *Его же.* 107.

Приди, Приди. *Его же.* 108.

Къ Ницаркѣ. *Н. М. Языкова.* 109.

Душа на чужбинѣ. *К. М. Айбулата.* 110.

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.